

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева»

**ВЕСТНИК
ЧУВАШСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. И. Я. ЯКОВЛЕВА**

Научный журнал

№ 2 (82)

Апрель – июнь 2014 г.

Учредитель

Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Чувашский государственный
педагогический университет
им. И. Я. Яковлева»

Издается с ноября 1997 г.

Выходит 1 раз в три месяца

Зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-58093 от 20.05.2014)

Включен в Перечень рецензируемых
научных журналов и изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные
научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 39898

Адрес редакции: 428000,
г. Чебоксары, ул. К. Маркса, 38
Тел.: (8352) 62-08-71

E-mail: redak_vestnik@chgpu.edu.ru
www: http://vestnik.chgpu.edu.ru

© ФГБОУ ВПО «Чувашский
государственный
педагогический университет
им. И. Я. Яковлева», 2014

Главный редактор *Б. Г. Миронов*, д-р физ.-мат. наук, профессор

Заместитель главного редактора *Т. Н. Петрова*, д-р пед. наук, профессор

Ответственный редактор *Л. Н. Улюкова*

Ответственный секретарь *А. А. Сосаева*

Редакционная коллегия:

редакционный совет:

Адягаши К., д-р филол. наук, профессор (г. Дебрецен, Венгрия);
Алексеев В. В., д-р биол. наук, доцент (г. Чебоксары);
Анисимов Г. А., д-р пед. наук, профессор (г. Чебоксары);
Арсалиев Ш. М.-Х., д-р пед. наук, профессор (г. Грозный);
Байрам Б., д-р филол. наук, доцент (г. Кырларэли, Турция);
Дыбо А. В., д-р филол. наук, профессор (г. Москва);
Ильина Н. А., д-р биол. наук, профессор (г. Ульяновск);
Кожанова М. Б., д-р пед. наук, профессор (г. Чебоксары);
Маловичко Л. В., д-р биол. наук, профессор (г. Москва);
Мухтарова Ш. М., д-р пед. наук, доцент (г. Караганда, Казахстан);
Неверкович С. Д., д-р пед. наук, профессор (г. Москва);
Тер-Минасова С. Г., д-р филол. наук, профессор (г. Москва);
Хайрутдинов М. А., д-р пед. наук, профессор (г. Николаев, Украина);
Хрисанова Е. Г., д-р пед. наук, профессор (г. Чебоксары);
Чичурин А. С., д-р физ.-мат. наук, профессор (г. Варшава, Польша);

члены редакционной коллегии:

Артемов Ю. М., д-р филол. наук, профессор (г. Чебоксары);
Ахметов Л. Г., д-р пед. наук, профессор (г. Елабуга);
Ванюшин Ю. С., д-р биол. наук, профессор (г. Казань);
Воронов Л. Н., д-р биол. наук, профессор (г. Чебоксары);
Григорьев В. С., д-р ист. наук, профессор (г. Чебоксары);
Димитриев Д. А., д-р мед. наук, профессор (г. Чебоксары);
Дмитриева Е. Н., д-р пед. наук, профессор (г. Нижний Новгород);
Драноров Г. Л., д-р пед. наук, профессор (г. Чебоксары);
Дурмуш О., д-р филол. наук, доцент (г. Эдирне, Турция);
Дыбина О. В., д-р пед. наук, профессор (г. Тольятти);
Кельмаков В. К., д-р филол. наук, профессор (г. Ижевск);
Коваленко М. Д., д-р физ.-мат. наук, профессор (г. Москва);
Куришева Г. А., д-р ист. наук, профессор (г. Саранск);
Лавина Т. А., д-р пед. наук, профессор (г. Чебоксары);
Максимова Л. А., д-р физ.-мат. наук, профессор (г. Чебоксары);
Морова Н. С., д-р пед. наук, профессор (г. Йошкар-Ола);
Мудрак О. А., д-р филол. наук, профессор (г. Москва);
Орлов В. Н., д-р физ.-мат. наук, доцент (г. Чебоксары);
Платонова Р. И., д-р пед. наук, доцент (г. Якутск);
Прокопенко В. И., д-р пед. наук, профессор (г. Сургут);
Рабицев И. Э., д-р биол. наук, профессор (г. Москва);
Рахимов И. И., д-р биол. наук, профессор (г. Казань);
Резанов А. Г., д-р биол. наук, доцент (г. Москва);
Рязанцева И. М., д-р пед. наук, профессор (г. Чебоксары);
Семенова Г. Н., д-р филол. наук, доцент (г. Чебоксары);
Сергеев Л. П., д-р филол. наук, профессор (г. Чебоксары);
Ситдинов Ф. Г., д-р биол. наук, профессор (г. Казань);
Тенюкова Г. Г., д-р пед. наук, профессор (г. Чебоксары);
Фахрутдинова Г. Ж., д-р пед. наук, профессор (г. Казань);
Харитонов М. Г., д-р пед. наук, профессор (г. Чебоксары);
Шайхулов А. Г., д-р филол. наук, профессор (г. Уфа);
Широков О. Н., д-р ист. наук, профессор (г. Чебоксары).

УДК 621.316.5

**АНАЛИЗ ФИЗИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ИЗНОСА
ЭЛЕКТРИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ КОММУТАЦИОННЫХ
НИЗКОВОЛЬТНЫХ АППАРАТОВ**

**ANALYSIS OF PHYSICAL PROCESSES OF WEAR
OF ELECTRIC CONTACTS IN LOW VOLTAGE SWITCHING DEVICES**

А. А. Григорьев¹, М. А. Ваткина²

A. A. Grigoryev¹, M. A. Vatkina²

*¹ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

²ООО «Научно-производственное предприятие “ЭКРА”», г. Чебоксары

Аннотация. Дается анализ экспериментальных и теоретических исследований, посвященных выяснению физической природы эрозионных явлений на коммутирующих контактах электрических аппаратов, описываются физические процессы, причины и механизм износа контактов в условиях бездуговой коммутации тока, проблемы дугогашения в коммутационных низковольтных аппаратах для тяжелых режимов работы. Рассматриваются методы и принципы создания перспективных низковольтных гибридных аппаратов на основе силовой электроники, обсуждаются преимущества новых коммутационных гибридных аппаратов, в которых полностью решается проблема исключения электрической дуги из процесса коммутации.

Abstract. The article provides the analysis of experimental and theoretical studies on physical nature of erosion of switching contacts in electric apparatus. The physical processes, reasons and mechanisms of contacts' wear in the arcless commutation of current are described as well as the problems of arc suppression in low voltage switching devices used under severe operating conditions. The methods and principles of creating low voltage hybrid apparatus based on power electronics are covered; the advantages of new switching hybrid apparatus in which the electric arc is eliminated from the process of switching are discussed.

Ключевые слова: электрическая дуга, коммутирующие контакты, механический износ, электрический износ, электрическая эрозия, гибридный аппарат, бездуговая коммутация, силовой полупроводниковый ключ.

Keywords: *electric arc, switching contacts, mechanical wear, electric wear, electric erosion, hybrid apparatus, arcless commutation, power semiconductor switch.*

Актуальность исследуемой проблемы. Проблемы электрических контактов коммутационных низковольтных аппаратов (НВА) весьма разнообразны. Это связано с условиями их эксплуатации, многообразием конструктивной номенклатуры, сложностью физических процессов, а также с непрерывным повышением требований к коммутационным электрическим аппаратам (увеличиваются их номинальные токи, токи короткого замыкания, повышаются требования к частоте работы, износоустойчивости, надежности и долговечности). Общее представление о многообразии возникающих проблем может дать анализ физических процессов, происходящих в замкнутых, замыкающих и размыкающих контактах, и особенностей, определяемых средой, в которой работают электромеханические коммутирующие контакты НВА [1], [22], [29].

Для выявления наиболее рациональных путей создания перспективных коммутационных НВА, увеличения их надежности и срока службы необходимо рассмотреть и сравнить существующие физические методы и принципы коммутации. Основными узлами, определяющими ресурс коммутационного НВА постоянного тока, являются контакты – важнейший фактор надежности и коммутационной износостойкости. Они производят замыкание, размыкание и переключение электрических цепей и являются местами перехода тока из одной токоведущей контакт-детали в другую. Контакты включающих и выключающих электрических коммутационных НВА в условиях эксплуатации могут непрерывно с разной частотой срабатывания переходить из одного положения в другое, а также длительно находиться как в замкнутом, так и разомкнутом положении [14], [23], [27], [29]. Режим работы контактов НВА характеризуется временем цикла коммутации и повторностью включения, определяющими уровень нагрева материала контактов. От параметров коммутируемой цепи (напряжения и тока) зависит вид электрического разряда между контактами, а следовательно, разновидность процесса электрического износа контактов.

Механический износ электрических контактов не привлекал к себе широкого внимания вследствие своего более низкого уровня износа (на порядок и более) по сравнению с электрическим. Между тем механические процессы, связанные с ударом и трением, чрезвычайно важны в практике применения контактов. Они имеют самостоятельное значение в коммутационных контактах, когда имеется в виду обеспечение надежного контакта в длительной эксплуатации в условиях образования на контактных поверхностях разного рода пленок и загрязнений, и могут вообще выходить на передний план при оценке надежности и долговечности контактов. Это относится к случаям работы контактов с недогрузкой по току и уменьшения до минимума или полного исключения воздействия дуги на контакты в условиях коммутации в «бестоковую паузу» на переменном токе и в условиях гибридной бездуговой коммутации «сухой» цепи постоянного тока, что требует поэтапного решения этой проблемы.

Механической коммутацией можно условно назвать процессы приведения в движение, перемещения и остановки элементов коммутационных электрических НВА [23]. Перемещение подвижной системы НВА создает условия для реализации их основной функции – коммутации электрических цепей контактной системой. Теория процессов, происходящих при механической коммутации, достаточно полно отражена в литературе [2], [23].

Вопросам электрического износа посвящены многочисленные исследования, позволяющие далеко продвинуться в понимании физики и количественной оценки явления

износа. Интерес к подобным исследованиям, которые особенно актуальны в условиях бездуговой коммутации в НВА, не ослабевает и в настоящее время. Износ коммутационных контактов в НВА является результатом комплекса электрических, механических и климатических воздействий и не поддается простому разделению на электрическую, механическую и химическую составляющие [7], [23].

Коммутирующие контакты НВА могут находиться в двух возможных состояниях: разомкнутом и замкнутом. Очень важным для характеристики их работоспособности являются процессы перехода из одного состояния в другое и наоборот. В процессе замыкания расстояние между контактами уменьшается, при достижении некоторого расстояния между ними создаются условия для пробоя и возникает дуга замыкания, после соприкосновения контактов дуга гаснет. Если в данном случае имеет место вибрация контактов (дребезг), то при каждом разрыве цепи вновь возникают электрические разряды, которые приводят к эрозии контактов или могут оказаться причиной их сваривания. Величина эрозии при замыкании контактов зависит как от отключаемого тока, так и от времени вибрации контактов, т. е. времени, в течение которого на контакты воздействуют электрические разряды. Поэтому радикальным методом повышения надежности и увеличения срока службы контактной НВА является уменьшение длительности горения электрической дуги до ее полного исключения из процесса коммутации [3], [4], [16], [28].

Материал и методика исследований. Целью исследований является анализ существующих физических методов и принципов коммутации низковольтных цепей. Фундаментальным вкладом в развитие теории физических процессов электрического износа являются работы ученых О. Б. Брона, К. К. Намитокова, В. Т. Омельченко, Р. С. Кузнецова, Г. А. Буткевича, И. С. Таева, В. И. Раховского и др. [12], [21].

Для создания современных коммутационных НВА необходимы фундаментальные исследования в целях повышения ресурса их работы и экономии дефицитных материалов контактов НВА, пока изготавливаемых на базе серебросодержащих материалов. Учитывая ограниченные запасы серебра, необходимо искать пути более экономного использования и замены драгоценных металлов на базе исследований износостойкости другими контактными материалами.

Классификация коммутирующих контактов по размыкаемой мощности, току и напряжению (определяющих характер их электрического износа) является довольно условной, так как она основана на учете внешних признаков, а не физической природы явлений. В данной классификации в качестве главного критерия принято брать величину тока. По величине коммутируемого тока контакты могут классифицироваться на слаботочные (токи от долей до единиц ампера), среднеточные (токи от единиц до сотен ампер) и сильноточные (токи от сотен до десятков тысяч ампер) [7], [15].

Кардинальное значение для среднеточных и сильноточных коммутационных НВА имеет износ контактов под действием электрической дуги. Этот износ происходит как в результате выгорания, так и разбрызгивания металла контактов. Показано [13], что обгорание контактов в низковольтных аппаратах зависит от величины тока, продолжительности горения дуги и материала контактов. Во многих аппаратах оптимальные условия коммутации могут быть достигнуты при применении разнородных контактных материалов [14], [24].

На основании анализа результатов исследований процесса электрического износа контактов и специфических особенностей различных форм эрозионных явлений, приведенных в работах [17], [25], на рис. 1 предложена классификационная схема электрической эрозии.

Можно выделить следующие основные факторы, влияющие на физический процесс электрического износа контактов коммутационных НВА: 1) конструктивные параметры; 2) параметры цепей электромагнитного привода; 3) свойства материала контактов; 4) параметры и особенности дугогашения; 5) параметры коммутируемой электрической цепи; 6) параметры режима работы; 7) параметры окружающей среды.

Рис. 1. Классификационная схема электрической эрозии

Эрозия контактов связана с их разрушением, являющимся следствием образования контактного перешейка (мостика) из расплавленного материала контактов в начальной стадии их расхождения, сопровождающейся переносом материала с одного контакта на другой. При токах выше минимальных, когда между контактами уже возникает дуга размыкания, характерной является эрозия катода, которая происходит вследствие бомбардировки катода положительно заряженными ионами и практически не зависит от нагрева контактов. Величина напряжения не оказывает активного влияния на износ контактов при замыкании, однако при напряжении ниже 24 В износ может существенно уменьшиться из-за влияния сопротивления дуги на ток при вибрации контактов. При размыкании напряжение может влиять на износ контактов, если оно оказывает воздействие на время нахождения дуги на рабочей поверхности контакта и на ток в дуге. Чем выше пики напряжения, тем больше энергия и длительность горения дуги размыкания и тем сильнее износ контактов. При увеличении индуктивности цепи повышаются пики напряжения и длительность горения дуги, что способствует эрозии и износу контактов (особенно при постоянном токе).

В области среднеточных и сильноточных коммутационных НВА основной причиной нарушения нормальной работы контактов является дуговой (электрический) износ, вызываемый термическим и электродинамическим действием дуги. Износ контактов слаботочных аппаратов при замыкании и размыкании цепи, в которой электрическая дуга не образуется, практически ничтожен. При наличии дуги обычно оба контакта теряют материал. Конструкция коммутационного НВА должна быть такой, чтобы износ электрических контактов в течение предусмотренного числа коммутаций не приводил к нарушению его работы. Величину износа контактов оценивают по потерям массы или объема или по линейному изменению суммарной высоты контактной пары, определяемой по изменению величины провала контактов [14], [23], [24].

Основным видом износа контактов коммутационных НВА в условиях бездуговой коммутации тока является мостиковая эрозия материала контактов в короткой дуге, изложенная в работе [19]. В данной работе были получены результаты экспериментальных исследований жидких металлических мостиков, возникающих на медных и металлокерамических контактах при размыкании силовых электрических цепей (для количественного определения мостиковой эрозии электрических контактов), а также установлено, что время существования мостика обратно пропорционально величине ускорения при размыкании контактов, так как для достижения одной и той же длины мостика при прочих равных условиях требуется меньшее время при большем ускорении разведения контактов.

Причины износа металлических контактов в условиях бездуговой коммутации на основе физических представлений указаны в работе [27]. В ней также было отмечено, что протекание электрического тока между двумя замкнутыми контактами происходит не по всей поверхности контакта, а лишь в отдельных участках (опорных пятнах). В работе экспериментально установлено, что жидкие контактные мостики служат источником эрозии поверхности контактов при отсутствии дугового разряда, и введено понятие «тонкого» переноса, т. е. чисто мостикового, не зависящего от формы контактов, в отличие от грубого – дугового переноса. По сложившейся традиции весь наблюдаемый износ коммутирующих контактов принято разделять на электрический и механический.

Настоящая статья посвящена рассмотрению некоторых проблем низковольтной аппаратуры, в частности износу электрических контактов применительно к условиям бездуговой коммутации тока с анализом имеющихся по этому вопросу работ, где основным фактором электрического износа контактов является мостиковая эрозия, вызываемая «тонким» переносом материала.

Результаты исследований и их обсуждение. Несмотря на значительные успехи в области изучения физики процессов и механизма электрического износа, еще не достигнуто единого мнения по многим спорным вопросам. Это прежде всего объясняется большими трудностями экспериментального характера, имеющими место при определении таких важных характеристик электрической дуги, как плотность тока на контактах, температура и напряженность поля в различных частях разряда, соотношение электронной и ионной составляющей тока и др., что привело к появлению многочисленных теорий и гипотез. В настоящее время общепризнанной является тепловая теория эрозии контактов на основе теплофизических представлений [11], [21], [22] [23] и электроискрового способа обработки металлов [9].

Известно, что электрические контакты современных аппаратов должны удовлетворять таким требованиям, как:

- 1) малое электрическое сопротивление материала контактов и малое контактное электрическое сопротивление;
- 2) незначительная эрозия контактов, связанная с разрушением контактной поверхности и переносом материала с одного электрода на другой;
- 3) отсутствие свариваемости при замыкании и размыкании контактов, а также склонности к образованию мостиков;
- 4) механическая, термическая и химическая стойкость контактов;
- 5) высокая теплопроводность [25].

На основании многочисленных экспериментальных данных и теоретических исследований было установлено, что ни чистые металлы, ни их сплавы не могут в полной мере удовлетворять вышеперечисленным требованиям. При этом также выяснилось, что суще-

стствует принципиальная возможность совмещения целого комплекса необходимых свойств в материалах со сложной гетерогенной структурой, которые состоят из компонентов, химически не взаимодействующих ни в твердом, ни в жидком состояниях [18], [25]. В контактной технике такие материалы, изготавливаемые различными методами порошковой металлургии (пропиткой, экструзией, термическим прессованием), получили название металлокерамических композиций, или псевдосплавов [18].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно заключить, что при коммутации электрических цепей контактными коммутационными НВА в межконтактном промежутке, как правило, возникает (как при замыкании контактов, так и при их размыкании) электрическая дуга.

В коммутационных НВА дуга включения, обусловленная электрическим пробоем межконтактного промежутка, практически отсутствует, и износ контактов при включении объясняется их вибрацией – процессом, происходящим в узкой щели между вибрирующими контактами. Все это приводит к износу контактов при включении, причем и в этом случае основной причиной износа является наличие преддуговой стадии и дуги на замыкающих контактах [22], [26]. Физические процессы, происходящие в электрических контактах НВА при протекании через них тока, разнообразны и сложны. Они определяются конструкцией контактов, их материалом, условиями эксплуатации и др. [2], [21], [23], [27]. Вопросы контактно-эрозионных явлений в слаботочных контактных НВА под действием малых токов подробно рассмотрены в литературе [17], [14], [23].

Известно [27], что всякий раз, когда величина тока в цепи и напряжение на дуговом промежутке превосходят свои минимальные значения, вслед за взрывом жидкого металлического мостика между контактами формируется сначала короткая, а затем плазменная дуга.

Диаграмма разделения мостиковой и дуговой стадий эрозии схематически представлена на рис. 2 [18].

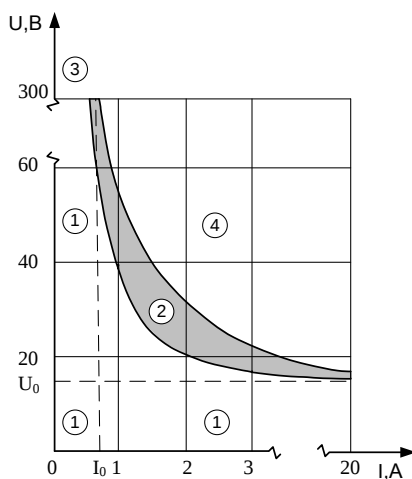

Рис. 2. U – I диаграмма разделения мостиковой и дуговой стадий эрозии контактов

В области 1 ($U < U_0$ при всех значениях I , а также $I < I_0$ при $U < 300$ В) явления газового разряда отсутствуют. В этом случае структурные нарушения контактной поверхности появляются в результате мостикового переноса материала.

При увеличении напряжения в цепи до значений $U > U_0$ при токе $I > I_0$ происходит переход разряда сначала к нестационарной (область 2), а затем к стационарной дуге замыкания (область 4) [27]. Минимальный ток дуги I_0 (ток среза) для различных металлов лежит в пределах 0,5–10 А [10]. Загрязнение поверхности контактов (окисление), как правило, ведет к уменьшению минимальных значений тока и напряжения дуги [25].

Таким образом, величина минимального тока дугообразования зависит от материала контактов, состояния контактных поверхностей, среды, индуктивности цепи и напряжения. При токах более низких, чем минимальный ток дугообразования, теоретически контакты должны размыкать цепь без дуги (при соответствующем напряжении). Индуктивность цепи, окисление контактов, влажность воздуха понижают минимальный ток дугообразования. Контакты в цепях постоянного тока должны размыкаться по возможности быстро и резко до промежутка такой длины, при которой НВА способен быстро прервать ток нагрузки, чтобы свести к минимуму повреждение контактов от дуги. В цепях переменного тока контакты испытывают меньшее повреждение от дугообразования, если они размыкаются медленно, так как дуга прекращается при первом реверсе тока.

Мостики могут возникать как при замыкании, так и при размыкании контактов. Если скорость замыкания контактов достаточно велика и при этом отсутствует вибрация, то мостиковый перенос при замыкании контактов отсутствует [20], причем мостиковая эрозия на размыкающихся контактах на несколько порядков больше, чем на замыкающихся [27]. Существенный вклад в изучение мостиковой эрозии при размыкании электрических контактов слаботочных цепей внесли работы [7], [19], силовоточных цепей – [1], [27]. Известно, что ни одна из существующих теорий не в состоянии достаточно полно и непротиворечиво описать физические процессы и механизм мостиковой эрозии. Так, в последнее время велись попытки создания новой теории, способной дать более или менее полный математический анализ процессов, происходящих при размыкании контактов. Такая теория, названная тепловой, изложена в работе В. Т. Омельченко [19]. На основе данной теории разработаны рекомендации для необходимого выбора как однородных, так и разнородных контактных материалов, которые обеспечивают повышенную износостойкость и надежность работы электрических НВА.

При размыкании контактов коммутационных НВА их переходное сопротивление растет довольно быстро, так что изменения тока нагрузки практически не происходит. Вследствие этого растет падение напряжения, увеличиваются мощность джоулевых потерь и температура площади касания, в результате некоторые участки контактных поверхностей расплавляются, а дальнейшее перемещение подвижного контакта приводит к появлению мостика расплавленного металла. Механические растягивающие усилия, нагрев мостика до температуры кипения, электродинамические силы отталкивания способствуют разрыву мостика. При соответствующих условиях после разрыва мостика могут возникнуть различные формы электрического разряда для среднеточных и силовоточных цепей. Если ток и напряжение превышают некоторые минимально необходимые значения (рис. 2), то между контактами появляется дуговой разряд (для медных контактов эти значения составляют соответственно 0,43 А и 13 В) [8].

Наличие электрической дуги обуславливает такие нежелательные явления, как эрозия, оплавление, сгорание и разбрызгивание материала контактов, что приводит к умень-

шению провала контактов, к увеличению их нагрева и в конечном итоге к сокращению срока службы аппарата. Отказы, которые наблюдаются при работе коммутационных НВА, в основном объясняются перечисленными ниже явлениями, сопровождающими электрическую дугу. В зависимости от условий эксплуатации НВА коммутирующие контакты выходят из строя по таким причинам, как эрозия (мостиковый перенос), электрический и механический износ (потеря массы, изменение формы и размеров контактных деталей), химический износ (коррозия – главным образом окисление), сваривание (потеря способности к размыканию) и отрыв контактов (контакт-деталей) от контактодержателей [9].

В разряженном воздухе (его давление составляет 760–1 мм. рт. ст.) отключить ток более 100 А в НВА без специальных мер дугогашения с однократным разрывом контактов возможно лишь при напряжении не более 15–20 В. В этом случае раствор контактов не превышает допустимых величин (5–10 мм). Если же в НВА коммутация в вакууме осуществляется несколькими парами контактов, то должны быть приняты меры для электрической изоляции одного раствора контактов от другого. Это необходимо для того, чтобы не допустить отказа – перекрытия дугой неподвижных контактов при изменении направления ее движения в вакууме [21].

Отказ контактов коммутационного НВА – это такое видоизменение его свойств, которое существенно снижает качество, надежность и приводит к неработоспособности, т. е. к неспособности управлять состоянием электрической цепи. Работа электрических контактов коммутационных НВА сопровождается целым комплексом электрических, механических и климатических воздействий, которые приводят к физико-химическим изменениям, формоизменению и разрушению материала контактной поверхности, что объединяется понятием «электрический износ» контактов. Понятие электрической эрозии чаще всего ассоциируется с разрушением поверхности контактов (электродов) под действием электрических разрядов. Применительно к контактам электрических НВА в условиях бездуговой коммутации электрической эрозией называют износ контактов, находящихся под напряжением в момент их замыкания и размыкания. Механизм эрозии в этих двух случаях различный. Более того, в каждом из них процесс эрозии может быть обусловлен разными причинами.

Одним из видов электрической эрозии является мостиковая эрозия, вызывающая направленный перенос металла от одного контакта к другому (обычно от анода к катоду). Этот вид эрозии количественно мал, но опасен, так как вызывает образование игл и глубоких кратеров. При этом характерны отказы контактов из-за «заклинивания»: возникающие иглы не позволяют контактам либо замкнуться, либо разомкнуться. Окисление контактных точек, не подвергавшихся воздействию электрической дуги, выражено слабо. Контактная проводимость в этом случае нарушается главным образом под влиянием внешних загрязнений или пленок, образующихся вследствие атмосферной коррозии.

Проблема устранения электрической дуги полностью решается в бесконтактных (статических или электронных) НВА (без использования электромеханических контактов), создаваемых на основе силовых полупроводниковых приборов (СПП) [28].

Бесконтактные аппараты обладают рядом достоинств по сравнению с контактными аппаратами, которые объясняются свойствами СПП. Однако при этом теряется ряд ценных свойств контактных аппаратов. Сопоставление контактных и бесконтактных НВА показывает, что контактные НВА имеют неоспоримые преимущества в тех случаях, когда при относительно больших токах и напряжениях требуется обеспечить простой коммутационный режим [28].

В настоящее время одним из перспективных направлений в решении проблемы исклечения дуги из процесса коммутации в НВА является создание гибридных аппаратов (ГА) нового поколения, объединяющих в себе элементы контактных и бесконтактных аппаратов, которые сочетают положительные качества обоих типов аппаратов [3], [4], [5], [6]. Достоинства такой бездуговой гибридной коммутации очевидны [28]. Электромеханические контакты в ГА служат для проведения тока нагрузки в длительном режиме (функция пропускания тока), а СПП сокращают длительность горения дуги или вовсе исключают ее возникновение при переключениях (функция коммутации), объединяя достоинства контактных и бесконтактных аппаратов.

Первые фундаментальные исследования, направленные на изучение физических процессов эрозии шунтированных контактов в ГА, изложены в работе [16]. В этих аппаратах контакты шунтировались неуправляемыми СПП – тиристорами. Радикальным методом уменьшения износа, повышения надежности и увеличения износостойкости коммутационных НВА является сокращение длительности горения дуги [16], [22], [28]. Короткие дуги появляются как при размыкании, так и при замыкании контактов в ГА, однако вследствие специфики отключения цепей, шунтированных СПП, эти дуги при размыкании имеют большую длительность, а следовательно, обладают большим разрушающим действием. Кратковременный дуговой разряд, возникающий при размыкании электрических контактов в НВА с бездуговой коммутацией, сопровождается поступлением на поверхность электродов теплового потока. Металл под действием теплового импульса нагревается до высокой температуры, и на его поверхности развивается довольно интенсивное испарение, причем энергия, затраченная на испарение, на порядок выше энергии плавления. В связи с этим при рассмотрении тепловых явлений на контактах можно пренебречь энергией плавления [29].

Существенный интерес представляет такой параметр, как время существования короткой дуги при отключении контактами ГА постоянного тока, оказывающего большое влияние на величину эрозии контактов в этой стадии. Во время существования короткой дуги наблюдается феномен неподвижности опорных точек дуги, в зоне которых происходит интенсивный электрический износ контактов – изменение их геометрии и объема за счет испарения и мостикового переноса материала [1], [17].

Рассмотрим основные особенности коммутационных ГА [16]:

1) падение напряжения на включенном аппарате определяется контактной группой электромеханического привода (ЭМП), и поэтому его значение мало, одновременно устраняется недостаток бесконтактного аппарата – значительное падение напряжения на открытых СПП;

2) СПП с параллельным (шунтирующим) включением в ГА работают в кратковременных режимах. Это дает возможность применять СПП на номинальные токи гораздо меньше отключаемых;

3) импульсный режим работы СПП позволяет избавиться от громоздких систем их охлаждения и тем самым значительно снизить габариты, вес и стоимость ГА;

4) в ГА возможно электрическое отделение нагрузки от сети при применении мостиковых главных контактов с двумя разрывами или вспомогательных контактов ЭМП;

5) при включенном ГА шунтирующие СПП защищены от действия длительных перегрузок по току и от сверхтоков сквозных коротких замыканий;

6) так как контакты ГА практически не участвуют в процессе коммутации, их электрический износ близок к механическому;

7) электрические контакты ГА в процессе размыкания подвергаются действию мостиковой эрозии от короткой дуги.

Существующие схемы бездуговой коммутации не исключают появления короткой дуги, что отражается на сроке службы и надежности работы электрических контактов ЭМП в ГА. Наряду с этим следует отметить преимущества нового поколения ГА [3], [4], [5], [6]:

а) в сравнительно простых оригинальных схемах бездуговой коммутации, защищенных патентами, достигнуто оптимальное управление управляемого силового транзисторного ключа (СТК), которое полностью исключает электрическую дугу из процесса гибридной коммутации;

б) перспективные ГА, работающие с заданным законом бездуговой коммутации, построены на новом способе гибридной коммутации, в основу которой положена идея последовательного соединения полностью управляемых СТК с контактами ЭМП;

в) отсутствие электрической дуги при коммутации позволяет применять ГА для работы во взрывоопасных средах. Сокращение длительности горения дуги (или вовсе исключение ее возникновения) дает возможность в определенных случаях отказаться от громоздких и сложных дугогасительных устройств.

Резюме. Таким образом, по сравнению с известными способами гибридной коммутации, построенной на принципе шунтирования контактов ЭМП неуправляемыми СПП, ГА нового поколения построены на перспективном способе бездуговой гибридной коммутации, в основу которой положена запатентованная идея последовательного соединения полностью управляемых СТК с контактами ЭМП.

В практическом аспекте рассмотрены проблемы гибридных НВА в связи с эрозийными процессами, сформулированы задачи и указаны направления их исследования в условиях бездуговой коммутации при размыкании электрических контактов низковольтных силовых цепей постоянного тока, решение которых находится в прямой связи с созданием закона гибридной коммутации.

В настоящее время назрела необходимость создания нового поколения ГА, работающих с заданным законом бездуговой гибридной коммутации. С этой целью необходимо поэтапно провести научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в рамках теоретических и экспериментальных исследований по повышению коммутационной износостойкости ГА, оптимизации электромеханической контактной и бесконтактной систем, выбору контактных материалов с минимальным электрическим износом и защитой контактов от вибрации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брон, О. Б. Проблемы электрических контактов в силовых аппаратах / О. Б. Брон // Электрические контакты. – М. : Наука, 1973. – С. 7–15.
2. Буткевич, Г. В. Электрическая эрозия силовых контактов и электродов / Г. В. Буткевич, Г. С. Белкин, Н. А. Веденчиков. – М. : Энергия, 1978. – 253 с.
3. Ваткина, М. А. Исследование возможности создания нового поколения низковольтных гибридных аппаратов с заданным законом бездуговой коммутации / М. А. Ваткина, А. А. Григорьев // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2013. – № 2 (78). – С. 29–38.
4. Ваткина, М. А. Перспективы развития низковольтных коммутационных гибридных аппаратов нового поколения на основе принципа гибридной коммутации / М. А. Ваткина, А. А. Григорьев // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2013. – № 4 (80). Ч. 2. – С. 46–55.

5. Григорьев, А. А. Основные тенденции инновационного развития коммутационных гибридных аппаратов нового поколения / А. А. Григорьев, М. А. Ваткина // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2012. – № 4 (76). – С. 58–63.
6. Григорьев, А. А. Создание нового поколения низковольтных гибридных аппаратов с бездуговой коммутацией для специальной электротехники / А. А. Григорьев, М. А. Ваткина // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2013. – № 2 (78). – С. 49–58.
7. Декабрун, И. Е. Состояние инженерно-технических исследований в области слаботочных релейных контактов / И. Е. Декабрун // Электрические контакты. – М. : Наука, 1973. – С. 15–19.
8. Залесский, А. М. Электрическая дуга отключения / А. М. Залесский. – М. : Госэнергоиздат, 1963. – 266 с.
9. Золотых, Б. Н. Физические основы электрофизических и электрохимических методов обработки : учебное пособие. Ч. 1 / Б. Н. Золотых. – М. : МГУ, 1975. – 106 с.
10. Кесаев, И. Г. Катодные процессы электрической дуги / И. Г. Кесаев. – М. : Наука, 1968. – 244 с.
11. Ким, Е. И. Исследование температурных режимов контактов в различных стадиях работы / Е. И. Ким, В. Т. Омельченко, С. Н. Харин // Сильноточные электрические контакты. – Киев : Наукова думка, 1970. – С. 45–56.
12. Кравцевич, И. И. Исследование электрической эрозии некоторых контактных материалов в различных стадиях горения слаботочной дуги размыкания / И. И. Кравцевич, И. Г. Некрашевич, А. В. Смирнов // Вестник Белорусского университета. – 1975. – № 1. – С. 34–37.
13. Кубышкин, В. В. Эрозия катодов с различной работой выхода в импульсном разряде / В. В. Кубышкин // Сильноточные электрические контакты. – Киев : Наукова думка, 1970. – С. 70–73.
14. Кузнецов, Р. С. Аппараты распределения электрической энергии на напряжение до 1000 В / Р. С. Кузнецов. – М. : Энергия, 1970. – 543 с.
15. Мелашенко, И. П. Электрические коммутирующие контакты и материалы для них / И. П. Мелашенко // Обзорная информация ТС-23. – М. : Информэлектро, 1976. – С. 31.
16. Могилевский, Г. В. Гибридные электрические аппараты низкого напряжения / Г. В. Могилевский. – М. : Энергоатомиздат, 1986. – 232 с.
17. Намиток, К. К. Изменение переходного сопротивления контактов в различных средах / К. К. Намиток, И. В. Пархоменко // Электрические контакты и электроды : мат. конф. – Киев : Наукова думка, 1977. – С. 50–54.
18. Некрашевич, И. Г. Мостиковый перенос на волокнистых электродах / И. Г. Некрашевич, А. В. Смирнов // Вестник Белорусского университета. – 1975. – № 1. – С. 26–29.
19. Омельченко, В. Т. Теория процессов на контактах / В. Т. Омельченко. – Харьков : Вища школа. Харьк. ун-т, 1979. – 126 с.
20. Разумихин, М. А. Эрозионная устойчивость маломощных контактов / М. А. Разумихин. – М. : Энергия, 1964. – 81 с.
21. Раховский, В. И. Физические основы коммутации электрического тока в вакууме / В. И. Раховский. – М. : Наука, 1970. – 536 с.
22. Самервилл, Д. М. Электрическая дуга / Д. М. Самервилл. – М. : Госэнергоиздат, 1962. – 120 с.
23. Таев, И. С. Электрические контакты и дугогасительные устройства аппаратов низкого напряжения / И. С. Таев. – М. : Энергия, 1973. – 423 с.
24. Теодорович, О. К. Материалы для контактов высоковольтных и низковольтных тяжелонагруженных аппаратов / О. К. Теодорович // Электрические контакты и электроды : мат. конф. – Киев : Наукова думка, 1977. – С. 5–10.
25. Францевич, И. Н. Исследование износа композиционных электроконтактов на основе вольфрама и меди или вольфрама и серебра в тропических условиях на кораблях / И. Н. Францевич // Электрические контакты и электроды : мат. конф. – Киев : Наукова думка, 1977. – С. 107–110.
26. Харин, С. Н. К вопросу о сваривании сильноточных контактов / С. Н. Харин // Электрические контакты и электроды : мат. конф. – Киев : Наукова думка, 1977. – С. 14–15.
27. Хольм, Р. Электрические контакты / Р. Хольм. – М. : Изд-во иностр. лит., 1961. – 464 с.
28. Электрические и электронные аппараты : учебник для вузов / под ред. Ю. К. Розонова. – М. : Энергоатомиздат, 1998. – 752 с.
29. Jones, F. L. The Physics of Electrical Contacts / F. L. Jones. – Oxford : Clarendon Press, 1957. – 110 p.

УДК 612.171.1

ВЛИЯНИЕ ДЫХАНИЯ С ЗАДАННОЙ ЧАСТОТОЙ НА ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ ИНТЕРВАЛОВ QT ЭЛЕКТРОКАРДИОГРАММЫ

THE EFFECT OF PACED BREATHING ON THE VARIABILITY OF QT-INTERVALS OF ELECTROCARDIOGRAM

Д. А. Димитриев, Н. М. Ремизова

D. A. Dimitriev, N. M. Remizova

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. В данной работе приводятся результаты изучения функционирования кардиореспираторной системы при различных режимах дыхания. Установлено, что воздействие дыхания с заданной частотой приводит к сдвигу параметров интервала QT по сравнению со свободным дыханием и изменению длительности потенциала действия кардиомиоцита.

Abstract. This work gives the results of studying the function of cardio-respiratory systems under different regimes of breathing. It is established that paced breathing leads to the shift in the parameters of QT-interval compared with a free breathing and change in the duration of cardiomyocyte action.

Ключевые слова: кардиореспираторная система, вариабельность сердечного ритма, частота дыхания, QT-интервалы.

Keywords: cardio-respiratory system, heart rate variability, respiratory rate, QT-intervals.

Актуальность исследуемой проблемы. Одним из важнейших направлений в исследовании функционирования сердечно-сосудистой системы является изучение параметров электрокардиограммы (ЭКГ) [16]. Это обусловлено тем, что они отражают электрические процессы, лежащие в основе сокращения миокарда и регуляции ритма сердца [5], [6]. Традиционно исследование проводится в двух направлениях – изучение морфологии зубцов ЭКГ и оценка динамики временных параметров ЭКГ [2]. В последние годы были достигнуты значительные успехи в изучении физиологических механизмов, участвующих в формировании ЭКГ, а также в исследовании модуляции параметров электрической активности сердца в различных функциональных состояниях [1], [4], [18].

Одним из важнейших параметров ЭКГ является продолжительность интервала QT, которая зависит от протекания процессов реполяризации и деполяризации миокарда [11]. Временные характеристики интервалов QT меняются при различных функциональных состояниях [3], [9], [10]. Так, было показано, что повышение симпатического тонуса сопровождается усилением динамических изменений продолжительности интервала QT [7], [15]. Повышение вариабельности интервалов QT отмечается у людей, страдающих приступами паники и депрессии. Введение изопротеренола (β -адреномиметика) и проба с пассивным переходом в вертикальное положение (тилт) оказывают существенное влияние на продолжительность и вариабельность интервалов QT [21]. Хотя исследование влияния дыхания на интервалы QT берет свое начало с пионерской работы Davidovsky и Wolf (1984) [9], до настоящего момента не проводилось изучение влияния дыхания с заданной частотой на продолжительность QT. Наиболее близко к этой теме подошли Нааралаhti и соавт. [10], которые изучали влияние глубокого дыхания на дисперсию интервалов QT.

Дыхание с заданной частотой является особым функциональным состоянием, при котором происходит существенное изменение сердечного ритма и вегетативной активности [20]. Изучение респираторной синусовой аритмии традиционно осуществляется посредством оценки спектральных характеристик вариабельности интервалов RR [3]. Эти исследования показали наличие выраженных изменений амплитуды волн колебаний RR-интервалов, совпадающих по частоте с дыханием. В основе этого феномена лежит циклическое изменение активности парасимпатического отдела ВНС, который способен оказывать влияние и на длину интервала QT [12]. Отсюда можно сделать вывод о том, что дыхание с заданной частотой способно изменять динамические характеристики интервала QT. Совершенствование методов анализа RR-интервалов привело к появлению новых подходов к изучению кардиоинтервалограммы как сложного биологического сигнала, которые нашли применение и при изучении интервалов QT [8], [13].

Исходя из вышесказанного, целью настоящей работы является исследование вариабельности интервалов QT при дыхании с заданной частотой.

Материал и методика исследований. В исследовании принимали участие 33 студента факультета естественнонаучного образования ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева» в возрасте от 18 до 23 лет, из них женщин – 25, мужчин – 8. Все обследованные не страдали хроническими заболеваниями сердечно-сосудистой системы, системы дыхания, заболеваниями вегетативной нервной системы, т. е. относились к I–II группам здоровья. Исследование проводилось в первой половине дня с 9 до 12 часов в помещении при температуре воздуха 21 °C в положении лежа. Испытуемый находился в состоянии покоя не менее 5 мин до начала регистрации кардиоинтервалов. Вариабельность сердечного ритма (BCP) изучалась на основе 5-минутных записей ЭКГ, сделанных в два этапа: при дыхании со свободной и с заданной частотой 6 раз в минуту. Регистрация сердечного ритма осуществлялась с помощью программно-аппаратного комплекса «Нейрософт» согласно рекомендациям Европейской ассоциации кардиологии [19].

На основе временной последовательности интервалов QT были вычислены следующие показатели:

1) временные параметры BCP, отражающие дисперсию кардиоинтервалов: SDQT – стандартное отклонение всех QT-интервалов при нормальном синусовом ритме, квадратный корень дисперсии QT-интервалов. Определяется по формуле (1):

$$SDQT = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^N (QT_i - QT_{avg})^2}{N}}, \quad (1)$$

где QT_i – значение i -го интервала, QT_{avg} – среднее по QT_i всей записи, N – число интервалов;

2) RMSSD – квадратный корень из среднего квадрата разности QT [19]. Квадратный корень из суммы квадратов разности величин последовательных пар QT-интервалов. Определяется по формуле (2):

$$RMSSD = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^{N-1} (QT_{i+1} - QT_i)^2}{N-1}}; \quad (2)$$

3) частотные параметры. Посредством спектрального анализа, основанного на быстром преобразовании Фурье, были получены значения спектральной мощности двух волновых компонентов: с низкой частотой (LF: 0,04–0,15 Гц) и высокой частотой (HF: 0,15–0,4 Гц). Значения LF и HF также вычислялись в нормализованных единицах: nLF и nHF, представляющих собой отношение спектральной мощности каждого из этих компонентов к общей спектральной мощности за вычетом спектральной мощности очень низкочастотных колебаний VLF (ниже 0,04 Гц). Вычислялось отношение мощности низкочастотных колебаний к мощности высокочастотных колебаний (LF/HF) [19];

4) нелинейные параметры. Оценка уровня сложности ВСР проводилась посредством вычисления выборочной энтропии (Sample Entropy – SampEn). Этот показатель отражает непредсказуемость колебаний серии временных рядов QT-интервалов [17]. SampEn вычислялась по формуле (3):

$$SampEn(m, r, N) = -\ln \frac{Am(r)}{Bm(r)}, \quad (3)$$

где $Bm(r)$ – вероятность того, что две последовательности из m точек будут совпадать друг с другом, $Am(r)$ – вероятность того, что две последовательности из $m+1$ точек будут совпадать друг с другом, m – длина отрезков (размерность формируемых векторов) ($m=2$), r – величина порога фильтрации шумов ($r=0,2*SDQT$), N – длина анализируемой выборки.

Нами был проведен детрендный флуктуационный анализ (ДФА), являющийся одним из методов количественной оценки фрактальных свойств коротких временных рядов кардиоритма [14].

Процедура ДФА состоит из двух этапов. Вначале серия экспериментально полученных QT-интервалов интегрируется согласно формуле (4):

$$Y(k) = \sum_{i=1}^k (QT_{(i)} - QT_{ave}), \quad (4)$$

где $Y(k)$ – k -е значение интегрированной серии ($k=1, 2, \dots, N$), $QT(i)$ – i -е значение QT-интервалов, QT_{ave} – среднее значение QT-интервалов серии длиной N .

Затем $Y(k)$ делится на N непересекающихся отрезков равной длины n . После этого производится удаление тренда из последовательности $Y(k)$ путем вычитания локального тренда $Yn(k)$ в каждом окне. Далее вычисляются значения колебаний, характерные для отрезка размером n , по формуле (5) для получения функции флуктуации:

$$F(n) = \sqrt{\frac{1}{N} \sum_{k=1}^N [Y(k) - Yn(k)]^2}. \quad (5)$$

$F(n)$ указывает на среднюю разницу между двумя интервалами QT, разделенными временным лагом n . Затем флуктуация описывается при помощи коэффициента α , который рассчитывается с помощью линейной регрессии на основе логарифмированных данных. Для оценки динамики ритма сердца рассчитывались коэффициенты α_1 и α_2 .

Статистическая обработка данных проводилась с использованием пакета профессиональной статистики «Statistica 6.0 for Windows» с применением критерия знаков – Z.

Результаты исследований и их обсуждение. Полученные в ходе исследования результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Средние значения временных, частотных и нелинейных показателей интервалов QT, полученных в ходе эксперимента

Параметры	Свободное дыхание	Дыхание 6 раз в минуту	Z	P
Среднее (мс)	389,349±4,431	382,652±4,297	2,437	P<0,01
SDQT (мс)	3,445±0,193	9,094±2,089	3,133	P<0,01
RMSSD (мс)	2,933±0,246	9,679±2,393	4,874	P<0,001
LF (мс ²)	0,322±0,059	20,085±9,150	2,785	P<0,01
HF (мс ²)	2,012±0,323	149,409±89,622	5,570	P<0,001
nLF (%)	0,144±0,013	0,098±0,014	2,437	P<0,01
nHF (%)	0,856±0,013	0,902±0,015	2,437	P<0,01
LF/HF	0,177±0,019	0,122±0,025	2,298	P<0,05
SampEn	1,527±0,049	1,571±0,089	1,044	P>0,05
α	0,931±0,038	0,667±0,023	5,222	P<0,001
α_1	0,815±0,023	0,959±0,023	3,830	P<0,001
α_2	1,013±0,048	0,662±0,032	5,222	P<0,001

В ходе эксперимента произошло достоверное ($Z=2,437$; $P<0,01$) снижение продолжительности интервала QT. При дыхании с заданной частотой достоверно увеличились статистические показатели временной области интервала QT–QT_{SDQT} ($Z=3,133$; $P<0,01$) и QT_{RMSSD} ($Z=4,874$; $P<0,001$).

Дыхание с заданной частотой достоверно изменяет значения частотных параметров (рис. 1). Так, значительно увеличилась спектральная мощность низкочастот-

ных волн (0,04–0,15 Гц) LF ($Z=2,785$; $P<0,01$) и высокочастотных волн (0,15–0,4 Гц) HF ($Z=5,570$; $P<0,001$). Также в ходе исследования произошло достоверное увеличение значения нормализованных единиц спектральной мощности высокочастотных волн pHF ($Z=2,437$; $P<0,01$) и снижение нормализованных единиц спектральной мощности низкочастотных волн pLF ($Z=2,437$; $P<0,01$). Кроме того, снизился показатель индекса вегетативного баланса – LF/HF ($Z=2,294$; $P<0,05$).

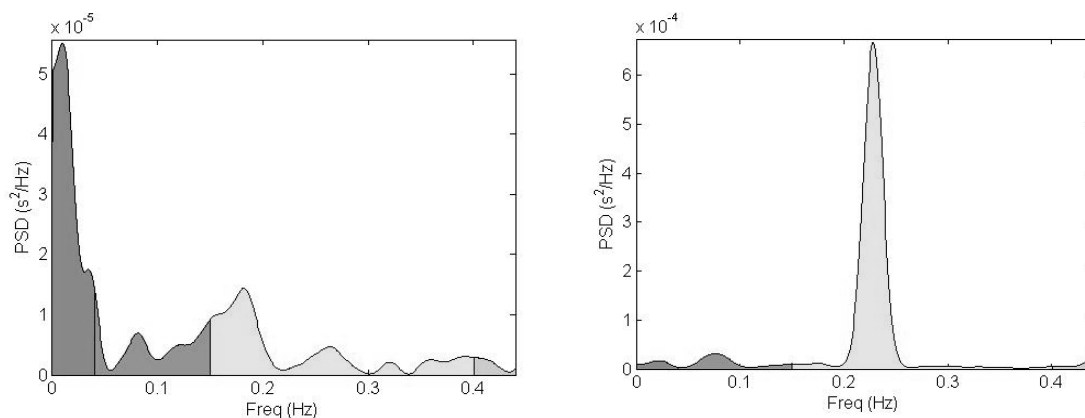

Рис. 1. Значения частотных параметров при свободном дыхании (слева) и при дыхании с заданной частотой (справа)

Дыхание с заданной частотой вызвало изменения нелинейных показателей variability QT-интервалов (рис. 2). С значительной долей достоверности ($Z=5,222$; $P<0,001$) снизился уровень показателей α и α_2 , в то же время повысилось значение α_1 ($Z=3,83$; $P<0,001$) детрендного флуктуационного анализа. В ходе эксперимента недостоверно увеличилось значение SampEn ($Z=1,04$; $P>0,05$).

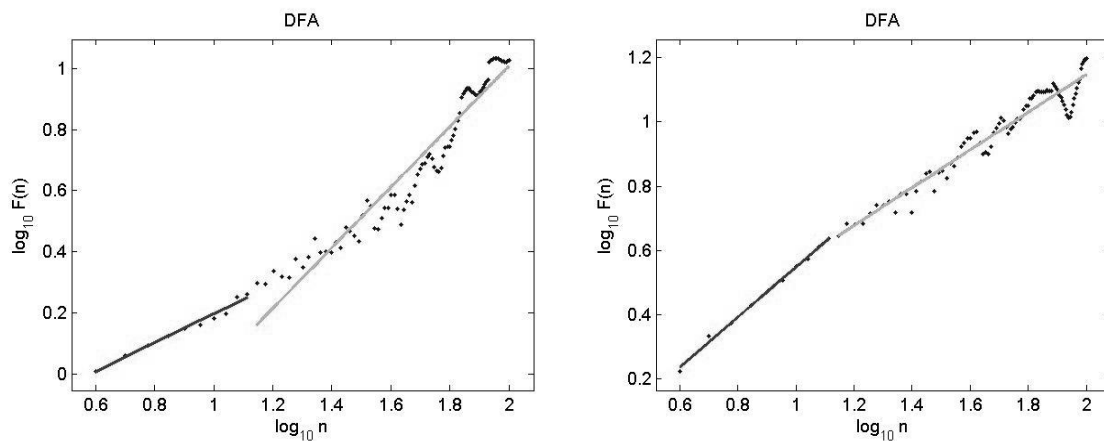

Рис. 2. Примеры графиков DFA при свободном дыхании (слева) и при дыхании с заданной частотой (справа)

Дыхание с заданной частотой оказывает существенное влияние на продолжительность и вариабельность интервалов QT. При этом отмечается увеличение как общей вариабельности, так и краткосрочной вариабельности последовательных интервалов QT. Дыхание с заданной частотой сопровождается существенными перестройками спектральных характеристик, которые приводят к уменьшению относительного вклада низкочастотных колебаний и повышению вклада высокочастотных колебаний в общую спектральную мощность. При этом на спектрограмме отмечается выраженный пик, соответствующий дыхательной частоте. Несмотря на существенные изменения вариабельности QT, нами не было выявлено достоверного повышения информационной энтропии в ряду последовательных значений интервала QT. В то же время дыхание с навязанной частотой сопровождается существенным увеличением сложности сигнала в виде интервала QT на коротком отрезке и с тем же выраженным снижением сложности на более длинных отрезках. Продолжительность интервалов QT отражает сумму продолжительности электрических процессов, происходящих в клетках миокарда. Из этого следует, что дыхание с заданной частотой вызывает усиление вариабельности электрических процессов, происходящих в клетках миокарда, что сопровождается усилением укорочения и удлинения интервалов QT.

Известно, что продолжительность интервала QT моделируется активностью вегетативной нервной системы, при этом повышение тонуса симпатического отдела сопровождается увеличением вариабельности интервала QT [8]. Однако наблюдаемый нами феномен нельзя отнести к повышению симпатической активности, поскольку при смещении вегетативного баланса в симпатическую сторону отмечается снижение продолжительности интервала QT, а мы наблюдаем обратное.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что дыхание с заданной частотой представляет особое функциональное состояние, для которого характерны выраженные изменения временных паттернов электрической активности кардиомиоцитов.

Резюме. Воздействие дыхания с заданной частотой привело к усилению вариабельности QT-интервалов, что сопровождается значительными изменениями характеристик временных паттернов процессов реполяризации и деполяризации кардиомиоцитов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочаров, М. И. Биоэлектрические процессы сердца при вызванной системной вазодилатации у мужчин в условиях Севера России / М. И. Бочаров, Б. Ф. Дерновой // Физиология человека. – 2005. – Т. 31. – № 1. – С. 49–58.
2. Зудбинов, Ю. И. Азбука ЭКГ / И. Ю. Зудбинов. – Ростов-н/Д. : Феникс, 2003. – 160 с.
3. Лышова, О. В. Внешнее дыхание и ритм сердца (атлас динамических реопневмограмм и электрокардиограмм) / О. В. Лышова, В. М. Проворотов. – СПб. : ИНКАРТ, 2006. – 271 с.
4. Петрова, Т. С. Реакция центральной нервной системы на невербальное психотерапевтическое воздействие: вегетативное звено регуляции / Т. С. Петрова, И. В. Проничев, Е. Н. Гречишникова // Физиология человека. – 2003. – Т. 29. – № 1. – С. 77–80.
5. Симонова, О. Н. Оценка коронарного резерва по результатам динамической электрокардиографии / О. Н. Симонова, Е. Н. Розе, Е. В. Шляхто // Физиология человека. – 2004. – № 30 (1). – С. 95–98.
6. Соколова, И. В. Роль пейсмекерной активности в механизме формирования электрокардиограммы с позиции теории активной диастолы / И. В. Соколова // Физиология человека. – 2006. – № 32 (5). – С. 65–74.
7. Baumert, M. Multiscale entropy and detrended fluctuation analysis of QT interval and heart rate variability during normal pregnancy / M. Baumert, M. Javorka, A. Seeck, R. Faber, P. Sanders, A. Voss // Computers in biology and medicine. – 2012. – Vol. 42.3. – P. 347–352.

8. Baumert, M. Relation between QT interval variability and cardiac sympathetic activity in hypertension / M. Baumert, M. P. Schlaich, E. Nalivaiko, E. Lambert, C. I. Sari, D. M. Kaye, G. Lambert // *American Journal of Physiology: Heart and Circulatory Physiology*. – 2011. – Vol. 300(4). – P. H1412–H1417.
9. Davidowski, T. A. The QT interval during reflex cardiovascular adaptation / T. A. Davidowski, S. Wolf // *Circulation*. – 1984. – Vol. 69 (1). – P. 22–25.
10. Haapalahti, P. Effects of cardiovascular autonomic function tests on QT dispersion in the 12-lead electrocardiogram of healthy patients / P. Haapalahti // *Journal of electrocardiology*. – 2000. – Vol. 33.4. – P. 321–327.
11. Malik, M. Relation between QT and RR intervals is highly individual among healthy subjects: implications for heart rate correction of the QT interval / M. Malik, P. Färbon, V. Batchvarov, K. Hnatkova, A. J. Camm // *Heart*. – 2002. – Vol. 87 (3). – P. 220–228.
12. Malliani, A. Cardiovascular neural regulation explored in the frequency-domain / A. Malliani, M. Pagani, F. Lombardi // *Circulation*. – 1991. – Vol. 84. – P. 1482–1492.
13. Pelchovitz, D. J. QT-RR hysteresis is caused by differential autonomic states during exercise and recovery / D. J. Pelchovitz, J. Ng, A. B. Chicos, D. W. Bergner, J. J. Goldberger // *American Journal of Physiology-Heart and Circulatory Physiology*. – 2012. – Vol. 302(12). – P. H2567.
14. Peng, C. K. Quantification of scaling exponents and crossover phenomena in nonstationary heartbeat time series / C. K. Peng, S. Havlin, H. E. Stanley, A. L. Goldberger // *Chaos*. – 1995. – Vol. 5. – P. 82–87.
15. Piccirillo, G. QT-interval variability and autonomic control in hypertensive subjects with left ventricular hypertrophy / G. Piccirillo, G. Germano, R. Quaglione, M. Nocco, F. Lintas, M. Lionetti, A. Moise, M. Ragazzo, V. Marigliano, M. Cacciafesta // *Clinical Science*. – 2002. – Vol. 102. – P. 363–371.
16. Randall, D. C. ECG Interpretation / D. C. Randall. – Raleigh, North Carolina: Hayes Barton Press, 2004. – 123 p.
17. Richman, J. S. Physiological time-series analysis using approximate entropy and sample entropy / J. S. Richman, J. R. Moorman // *American Journal of Physiology-Heart and Circulatory Physiology*. – 2000. – Vol. 278.6. – P. H2039–H2049.
18. Silva, J. R. Voltage-Gated Channels and the Heart / J. R. Silva, Y. Rudy // *Molecular Machines*. – 2011. – P. 273.
19. Task Force of the European Society of Cardiology and the North American Society of Pacing and Electrophysiology. Heart rate variability: standard of measurement, physiological interpretation and clinical use // *Circulation*. – 1996. – Vol. 93. – № 5. – P. 1043–1065.
20. Vassallo, E. Characteristics of resonance in heart rate variability stimulated by biofeedback / E. Vassallo, B. Vassallo, P. Lehrer // *Applied Psychophysiology and Biofeedback*. – 2006. – Vol. 31. – P. 129–142.
21. Yeragani, V. K. Effect of posture and isoproterenol on beat-to-beat heart rate and QT variability / V. K. Yeragani, R. Pohl, V. C. Jampala, R. Balon, J. Kay, G. Igel // *Neuropsychobiology*. – 2000. – Vol. 41 (3). – P. 113–123.

УДК 574.4

**ИЗМЕНЧИВОСТЬ РАЗНООБРАЗИЯ ДРЕВЕСНО-КУСТАРНИКОВОЙ
РАСТИТЕЛЬНОСТИ ЛУБЯНСКОГО УЧАСТКОВОГО ЛЕСНИЧЕСТВА
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН (1926–2007 гг.)**

**VARIABILITY OF TREE AND SHRUBBERY VEGETATION IN LUBYANSKY
FORESTRY OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN (1926–2007)**

Р. Ш. Фархуллин

R. Sh. Farkhullin

ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань

Аннотация. Статья посвящена изучению изменчивости разнообразия деревьев и кустарников на Лубянском участковом лесничестве Республики Татарстан с 1926 по 2007 год. Рассмотрена динамика распределения насаждений по преобладающим породам, а также распределение насаждений по возрастным группам. Рассчитан индекс биоразнообразия древесно-кустарниковых пород методом информационной энтропии. Выявлена корреляционная связь между биоразнообразием и долей хвойных насаждений. Рассмотрено влияние антропогенного фактора на сохранение видового разнообразия данного региона.

Abstract. The article is devoted to studying the variability of tree and shrubbery vegetation in Lubyansky forestry of the Republic of Tatarstan in 1926–2007. It considers the dynamics of distributing the plantation basing on the principal of dominant species and age groups. The coefficient of biodiversity of tree and shrubbery vegetation was calculated by the method of information entropy. The correlation between biodiversity and the proportion of coniferous plantations has been revealed. The article views the influence of the anthropogenic factor on the preservation of biodiversity in this region.

Ключевые слова: биоразнообразие, древесно-кустарниковая растительность, лесной фонд, лесопокрытая площадь, лесничество, энтропия.

Keywords: biodiversity, tree and shrubbery vegetation, forest fund, forest area, forestry, entropy.

Актуальность исследуемой проблемы. Стратегия развития лесного хозяйства Республики Татарстан (РТ) на период до 2018 года, разработанная в соответствии с поручением Президента РТ, утвержденная распоряжением Кабинета министров РТ от 2 октября 2009 г. № 1241-р, определяет, что сохранение ресурсно-экологического потенциала лесов, повышение их качественного состояния и биоразнообразия, повышение лесистости территории республики за счет увеличения объемов лесоразведения являются приоритетными направлениями деятельности Правительства РТ, позволяющими обеспечить высокие и устойчивые темпы экономического роста [8].

Природно-климатические условия РТ в целом благоприятны для произрастания лесной растительности. Однако в настоящее время Татарстан относится к малолесным регионам России. Лесистость по республике на 2013 год составляет 17,5 %, что является недостаточным для полного выполнения лесами республики биосферной, ресурсной и водорегулирующей, оздоровительной функций.

Особенность лесов состоит в том, что они в отличие от многих других природных ресурсов являются возобновляемыми, что позволяет организовать их неистощительное использование. Поэтому актуальной является организация устойчивого управления лесами для решения прежде всего проблемы качества жизни будущих поколений.

Целью данной работы является анализ разнообразия древесно-кустарниковой растительности Лубянского участкового лесничества с 1926 по 2007 год.

Материал и методика исследований. При анализе динамики лесных насаждений Лубянского участкового лесничества с 1926 по 2007 г. были выбраны три критерия: 1) распределение насаждений по преобладающим породам; 2) распределение насаждений по возрастным группам; 3) определение индекса разнообразия древесно-кустарниковых пород (биоразнообразия) методом информационной энтропии.

Результаты исследований и их обсуждение. Лубянское участковое лесничество (далее – лесничество) расположено в северной части РТ, на юго-востоке Кукморского муниципального района. Протяженность лесничества с севера на юг составляет 14 км, с запада на восток – 36 км. Общая площадь лесничества по состоянию на 01.01.2007 года – 12955 га. В лесничестве преобладают бурые лесные супесчаные (левобережье Вятки) и коричнево-бурые лесные типичные (правобережье Вятки) почвы [3].

В лесорастительном отношении лесничество относится к подзоне южной тайги, которую профессор М. В. Марков в пределах ТАССР называет подзоной елово-пихтовых смешанных лесов [6].

В РТ все леса принято разделять на две группы: первая группа – это леса, выполняющие преимущественно водоохранные, защитные и другие функции, сгруппированные по категориям защитности; вторая группа – леса, имеющие защитное и ограниченное лесоэксплуатационное значение, они расположены в районах с высокой плотностью населения и развитой сетью транспортных путей, а также в эту группу входят леса с малыми ресурсами.

Особенностью лесничества как лесного массива, лежащего в береговой защитной зоне Волжско-Камского водохранилища, является его водоохранное значение.

В связи с истощением эксплуатационных запасов леса и возрастающей разнообразной потребностью в древесине, прежде всего для удовлетворения местных нужд, экономическое значение и ценность лесничества еще более возрастают.

Государственные учеты лесного фонда (ГУЛФ) РТ, выполненные в период 1926–2007 гг., содержат сведения о 19 древесных и кустарниковых породах, формирующих леса республики. Это сосна, ель, пихта, лиственница, кедр, дуб, клен, вяз, ильм, береза, осина, ольха серая, ольха черная, липа, тополь, осокорь, ива древесная, ветла, тальники (ива кустарниковая). ГУЛФ древесно-кустарниковых пород проводились и проводятся в упрощенной форме. Например, в твердолиственных породах в связи с незначительным их количеством на территории РТ вяз и ильм учитываются как одна порода. Для получения индекса биоразнообразия за разные годы нам пришлось объединить такие лиственные породы, как тополь, осокорь, ива древесная, ветла, в категорию «другие породы» или «прочие породы». Более того, целесообразно было объединить ольху серую и черную в один род, так как данные древесные насаждения занимают незначительную часть всей лесопокрытой площади лесничества [1].

Таким образом, в исследовании рассматриваются 14 видов древесно-кустарниковых пород, которые остаются неизменными на протяжении более 80 лет. Основным статистическим материалом служат данные учета лесного фонда лесничества (лесхоза-техникума) (см. табл. 1).

В настоящее время исходные коренные растительные формации еловых и сосновых лесов на большей площади лесничества утратили свой первоначальный характер и сменились лиственными насаждениями.

Таблица 1

**Доля древесно-кустарниковой растительности
Лубянского участкового лесничества Республики Татарстан (по данным ГУЛФ, 1926–2007 гг.)**

Виды древесно-кустарниковой растительности	Доля древесно-кустарниковой растительности, в %							
	1926 г.	1940 г.	1950 г.	1966 г.	1973 г.	1985 г.	1995 г.	2007 г.
Сосна	41,2	38,3	34,0	36,3	34,7	36,1	36,7	37,0
Ель	41,0	35,7	34,3	4,8	2,8	4,7	7,3	13,6
Пихта	1,0	0,6	0,6	0,6	0,3	0,1	0,1	0,4
Лиственница	0	0	0	0,5	2,7	3,1	2,7	2,1
Кедр (сосна кедровая)	0	0	0	0	0	0	0	0
Дуб	2,3	3,8	3,2	2,4	2,5	2,5	2,2	2,6
Клен	0	0	0,6	0	0	0	0	0
Вяз и другие ильмовые	1,0	0,7	0,8	0,5	0	0,4	0	0
Береза	4,0	5,8	7,5	20,6	30,7	28,6	30,7	25,8
Осина	3,5	7,1	9,1	17,1	13,9	11,5	9,3	7,9
Ольха	1,5	2,1	2,1	3,0	4,2	3,9	3,9	4,0
Липа	4,3	5,3	6,8	14,0	7,2	8,7	6,7	5,7
Прочие лиственные породы (тополь, осо- корь, ива древесная, ветла)	0	0	0	0,2	1	0,4	0,4	0,5
Тальники (ива кустарниковая)	0,2	0,6	1	0	0	0	0	0,4
Итого хвойные	83,2	74,6	68,9	42,2	40,5	44,0	46,8	53,1
Итого твердолиственные	3,3	4,5	4,6	2,9	2,5	2,9	2,2	2,6
Итого мягколиственные	13,3	20,3	25,5	54,9	57,0	53,1	51,0	43,9
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

Концентрированные сплошные рубки за короткий срок коренным образом изменили внешний облик лесничества, сменив на преобладающей площади ландшафт спелых хвойных древостоев вырубками, возобновившимися порослевыми лиственными молодняками. Сосновые и елово-пихтовые насаждения, занимавшие в 1926 г. 83,0 % площади лесничества, в 2007 г. составили 52,0 %. Особенно резко сократилась площадь ельников. В 1926 г. они занимали 42,0 %, а в 2007 г. – 13,0 % покрытой лесом площади (рис. 1).

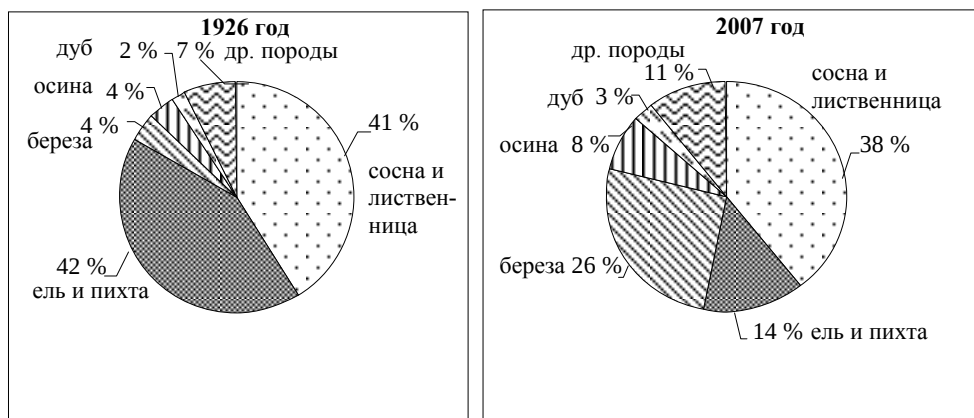

Рис. 1. Динамика покрытой лесом площади Лубянского участкового лесничества по породному составу за 1926 и 2007 годы

Хозяйственно ценные хвойные насаждения сменились мягколиственными. Этот процесс смены явился результатом хозяйственной деятельности, при которой заботы и мероприятия по восстановлению хвойных пород были явно недостаточны, и если состав лесов пополнялся культурами сосны, то в отношении восстановления елово-пихтовых лесов никаких мероприятий не проводилось (рис. 2).

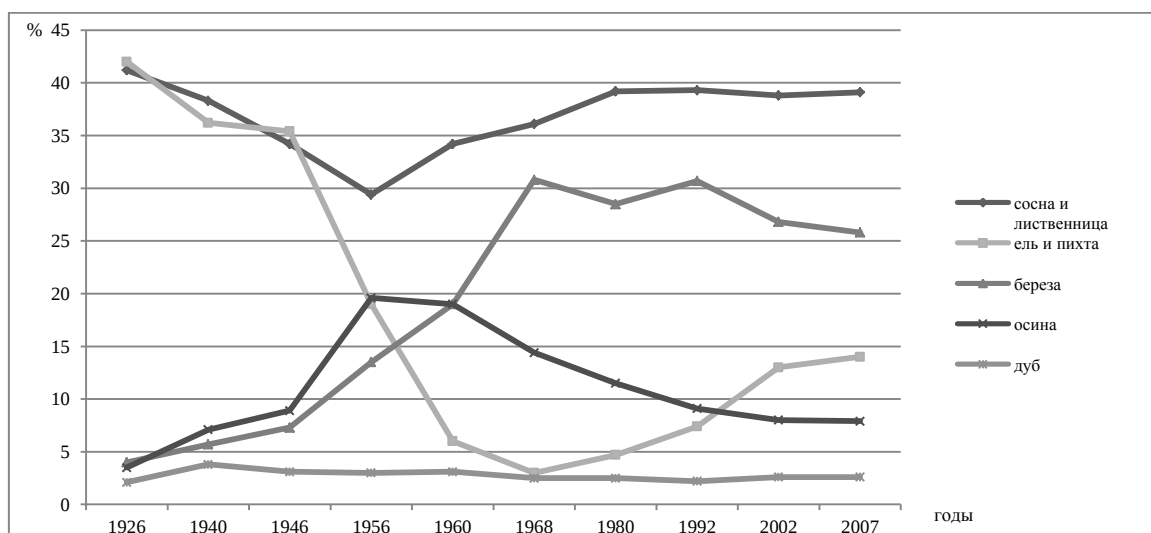

Рис. 2. Динамика основных лесообразующих пород в Лубянском участковом лесничестве, в % от лесопокрытой площади в 1926–2007 годах

В 1926 г. в лесничестве преобладали хвойные насаждения, составляющие 83,0 % всей покрытой лесной площади. В 1946 г. площадь этих насаждений уменьшилась до 69,7 %. В 1956 г. в породном составе стали преобладать такие породы, как сосна (29,4 %), осина (20,0 %), ель (18,9 %), береза (13,5 %) и липа (11,4 %), т. е. доля хвойных пород уменьшилась до 48,3 %.

В возрастной структуре в 1940 г. спелые насаждения занимали 67,0 % от всей лесопокрытой площади. В конце пятидесятых годов преобладали уже молодняки – 46,0 %, спелые насаждения (преимущественно сосна, ель) составляли 32,0 %. Это явилось следствием расширенного отпуска леса за счет использования эксплуатационных запасов в закрепленной за Лубянским леспромхозом сырьевой базе, в которой за отдельные годы отпускалось до 150 тыс. м³, т. е. более чем в два раза против установленного отпуска.

Общее пользование лесными насаждениями с 1 га лесной площади составило 12 м³ при ежегодном приросте 3,1 м³, тогда как обычное пользование лесом в других лесхозах 2 групп лесов ТАССР с 1 га лесной площади составляло 4–5 м³.

В 1960 г. в породном составе преобладали сосна (27,0 %), береза (18,4 %), осина (16,5 %), липа (14,5 %). В 1960–1970 годы доля хвойных пород в лесничестве была самой минимальной (менее 40,0 %). В возрастной структуре преобладали молодняки (сосна, береза, осина, липа) – 58,0 %, спелые насаждения (преимущественно сосна, ель) составляли всего лишь 20,0 %.

В 1980 г. доля хвойных пород увеличилась до 44,0 %. В возрастной структуре преобладали средневозрастные (береза, сосна, липа) – 39,5 % и молодняки (сосна, береза) – 33,4 %.

В 1992 г. преобладали насаждения сосны (36,7 %) и березы (30,7 %), доля хвойных составила 46,8 %. В возрастной структуре в основную долю входили молодняки (сосна) – 31,1 %, средневозрастные (береза, сосна, липа) – 27,7 % и приспевающие – 21,5 %.

В 2007 г. в породном составе преобладали сосна (38,2 %), береза (26,0 %), ель (14,0 %). Доля хвойных была увеличена до 52,2 %. В возрастной структуре превосходили по численности молодняки (сосна, ель) – 29,0 %, средневозрастные (сосна, береза) – 27,0 %, спелые (береза) – 20,0 %. При этом среди хвойных пород доля спелых была всего 7,3 % (рис. 3).

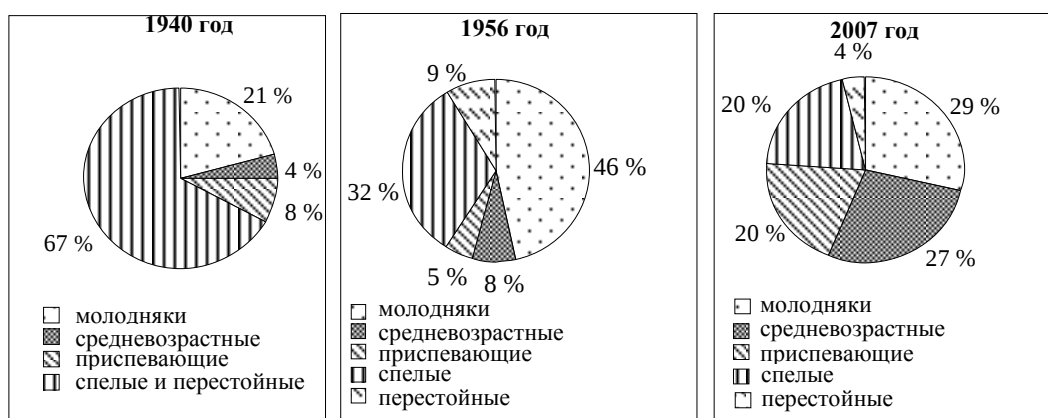

Рис. 3. Динамика покрытой лесом площади Лубянского участкового лесничества по группам возраста с 1940 по 2007 год

Количественная оценка разнообразия лесообразующих древесных и кустарниковых пород осуществлялась на уровне лесничества по формуле Шеннона, которая может быть выведена из формулы термодинамической энтропии системы [7].

В качестве меры представленности (меры состояния) той или другой породы послужило отношение площади, занимаемой породой, к общей лесопокрытой площади лесхоза:

$$H(T) = - \sum_{i=1}^n p(t_i) \log_2 p(t_i),$$

где $p(t_i)$ – отношение площади i -й древесной породы в лесохозяйственном предприятии к лесопокрытой площади данного предприятия; n – количество лесообразующих древесно-кустарниковых пород в лесохозяйственном предприятии.

С точки зрения теории информации (теории связи) индекс $H(T)$ есть удельная информационная энтропия сообщения T , состоящего из N сигналов (материальных носителей). Энтропия измеряется в битах на 1 сигнал. Полная информационная энтропия сообщения (в битах) определяется как $N \cdot H(T)$. Если вероятности сигналов $p(t_i)$ в ансамбле сообщения равны, то удельная энтропия принимает максимальное значение [2].

Чем более неравномерно представлены древесные породы в лесохозяйственном предприятии, тем меньше при прочих равных условиях значение $H(T)$. Понятно, что разнообразие равно нулю в случае, когда вероятность состояния системы равна единице (если в ансамбле только 1 сигнал, другими словами, в лесохозяйственном предприятии имеется лишь одна лесообразующая порода).

Таким образом, показатель энтропии зависит от общего количества видов древесно-кустарниковых пород и от соотношения последних в лесохозяйственном предприятии. В настоящей работе количество пород принято за константу, поэтому показатель энтропии всецело будет зависеть от соотношения древесно-кустарниковых пород.

В рассматриваемый период наименьший показатель энтропии был зафиксирован в 1926 г., и далее наблюдался положительный тренд его роста вплоть до 2007 г., тогда как доля хвойных насаждений с 1926 г. снижалась, достигнув минимума в 1973 г., после наметился их рост (табл. 2).

Таблица 2

**Динамика относительной энтропии и процента хвойных насаждений
в Лубянском участковом лесничестве Республики Татарстан с 1926 по 2007 г.**

Показатель	Годы							
	1926 г.	1940 г.	1950 г.	1966 г.	1973 г.	1985 г.	1995 г.	2007 г.
Энтропия	0,5178	0,5856	0,6314	0,6469	0,6366	0,6473	0,6292	0,6548
% хв. насаждений	0,832	0,746	68,9	42,2	40,5	44,0	46,8	53,1

В дальнейшем мы решили рассмотреть, существует ли связь между показателем относительной энтропии (индекс биоразнообразия) и долей хвойных насаждений. Применение данного метода обосновывается тем, что при относительно высоком проценте хвойных насаждений биоразнообразие должно быть наименьшим, поскольку сосна и ель склонны образовывать насаждения с очень малой примесью других древесных пород и сильно угнетать подлесок и травянистый покров [5].

Для обнаружения корреляционной связи между биоразнообразием и долей хвойных насаждений был применен метод корреляционного анализа Бравайса – Пирсона (r), характеризующий силу линейной корреляционной связи количественных признаков x и y .

В нашем случае x – показатель биоразнообразия $H(T)$, y – доля хвойных насаждений. Данные показатели имеют одинаковый временной интервал, то есть исследовались в течение одного периода:

$$r = \frac{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})(y_i - \bar{y})}{\sqrt{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2} \sqrt{\sum_{i=1}^n (y_i - \bar{y})^2}}.$$

Выводы, полученные в результате применения данного корреляционного метода, могут подтвердить или опровергнуть гипотезу о существовании линейной зависимости между рядами. Так, отсутствие линейной корреляционной связи не означает отсутствие связи вообще. Вывод в этом случае следующий: чем ближе вычисленная величина корреляционного отношения к 0, тем слабее сила линейной связи между рядами, а чем ближе вычисленная величина к значению +1 (полная положительная корреляция) или к значению –1 (полная отрицательная корреляция), тем сильнее сила линейной связи [4].

В лесничестве наблюдается отрицательная корреляционная связь между показателями, что подтверждает высказанные нами предположения. Так, в 1926 г. было замечено наименьшее разнообразие древесно-кустарниковой растительности и наибольший процент хвойных насаждений. В дальнейшем происходило уменьшение доли хвойных насаждений до 1973 г., после чего наблюдалось их увеличение, а показатель энтропии (индекс биоразнообразия) за весь период волнообразно рос (рис. 4).

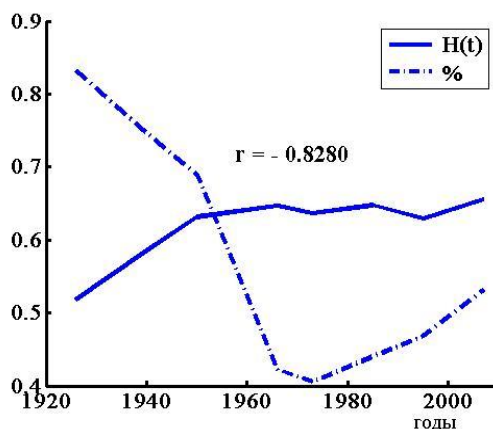

Рис. 4. Связь биоразнообразия и доли хвойных насаждений по лесохозяйственным предприятиям Предкамья РТ

На рис. 4 сплошной линией показана изменчивость биоразнообразия, штрих-пунктирной – изменчивость доли хвойных насаждений.

Основной причиной такого роста является более равномерная представленность древесных и кустарниковых пород на занимаемой площади. В лесничестве насаждения

сосны, ели, березы, осины распределены более или менее равномерно. Высокое значение индекса биоразнообразия (в пределах лесорастительной зоны или подзоны) свидетельствует о благополучном соотношении пород в лесничестве.

Резюме. Таким образом, связь между разнообразием древесно-кустарниковой растительности и долей хвойных насаждений существует, но на нее достаточно сильное влияние оказали прошлые масштабные рубки хвойных насаждений, а также восстановление лесов за счет создания искусственных насаждений основных лесообразующих пород сосны и ели.

Выводы и практические рекомендации заключаются в сохранении коренных биоценозов (экосистем). При искусственном лесовосстановлении и лесоразведении необходимо стремиться воссоздавать возможную местную (естественную для данной зоны) полночленность биоценозов, свойственных данным экотопам. Именно это предотвращает появление свободных экологических ниш, куда могли бы проникнуть несвойственные для данного сообщества виды, и позволяет сохранять устойчивость естественного экосистемного и видового разнообразия данного региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анализ разнообразия древесно-кустарниковых пород Предкамья Республики Татарстан методом информационной энтропии (1950–2007 гг.) / Р. Ш. Фархуллин, Ф. М. Гафаров, А. Г. Мусин, Н. П. Торсуев // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2009. – Т. 151. Кн. 3. – С. 128–135.
2. Вентцель, Е. С. Теория вероятностей / Е. С. Вентцель. – М. : Высш. шк., 1999. – 576 с.
3. Газизуллин, А. Х. Почвенно-экологические условия формирования лесов Среднего Поволжья. Т. 1. : Почвы лесов Среднего Поволжья, их генезис, систематика и лесорастительные свойства / А. Х. Газизуллин. – Казань : Школа, 2005. – 496 с.
4. Гайдышев, И. П. Анализ и обработка данных : специальный справочник / И. П. Гайдышев. – СПб. : Питер, 2001. – 752 с.
5. Гордягин, А. Я. Растительность Татарской Республики / А. Я. Гордягин // Географическое описание ТССР : сб. ст. / под ред. проф. Б. Н. Вишневого. – Казань, 1922. – С. 143–222.
6. Марков, М. В. Растительность Татарии / М. В. Марков. – Казань : Татгосиздат, 1948. – 128 с.
7. Одум, Ю. Основы экологии / Ю. Одум. – М. : Мир, 1975. – 740 с.
8. Сводные материалы Министерства лесного хозяйства по учету лесного фонда Лубянского лесхоз-техникума на 01.01.2007 г.

УДК 591.1:636.92

**АКТИВНОСТЬ α -АМИЛАЗЫ И ФОСФАТАЗ
В ТКАНЯХ РАЗНЫХ ДОЛЕЙ ЛЕГКИХ У КРОЛЬЧАТ**

**ACTIVITY OF α -AMYLASE AND PHOSPHATASES
IN DIFFERENT PARTS OF LUNG TISSUES AT RABBITS**

Е. Б. Чеплашкина

E. B. Cheplashkina

*ФГБОУ ВПО «Чувашская государственная сельскохозяйственная академия»,
г. Чебоксары*

Аннотация. Проведены исследования по изучению характера и интенсивности возрастных изменений в тканях разных долей легких α -амилазы, кислой и щелочной фосфатаз у разновозрастных крольчат. Установлен фазный характер возрастных изменений активности ферментов в тканях разных долей легких. Выяснено, что наиболее интенсивные изменения активности изучаемых ферментов происходят в течение первого месяца жизни крольчат.

Abstract. The study on the nature and intensity of age-related changes of α -amylase, acid & alkaline phosphatases in different parts of lung tissues at the rabbits of various ages is carried out. The phase nature of age-related changes of enzyme activity in different tissues of lungs is determined. It has been revealed that the most intense activity of enzyme changes occur during the first month of life of the rabbits.

Ключевые слова: *активность ферментов, α -амилаза, кислая фосфатаза, кролики, легкие, щелочная фосфатаза.*

Keywords: *activity of enzymes, α -amylase, acid phosphatase, rabbits, lungs, alkaline phosphatase.*

Актуальность исследуемой проблемы. Крольчата рождаются с несовершенными по структуре и функциям легкими. После рождения детеныши усиленно растут и развиваются, одновременно с высокими темпами формируются и их легкие [3]. Вместе с тем каждая доля легких к моменту рождения крольчат по структурно-функциональному развитию неодинаковая. С возрастом у животных структура легких усложняется, функции органа меняются, что отражается на активности ферментов. По уровню ферментов определяют состояния обменных процессов в клетках и тканях, интенсивность формирования органов. В этой связи становится актуальной работа, раскрывающая функциональное состояние и функциональные возможности формирующихся органов крольчат при исследовании активности ферментов.

Каждый вид животного отличается своими особенностями возрастных изменений активности ферментов в тканях различных органов [4, 7]. Однако работы, посвященные изучению онтогенетических параметров ферментов в тканях легких, единичны [2].

Цель настоящего исследования – установление гомеостатических параметров ферментов α -амилазы, кислой и щелочной фосфатаз в долях легких разновозрастных крольчат породы серый великан, выращенных в естественных условиях фермерского хозяйства.

Материал и методика исследований. Для исследований использовали крольчат породы серый великан в возрасте 30, 45, 60, 90 и 120 суток по 5 голов в каждом возрасте, выращенных в обычных условиях фермерского хозяйства. Физиологические параметры крольчат отвечали параметрам соответствующего возраста. Для определения активности ферментов использовали набор реагентов ОАО «Витал Девелопмент Корпорэйшн СПб.». Исследования проводились по инструкциям, разработанным этой компанией для каждого фермента. Крольчат натошак вводили в состояние общего наркоза. Эвтаназию и все манипуляции выполняли в соответствии с «Правилами проведения работ с использованием экспериментальных животных» [6]. Вскрытие животных проводили по методу Шора [1]. Легкие взвешивали, из каждой доли легкого брали пробы тканей и для дальнейших исследований замораживали в жидком азоте. Цифровой материал исследований обработали методом вариационной статистики [8] с использованием программного комплекта «Microsoft Excel – 2007».

Результаты исследований и их обсуждение. Ферменты – это биокатализаторы обменных процессов в клетках и тканях органов. Ферментами, отражающими интенсивность обменных процессов в клетках и тканях органов, являются α -амилаза и фосфатазы. Фермент α -амилаза гидролизует α -1-4-глюкозидные связи крахмала, гликогена и других углеводов. Он синтезируется у животных в слюнных и поджелудочных железах, с током крови распространяется в другие органы и обеспечивает в них амилолитические процессы. Фосфатазы – кислая (КФ) и щелочная (ЩФ) – катализируют реакцию расщепления сложноэфирных связей в моноэфирах фосфорной кислоты с образованием свободного ортофосфата. Они играют важную роль в клеточном метаболизме, участвуя в обмене углеводов, нуклеотидов и фосфолипидов.

У 30-суточных крольчат активность α -амилазы (мкмоль/г*ч) в тканях правой верхушечной доли легких определяется на уровне $13,3 \pm 0,14$. К 45-суточному возрасту она повышается в 2 раза ($p < 0,001$) – до $25,4 \pm 0,27$ – и в последующем держится на таком же уровне. В тканях правой сердечной доли активность исследуемого фермента составляет $16,7 \pm 0,35$. Через последующие пятнадцать суток жизни крольчат активность фермента увеличивается весьма существенно – на 32,4 % ($p < 0,001$) – и, дойдя до $22,1 \pm 0,84$, стабилизируется, как и в тканях правой верхушечной доли с 45-суточного возраста.

Подобные возрастные изменения активности α -амилазы происходят и в тканях других долей легких у изучаемых крольчат. В тканях правой диафрагменной доли у 30-суточных животных уровень α -амилазы определяется минимальной величиной – $17,1 \pm 0,24$. Через две недели жизни крольчат активность α -амилазы возрастает до $21,1 \pm 0,85$, т. е. на 23,3 % ($p < 0,01$). В тканях правой добавочной и левой сердечной долей легких у месячных животных активность фермента α -амилазы также самая минимальная: $12,0 \pm 0,16$ – у правой и $14,1 \pm 0,76$ – у левой. Через 15 последующих суток жизни крольчат она повышается в 2 ($p < 0,001$) и 1,6 раза ($p < 0,01$) соответственно и стабилизируется. В тканях левой диафрагменной доли, в отличие от тканей других долей легких, α -амилаза с возрастом крольчат достоверно не изменяется и колеблется от $28,4 \pm 0,96$ до $29,5 \pm 2,38$.

Следовательно, существенные и достоверные возрастные изменения активности α -амилазы в тканях разных долей легких у крольчат выявляются с 30-х по 45-е сутки их жизни, в фазу перехода от молочного типа питания на растительный тип. Это связано с изменением состава поступающей пищи и преобладанием в ней крахмала. В последующие сроки жизни крольчат, в фазу растительного типа питания, в тканях исследуемых долей легких α -амилаза стабилизируется. Судя по стабилизации возрастных величин ис-

следуемого фермента, активность α -амилазы, достигнув соответствующего стабильного уровня, обеспечивает необходимую скорость расщепления растительных углеводов у крольчат с 45-суточного возраста.

Полученные результаты исследований приведены в табл. 1.

Таблица 1

Активность ферментов (мкмоль/г*ч) в тканях разных долей легких у крольчат

Доли легких		Правая верхушечная	Правая сердечная	Правая диафрагменная	Правая добавочная	Левая сердечная	Левая диафрагменная
α-амилаза							
Возраст, сутки	30	13,3±0,14	16,7±0,35	17,1±0,24	12,0±0,16	14,1±0,76	28,4±1,96
	45	25,4±0,27***	22,1±0,84***	21,1±0,85	24,4±0,64***	24,0±2,51***	29,5±2,38
	60	25,4±1,37	23,3±1,28	23,2±0,75	24,4±0,88	25,8±0,93	28,8±1,63
	90	26,1±2,39	25,6±1,14	19,6±1,49	22,6±1,37	28,4±1,74	28,9±2,27
	120	23,5±2,58	26,9±1,36	22,0±1,13	22,0±0,81	28,4±0,84***	28,5±1,97*
Щелочная фосфатаза							
Возраст, сутки	30	32,8±2,32	47,8±2,26	59,1±3,38	29,1±0,29	42,1±2,15	49,0±2,25
	45	62,1±3,54***	60,8±4,33**	64,9±3,17	61,1±3,53***	39,5±3,17	56,4±3,23
	60	59,4±2,37	55,5±3,35	59,8±2,22	57,9±2,32	41,6±3,47	51,0±2,32
	90	102,4±5,58***	97,3±5,35***	91,1±5,27***	98,6±5,38***	108,0±6,14	100,1±5,25***
	120	98,8±6,27	112,8±7,15	95,0±4,71	93,8±4,25	115,6±5,43	155,6±8,22***
Кислая фосфатаза							
Возраст, сутки	30	44,2 ±2,32	66,7±4,25	38,5±1,27	44,2±2,15	40,3±1,19	93,1±5,26
	45	72,3±3,13***	77,5±4,26	72,4±3,47***	58,1±2,25***	77,1±4,14***	96,3±4,66
	60	80,0±3,05	78,3±3,36	104,4±5,22***	59,8±3,14	73,2±3,53	71,1±3,26**
	90	80,8±4,23	79,1±2,27	98,8±4,56	52,5±1,36	71,5±4,28	72,4±2,11
	120	249,1±9,64***	187,2±9,25***	237,1±10,16***	179,5±7,84***	197,5±9,36***	190,4±10,3***

p<0,05*, p<0,01**, p<0,001*** – достоверность между возрастными.

Вместе с тем интенсивность возрастных изменений активности α -амилазы в период с 30- по 45-суточный возраст жизни крольчат в тканях разных долей легких неодинаковая. Она наибольшая в тканях правой добавочной (100,0 %) и правой верхушечной (99,9 %) долей. Интенсивность возрастных изменений активности фермента в переходную фазу питания крольчат менее выражена в тканях правой сердечной (32,3 %) и правой диафрагменной (23,5 %) долей. Она наименьшая в тканях левой диафрагменной доли (3,8 %).

Активность ЩФ (мкмоль/г*ч) у месячных крольчат определяется на уровне 32,8 $\pm$ 2,32. После 45 суток жизни крольчат данный фермент в тканях правой верхушечной доли легких повышается и достигает 62,1 $\pm$ 3,54, что выше предыдущего возраста в

2,0 раза ($p < 0,001$), и до двухмесячного возраста не изменяется. Через 90 суток активность фермента с $59,4 \pm 2,37$ увеличивается в 5 раз ($p < 0,001$) и определяется величиной $102,4 \pm 5,58$. С трехмесячного возраста крольчат активность ЩФ в тканях правой верхушечной доли стабилизируется на относительно высоком уровне. Примерно такой же характер возрастных изменений ЩФ выявляется и в тканях правой сердечной доли: у месячных крольчат она определяется на уровне $47,8 \pm 2,26$; у 45-суточных уровень фермента поднимается до $60,8 \pm 4,33$, что выше предыдущего возраста в 1,3 раза ($p < 0,01$); к 60-суточному возрасту величина фермента снижается до $55,5 \pm 3,35$, т. е. на 8,9 % ($p > 0,05$); к 90-суточному возрасту активность фермента увеличивается в 2 раза ($p < 0,001$) и достигает $97,3 \pm 5,35$. Примерно на таком же уровне активность фермента сохраняется и у 120-суточных крольчат – $112,8 \pm 7,15$. В тканях правой диафрагмальной доли у 30-, 45- и 60-суточных крольчат активность фермента находится примерно на одинаковом уровне – соответственно $59,1 \pm 3,38$, $64,9 \pm 3,17$ и $50,8 \pm 2,22$. К трехмесячному возрасту активность ЩФ возрастает в 2 раза и стабилизируется. В тканях правой добавочной доли, так же как и в тканях правой верхушечной, активность ЩФ у месячных крольчат относительно невысокая и составляет $29,1 \pm 0,29$. К 45-суточному возрасту она существенно – в 2,1 раза ($p < 0,001$) – увеличивается и определяется на уровне $61,1 \pm 0,53$ и до двухмесячного возраста не изменяется. У 90-суточных крольчат активность α -амилазы выше, чем у крольчат предыдущих возрастов, в 2 раза ($p < 0,001$) и колеблется на уровне $98,6 \pm 5,38$. На таком же уровне активность фермента определяется и у 120-суточных крольчат. В тканях левой сердечной доли активность исследуемого фермента в течение двух месяцев жизни крольчат сохраняется на одинаковом уровне и колеблется от $39,5 \pm 3,17$ до $42,1 \pm 2,15$. К 90-суточному возрасту она увеличивается в 2,5 раза ($p < 0,001$) и достигает $108,0 \pm 6,14$ и в последующие 30 суток жизни крольчат не изменяется. Такая же закономерность возрастных изменений активности ЩФ, как и в тканях левой сердечной доли, выявляется и в тканях левой диафрагменной доли легкого. Она относительно невысокая и стабильная с 30-х по 60-е сутки жизни (колеблется от $49,0 \pm 2,25$ до $56,4 \pm 3,23$) и резко, более чем в 2 раза, повышается у трех- и четырехмесячных крольчат.

По полученным в ходе исследований результатам можно судить о том, что активность ЩФ в тканях долей легких у крольчат с 30- по 45-суточный возраст с переходом на растительный тип питания увеличивается. В течение последующих пятнадцати суток жизни крольчат до двухмесячного возраста, в фазу усиленного формирования внутренних органов и повышенной кислотности в тканях легких, активность ЩФ либо снижается, либо остается неизменной. У 90- и 120-суточных крольчат в фазу активного роста и развития в связи с преобладанием в тканях легких кислой среды активность ЩФ стабилизируется.

Наибольшая интенсивность возрастных изменений активности ЩФ наблюдается с 30- по 45-суточный возраст в тканях правой добавочной (109,9 %) и правой верхушечной (89,3 %) долей, с 90- по 120-суточный возраст она высокая в тканях левой сердечной доли (159,6 %) и левой диафрагменной доли (96,3 %). Низкая интенсивность возрастных изменений активности фермента выявляется в тканях правой диафрагменной доли с 30-х по 45-е сутки (9,8 %) и с 45- по 60-суточный возраст в тканях правой верхушечной (9,5 %), правой сердечной (9,1 %), правой диафрагменной (9,2 %), левой диафрагменной (9,6 %) долей. Наименьшая интенсивность возрастных изменений активности ЩФ отмечается в тканях правой диафрагменной (4,3 %) и правой добавочной (4,9 %) долей с 90-х по 120-е сутки жизни крольчат.

Активность КФ (мкмоль/г*ч) в тканях правой верхушечной доли легких у месячных крольчат находится на уровне ниже, чем у всех изучаемых возрастов – $44,2 \pm 2,32$. К 45-суточному возрасту она увеличивается в 1,8 раза ($p < 0,001$) и обозначается как $72,3 \pm 3,13$. Через 15 суток жизни крольчат активность фермента продолжает увеличиваться до $80,0 \pm 3,05$ и на таком же уровне определяется и у 90-суточных. К четырехмесячному возрасту активность КФ увеличивается в 3 раза ($p < 0,001$) и достигает максимальной величины – $249,1 \pm 9,64$. В тканях правой диафрагменной доли активность этой фосфатазы с возрастом постепенно увеличивается от $66,7 \pm 4,25$ до $187,2 \pm 9,25$. Активность фермента в тканях правой добавочной доли, так же как и в тканях правой верхушечной доли, в возрасте 30 суток наименьшая – $44,2 \pm 2,15$. Через 15 суток эта активность возрастает в 1,3 раза ($p < 0,001$) и достигает величины $58,1 \pm 2,25$ и в последующие 45 суток жизни крольчат не изменяется. К 120-суточному возрасту активность КФ увеличивается максимально, в 3,4 раза ($p < 0,001$), до $179,5 \pm 7,84$. Такая же закономерность отмечается в тканях левой сердечной доли крольчат. В возрасте 30 суток их жизни активность фермента наименьшая – $44,2 \pm 2,32$. С 45- по 90-суточный возраст она сохраняется на одном уровне. Активность КФ в тканях левой диафрагменной доли в возрасте 30 суток составляет $93,1 \pm 5,26$ и в течение 15 суток не изменяется. К двухмесячному возрасту она уменьшается на 26,2 % ($p < 0,01$) и достигает $71,1 \pm 3,26$ и до трехмесячного возраста остается неизменной. К 120-суточному возрасту активность увеличивается в 1,8 раза ($p < 0,001$) и составляет $190,4 \pm 10,3$.

Анализ полученных данных показывает, что активность КФ относительно низкая у месячных крольчат в тканях правой верхушечной, правой диафрагменной, правой добавочной и левой сердечной долей. Максимальный уровень активности отмечается у 120-суточных крольчат во всех тканях долей легких.

Активность КФ с наибольшей интенсивностью изменяется с 3-х до 4-х месяцев в тканях правой верхушечной (208,3 %), правой добавочной (241,9 %) и левой сердечной (176,0 %) долей легких. Наименьшая интенсивность отмечается в тканях правой сердечной доли с 45- по 60-суточный (1,0 %), с 60- по 90-суточный возраст (1,0 %) и в тканях левой диафрагмальной доли с 60- по 90-суточный возраст (1,8 %).

По-видимому, относительная стабилизация активности ЩФ в тканях изученных долей легких у трех- и четырехмесячных крольчат и значительное повышение активности КФ у крольчат этого возраста определяются возрастным повышением кислотности в тканях легких и повышением роли КФ у взрослых кроликов в обменных процессах органов дыхания.

Таким образом, результаты исследований свидетельствуют, что характер и интенсивность возрастных изменений активности изучаемых ферментов в разных долях легких у растущих крольчат неодинаковые. По-видимому, каждая исследуемая доля легких в определенный возрастной срок включается в разные функциональные системы, конечным результатом которых является приспособление долей легких к обмену газов [5].

Резюме. Установлено, что активность α -амилазы, ЩФ и КФ у месячных крольчат самая минимальная. К 45-суточному возрасту данная активность в тканях всех долей легких увеличивается и с этого возрастного срока стабилизируется. Наибольшая интенсивность возрастных изменений α -амилазы, ЩФ и КФ выявляется с 30- по 45-суточный возраст. В эту фазу развития крольчат наиболее интенсивные возрастные изменения α -амилазы происходят в тканях правой верхушечной, правой добавочной и левой сердечной долей – соответственно на 47,6 %, 100 % и 41,25 %. Наиболее

интенсивные возрастные изменения ЩФ наблюдаются в тканях правой верхушечной (47,2 %), правой сердечной (21,4 %), правой добавочной долей (52,3 %). Активность КФ более интенсивно изменяется в правой верхушечной (38,9 %), правой диафрагменной (46,8 %) и левой сердечной долях (47,7 %).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вскрытие* и патологоанатомическая диагностика болезней сельскохозяйственных животных / под ред. В. П. Шишкова, А. В. Жарова. – М. : Колос, 1999. – 271 с.
2. *Ефремов, Г. Г.* Влияние блокады аксотока в блуждающих нервах на активность внутриклеточных ферментов и микроструктуру тканей сердца и легких у кроликов / Г. Г. Ефремов, И. О. Ефимова // Труды ЧГСХА : в 20 т. Т. 17. – Чебоксары, 2002. – С. 17.
3. *Жеденов, В. Н.* Легкие и сердце животных и человека / В. Н. Жеденов. – М. : Советская наука, 1954. – С. 25–104.
4. *Иванова, Н. Н.* Активность α -амилазы и фосфатаз в тканях печени у поросят в ранний постнатальный период / Н. Н. Иванова, Н. Г. Игнатьев // Ученые записки КГАВМ им. Н. Э. Баумана. – 2010. – Т. 204. – С. 103–107.
5. *Карашаев, М. Ф.* К вопросу о функциональной системе дыхания у животных / М. Ф. Карашаев // Сельскохозяйственная биология. – 2008. – № 2. – С. 7–10.
6. *Правила* проведения работ с использованием экспериментальных животных // Приложение к приказу Министерства здравоохранения СССР № 755 от 12.03.1977 г.
7. *Терентьева, М. Г.* Активность аланин-аспартатаминотрансфераз-амилазы, щелочной и кислой фосфатаз в тканях ободочной кишки у разновозрастных чистопородных поросят / М. Г. Терентьева, Н. Г. Игнатьев // Ученые записки КГАВМ им. Н. Э. Баумана. – 2010. – Т. 204. – С. 283–290.
8. *Тукшаитов, Р. Х.* Основы динамической метрологии и анализа результатов статистической обработки / Р. Х. Тукшаитов. – Казань : Мастер Лайн, 2003. – 284 с.

УДК 94(470.344)«1700/1725»

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАНЦЕЛЯРИИ ОТ СТРОЕНИЙ И МЕСТНЫХ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА*

THE CHANCELLERY ON BUILDINGS AND LOCAL GOVERNMENT OF CHUVASHIA IN THE FIRST QUARTER OF THE 18th CENTURY

Д. В. Басманцев

D. V. Basmantsev

*БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»,
г. Чебоксары*

Аннотация. В статье исследована деятельность Канцелярии от строений и местных органов управления в первой четверти XVIII в. Основными задачами присутственных мест на территории Чувашии были денежные сборы, набор и высылка рабочих на строительство Санкт-Петербурга. Канцелярия от строений зависела от слаженного взаимодействия с местными учреждениями, контролировала их деятельность.

Abstract. This article is dedicated to the research of the activity of the Chancellery on buildings and local government in the first quarter of the 18th century. The main tasks of official places on the territory of Chuvashia were cash taxes, recruitment and expulsion of workers at the construction of St. Petersburg. The Chancellery on buildings depended on coordinated interaction with local institutions and controlled their activity.

Ключевые слова: *Канцелярия от строений, губернаторы, коменданты, комиссары, провинциальные воеводы, фискально-финансовая политика, административное управление, Санкт-Петербург, население Чувашии.*

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-31-01001a1.

Keywords: *the Chancellery on buildings, governors, commandants, commissioners, provincial voivodes, fiscal and financial policies, administration, St. Petersburg, population of Chuvashia.*

Актуальность исследуемой проблемы. В отечественной историографии роль и место органов управления изучены относительно слабо. При исследовании политики Центра и деятельности властных структур вопросы о взаимодействии центральных и местных органов управления и исполнении ими правительственных задач приобретают особую важность.

Материал и методика исследований. Основой исследования стали опубликованные архивные источники «Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем сенате в царствование Петра Великого», материалы, выявленные в фондах Российского государственного архива древних актов, Российского государственного исторического архива и др. Собранные источники и материалы были изучены с учетом принципов историзма, системности и объективности в сочетании с системным методом, методами описания, анализа и синтеза.

Результаты исследований и их обсуждение. Строительство на берегах Невы новой столицы Российского государства – Санкт-Петербурга – одно из грандиозных и амбициозных проектов XVIII столетия.

Петербург строили при непосредственной деятельности Канцелярии городских дел (Канцелярии от строений) и усилиями местной власти. Канцелярия управляла организацией и проведением масштабного строительства на территории Петербурга, ведала делами о сборе денег и высылке рабочей силы из различных уголков империи. Ее деятельность сильно зависела от слаженной работы с местными органами управления. Вопросы их взаимодействия, особенно фискально-финансовая составляющая, решались при участии Сената и других центральных органов управления. В 1721 г. было объявлено, что «по расположению Камор-коллегии [следует] собирать з дворового числа 300 тыс. руб., и, собирая те деньги в губерниях и провинциях, губернаторам, воеводам и камерирам... отсылать в Городовую канцелярию по третям [года]» [12, кн. 19а, л. 457].

В 1712 г. присутственные места Казанской губернии должны были собрать с населения 77675 руб. 5 денег (1 деньга равнялась $\frac{1}{2}$ коп. – Д. Б.). На следующий 1713 г. сумма сборов составила 80986 руб. 17 алтын 1 деньгу (1 алтын равнялся 3 коп. – Д. Б.) [4, 221, 459]. Собранные деньги расходовались на покупку строительных материалов, наем и содержание мастеров и рабочих и т. д. Например, в 1711 г. денежное годовое жалованье одного санкт-петербургского рабочего было определено в размере 12 руб. и 10 руб. на покупку хлеба [3, 395]. На эти цели в 1715 г. Канцелярия закупила от подрядчика П. Барсукова 23396 чети муки, 2000 чети круп на сумму 29168 руб. 18 алтын 2 деньги [6, 86]. В апреле 1721 г. в ее бюджете была предусмотрена сумма к выдаче денежного и хлебного жалованья рабочим [12, кн. 19а, л. 450].

Постоянный налог на строительство Петербурга, по мнению Е. В. Анисимова, был введен с начала 1710-х гг. Наряду с ним устанавливались особые сборы, которые были направлены на содержание сезонных работников и мастеров, а также тех, кто был переведен «на вечное житье» [1, 23–24, 28–29]. В 1711–1713 гг. к этим сборам относились следующие статьи: «на работников», «на дело кирпича», «к городовому делу на покупку всяких припасов». Для Казанской губернии был введен дополнительный налог на содержание высланных в Петербург татар [4, 219–220, 457].

На территории Чувашии в 1720-х гг. с купечества сборы взимались от выручки «з десятой деньги с рубля», с помещичьих крестьян – согласно количеству дворов, а с русских ясачных крестьян – по 9 алтын по полчетверти деньги. Ясачные «иноверцы» с ясака собирали по 2,5 деньги (1,5 коп.) на изготовление извести, 2 алтына (6 коп.) – на кирпич и на покупку припасов, 1 руб. 13 алтын 2 деньги (1 руб. 40 коп.) – на так называемых «вместо иноверных Санкт-Петербургских работников» [12, кн. 24, л. 136–17, 66–69]. На содержание одного высланного на три месяца в Петербург работника был установлен сбор в размере трех рублей [7, 776], [12, кн. 1в, л. 18 об.].

В апреле 1722 г. Канцелярия от строений приняла от Алатырской земской конторы 1887 руб. 21 алтын с полуденьгой. 1 июня 1722 г. Свияжская провинциальная канцелярия за первую январскую треть отослала 4253 руб. 21 коп. [12, кн. 24, л. 12–12 об., 136–136 об.]. В 1722 г. в Чебоксарах собранные табельные суммы составили 827 руб. 94 коп. 1 деньгу, в Цивильске – 528 руб. 31 коп. с полуденьгой [12, кн. 24, л. 14 об.–15]. В октябре 1722 г. в Алатырской провинции воевода и подполковник Л. Г. Исупов, комиссар И. Болховский и земский писарь В. Протопопов отчитались перед Канцелярией, внося в ее казну 965 руб. 17 алтын 3 деньги, из них 269 руб. 33 алтына с третьей одной деньги были зачтены за 1721 г. [12, кн. 24, л. 61]. В 1722 г. комиссар Свияжской провинции В. Тверетин, собрав, например, в Чебоксарах 890 руб. 9 коп. с полуденьгой, а в Цивильске – 535 руб. 21 коп., прислал в Канцелярию суммы за сентябрьскую треть [12, кн. 24, л. 66 об.–67].

Графики по реализации бесперебойной фискальной политики на местах не выдерживались. Следовательно, задолженность областных учреждений перед Канцелярией от строений постоянно росла [5, 1045–1046, 1242–1243]. В сентябре 1712 г. казанские губернские власти докладывали Сенату, что наряд по сборам за 1711 г. удалось выполнить лишь в текущем году. Однако и в 1712 г. дела шли с отставанием: из более 77 тыс. руб. еще надлежало «дослатъ 57337 руб. 6 алтын 1 деньгу». По подсчетам Канцелярии от строений к октябрю 1712 г. за Казанской губернией в недоимке числились 67264 руб. 22 алтына [4, 221, 279]. В «Табеле, что на губерниях в доимке окладных денег» за 1715–1721 гг. указаны размеры «невывисанных сборов». В Нижегородской губернии за 1717 г. должны были собрать 1359 руб. 12 алтын 2 деньги, за 1718 г. – 7909 руб. 5 алтын. Общая сумма сборов с населения Казанской и Нижегородской губерний за 1718 г. составила 17699 руб. 7 алтын, за 1719 г. – 67372 руб. 2 алтына 2,5 деньги [12, кн. 19а, л. 388].

В сложившейся ситуации Канцелярия от строений часто обращалась к вышестоящим инстанциям с просьбой о выделении средств для строительства столицы [12, кн. 19а, л. 457 об.]. П. Н. Петров справедливо отмечает, что дело обстояло не только в «неаккуратности присылки денег из Штатс-контор-коллегии и губерний», но и в слабом поступлении повинностей [8, 177].

По прошествии лет долги местных учреждений не списывались, поэтому им приходилось постепенно их погашать. Из донесения узнаем, что в 1722 г. в Алатырской провинции были собраны платежи за 1719 г. Их сумма составила 5 руб. 13 алтын полчетверти деньги. За 1720 г. было собрано 149 руб. 26 алтын 3 деньги, за 1721 г. – 436 руб. 28 алтын 2 деньги, а также имелись «остаточные с [1]721 г. наличные сборы» в сумме 1295 руб. 19 алтын 2 деньги [12, кн. 24, л. 12]. В июле 1724 г. алатырскими чиновниками был погашен долг в размере 1076 руб. 91 коп. 2 четверти деньги за 1720–1723 гг. [12, кн. 24, л. 428].

Немало хлопот для местной власти приносили наряды по набору рабочих. Организация и исполнение нарядов также были возложены на областные власти. В 1710 г. в Казанской губернии набирали 666 «мастеровых людей на вечное житье» [4, 455]. В 1713 г. следовало выслать на трехмесячные работы 7686 человек (по 3843 человека, всего две смены). Для их отправки необходимо было собрать денег по 1 руб. в месяц на одного работника, то есть 23058 руб. [12, кн. 1в, л. 18 об.].

Количество набираемых работников менялось. А. К. Салмин пишет, что в 1710 г. на строительство Петербурга из Казанской губернии было назначено отправить 8580 рабочих, в 1711 г. – 6272, в 1712 г. – 5733, в 1713 г. – 7518 (по нашим данным, 7686 человек, см. выше. – Д. Б.), в 1714 и 1715 гг. – по 6024 [13, 60]. Соответственно, изменялись и нормы наряда. Так, в 1713 г. набирали одного работника с 13,5 двора, а в 1715 г., как и в 1714 г., – с 15 «без четверти» дворов [12, кн. 1в, л. 30 об.–34 об., 53–69 об.; кн. 2а, л. 305 об.].

С 1705 г. города Российской империи отправляли своих граждан на двухмесячные работы в Петербург и Нарву. В те годы местные власти наряд исполняли в три смены. Например, в третью смену (на август и сентябрь) должны были прибыть работники из Алатыря и других городов. Как указывает П. Н. Петров, после «уничтожения нарвского наряда вместо того являться стали в Петербург люди из городов с уездами: ...Чебоксар, Козьмодемьянска, Цивильска, Ядрина» [8, 58–59]. Каждый город Казанской губернии по отдельности осуществлял сбор и высылку рабочих рук в назначенные города – пункты сбора [12, кн. 1в, л. 53, 70]. Из приговора ближнего боярина и казанского губернатора П. С. Салтыкова видно, что в 1715 г. наряд исполняли по следующей схеме: на первое полугодие в Симбирске работников набирали из Самары и Сызрани, а на второе полугодие в Казани – из «казанских» жителей, в Козьмодемьянске – из Свяжска, Чебоксар, Цивильска [12, кн. 2а, 305 об.–306].

В 1713 г. в городах приговоры губернатора по нарядам исполняли коменданты. Например, в 1713 г. в Чебоксарах комендантскую должность справлял генерал-майор К. А. Ригемон, в Алатыре – И. С. Радилов, в Свяжске – Л. Хрущов [12, кн. 1в, л. 53, 134, 264; кн. 2в, л. 93, 169]. Они привлекали местных дворян для отправки людей в Петербург. Так, в 1713 г. В. Тверетинов сопровождал 187 человек из Курмыша, 9 – из Ядрина, 37 – из Чебоксар, 51 – из Козьмодемьянска, Л. Грязев – 462 человека из Алатыря [12, кн. 1в, л. 19–19 об.].

Социальный и этнический состав привлекаемых работников был пестрым. А. К. Салмин сообщает, что в 1708 г. из Казани и других понизовых городов в Петербурге несли наряд татары, чувашы и черемисы. Только из Симбирска было отправлено 700 человек – служилых чувашей [13, 59]. Из «рописей» рабочих, составленных в 1713 г. в Чебоксарах, Цивильске, Кокшайске, Ядрине и Алатыре, следует, что их выбирали из посадского населения, из помещичьих, монастырских и русских ясачных крестьян. Из чебоксарских посадских людей в работники было записано 7 человек, да еще 14 были наняты. В Ядрине и Цивильске с посада были отданы 5 и 3 человека соответственно. Из вотчин Спасо-Юнгинского (д. Сосновка) и Троицкого мужского монастырей было отправлено по трое крестьян, а из Преображенского мужского монастыря – только один. Помещичьих крестьян брали с учетом числа дворов. От чебоксарских помещиков были выбраны 3 человека, от цивильских – 2. В Ядрин были посланы 3 крестьянина стольника И. И. Буторлина из д. Шепирихи. Работников набирали также из с. Сундырь Кокшайского уезда – 15 человек, из с. Преображенское («Алгаши тож») Чебоксарского уезда – 2.

В 1713 г. из 18 алатырских ясачных сел и деревень было отправлено 28 рабочих, а в 1715 г. из 16 сел и деревень – 22 рабочих [12, кн. 1в, л. 30 об.–32 об., 34 об., 53 об.–54 об., 56, 68–69 об.; кн. 2а, л. 486–487]. В 1715 г. из Казанской губернии одного человека снарядили с четырех дворов некрещеных мурз и татар. В итоге в Казанской губернии было «собрано служилых некрещеных мурз и татар, мордовских мурз и чувашей» две смены – 1255 человек [7, 776].

30 ноября 1713 г. Сенат объявил указ об очередной мобилизации рабочих со всех губерний «к городovým делам». Они должны были явиться со строительными инструментами [9, 72]. В строительстве Петербурга были востребованы кузнецы, плотники, каменщики, столяры и т. д. [4, 217, 456], [13, 60]. Из «сказок о посадских людях» Алатыря узнаем, что до переписи 1710 г. отправленный в столицу М. И. Заявлов был зачислен в «лопатники». В период с 1710 по 1720 г. в Петербург на Котлин остров были отправлены из Алатыря по 7 плотников и кузнецов [10, д. 24, л. 91, 102]. В 1724 г. алатырец Г. И. Кортагузов в своем обращении сообщал, что в 1710-х гг. по выбору алатырских посадских людей его с семьей выслали в Петербург на «вечное житье для кузнешной работы», где он трудился несколько лет [11, д. 6461, л. 233].

Для сопровождения работников в Петербург из жителей выбирали «проводящих». К примеру, в Чебоксарах таким проводником являлся посадский человек В. Дряблов, а в Алатыре для этого были привлечены 7 человек [12, кн. 1в, л. 54 об., 70]. В дороге люди болели, нередко и умирали. При этом выполнение наряда считалось не по набранному и доставленному количеству человек, а по времени их пребывания на рабочих местах. Приговор Сената от 26 декабря 1711 г. требовал сыскивать беглых в тех губерниях, откуда они были высланы, или «вместо них то же число послать». Местные органы управления обязаны были вместо больных, «дряблых» и умерших снаряжать в Петербург новых рабочих, поэтому областные учреждения, наученные горьким опытом, старались набирать больше людей, чем указывалось в нарядах [3, 395–396]. Так, в 1713 г. власти Казанской губернии дополнительно выслали 257 человек [12, кн. 1в, л. 19].

Канцелярия от строений, как и в случае с денежными сборами, строго контролировала деятельность местных органов управления по выполнению нарядов рабочих. «Недоимки» за прошлые годы не давали покоя областным правителям. Бегство мобилизованных, по заключению В. Д. Димитриева, носило массовый характер [2, 179]. В 1713 г. В. Бурцов, являвшийся ответственным за доставку свияжских рабочих, в Канцелярии от строений сообщил, что из 234 человек 24 сбежали, а из-за болезней осталось только 4 человека. Из 686 человек, набранных в Казани и Алатыре на строительство, 99 не дошли до назначенного пункта, из них 85 сбежали с дороги. Из чебоксарских посадских людей, выбранных по наряду 1714 г., семеро оказались беглецами, и вместо них было решено отправить новых работников. В 1715 г. в Канцелярии отчитался казанский дворянин В. Гуров, который в 1713 г. привел 12 человек, а в 1714 г. – 10. Дворянин С. Амачкин вместо беглецов доставил в Петербург из различных городов Среднего Поволжья 24 человека, в том числе 1 человек был из Чебоксар [12, кн. 1в, л. 134, 217; кн. 2а, л. 23, 29, 31].

Резюме. В первой четверти XVIII столетия в ходе строительства новой столицы России – Санкт-Петербурга – постепенно сложилась система активного взаимодействия Канцелярии от строений и местных органов управления. Эта система эффективно действовала в рамках реализации областными учреждениями фискально-финансовой и административной функций и во многом благодаря контролю над ними центрального аппарата управления.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. *Анисимов, Е. В.* Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. / Е. В. Анисимов ; под ред. Н. Е. Носова. – Л. : Наука, 1982. – 296 с.
2. *Димитриев, В. Д.* История Чувашии XVIII века (до Крестьянской войны 1773–1775 годов) / В. Д. Димитриев. – Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1959. – 532 с.
3. *Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем сенате в царствование Петра Великого* : Т. 1 : Год 1711-й / под ред. Н. В. Калачова. – СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1880. – IV+476 с.
4. *Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем сенате в царствование Петра Великого* : Т. 2. Кн. 2 : Год 1712-й / под ред. Н. В. Калачова. – СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1883. – 16+551 с.
5. *Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем сенате в царствование Петра Великого* : Т. 3. Кн. 2 : Год 1713-й / под ред. Н. Ф. Дубровина. – СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1888. – 35 с.+С. 451–1571.
6. *Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем сенате в царствование Петра Великого* : Т. 5. Кн. 1 : Год 1715-й / под ред. Н. Ф. Дубровина. – СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1892. – 25+584 с.
7. *Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем сенате в царствование Петра Великого* : Т. 5. Кн. 2 : Год 1715-й / под ред. Н. Ф. Дубровина. – СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1897. – 24 с.+С. 585–1453.
8. *Петров, П. Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703–1782 / П. Н. Петров. – СПб. : Тип. Глазунова, 1885. – XXII+848+246 с.
9. *Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825 гг.)* : в 50 т. Т. 5 : 1713–1719 гг. / под ред. М. М. Сперанского. – СПб. : Тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – 780 с.
10. *Российский государственный архив древних актов (РГАДА).* – Ф. 350. – Оп. 2.
11. *РГАДА.* – Ф. 1209. – Оп. 4.
12. *Российский государственный исторический архив.* – Ф. 467. – Оп. 1.
13. *Салмин, А. К.* Санкт-Петербург XVIII века и чуваши / А. К. Салмин // *Чувашский гуманитарный вестник.* – 2009. – № 4. – С. 58–78.

УДК 619(091)(470,344)«1918/1922»

**ВЕТЕРИНАРИЯ ЧУВАШИИ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1918–1920 гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ ЧЕБОКСАРСКОГО УЕЗДНОГО
ВЕТЕРИНАРНОГО ОТДЕЛА)**

**VETERINARY MEDICINE OF CHUVASHIA DURING THE CIVIL WAR OF 1918–1920
(ON THE MATERIALS OF VETERINARY DEPARTMENT OF CHEBOKSARY)**

Л. А. Ефимов, А. Б. Карпов

L. A. Efimov, A. B. Karpov

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. В данной статье, основанной на материалах Чебоксарского уездного ветеринарного отдела, исследуются вопросы развития ветеринарии Чувашского края в годы гражданской войны. В это время произошел коренной перелом в организации ветеринарного дела, осуществлена полная реорганизация отрасли. Война нанесла значительный урон поголовью скота, особенно велики были потери среди лошадей, необходимых в военное время. Нехватка ветеринарных кадров привела к значительному распространению очень опасных заболеваний среди животных, что стало причиной падежа скота. Однако ветеринарная служба в крае была успешно реорганизована.

Abstract. This paper (based on the materials of Cheboksary county veterinary department) investigates the issues of veterinary in Chuvashia during the Civil War, when there was a radical change in the organization of veterinary affairs, a complete reorganization of the industry was implemented. The war has caused a considerable damage to livestock, particularly large losses of horses which were needed in wartime. The lack of veterinary personnel led to a significant spread of very dangerous diseases among animals, to cattle-plague. However, the veterinary service in the Chuvash region was successfully reorganized.

Ключевые слова: *ветеринария, гражданская война, ветеринарные пункты, эпизоотии, заболевания животных, амбулаторное лечение, ветеринарный врач, фельдшер, медикаменты, животноводство.*

Keywords: *veterinary medicine, civil war, veterinary points, epizooty, diseases of animals, outpatient treatment, veterinarian, medical assistant, medicines, animal husbandry.*

Актуальность исследуемой проблемы. Ветеринария как область практической деятельности, направленная на профилактику и лечение болезней животных, охрану людей от болезней, общих для человека и животных, выпуск доброкачественных продуктов животноводства, решение экологических проблем и защиту окружающей среды, возникла в связи с потребностями человеческого общества и прошла сложный путь совершенствования знаний. История развития ветеринарной службы Чувашии до сегодняшнего дня не стала предметом специального внимания исследователей в региональной историографии, в связи с этим изучение данной проблемы весьма актуально. Исследование истории становления и развития ветеринарии имеет большое воспитательное значение, формирует уважительное отношение к профессии ветеринара.

Материал и методика исследований. В работе использованы материалы фондов Государственного исторического архива Чувашской Республики, вводимые в научный оборот впервые. Методологической базой исследования являются научные принципы историзма и объективности. Используются как общенаучные, так и специально-исторические (историко-генетический, историко-хронологический, статистический, математический) методы исследования.

Результаты исследований и их обсуждение. Изучая историю развития отечественной ветеринарии XX века, крайне важно обратиться к эпохе гражданской войны. Стоит отметить, что хронологические рамки этого процесса различны для регионов нашей страны. Для Чувашии они обозначены как 1918–1920 гг. На территории Чувашского края боевые столкновения между сторонниками советской власти и представителями «белого движения» происходили в летние и осенние месяцы 1918 г. В 1919 и 1920 гг. Чувашия находилась в тылу восточного фронта. На жителях края лежала ответственность по снабжению боевых частей Красной Армии всем необходимым: провиантом, боеприпасами, обмундированием и т. д. Армия нуждалась в большом количестве лошадей, которые по-прежнему оставались самым распространенным и зачастую единственным доступным средством транспортировки. Возникла острая необходимость в реорганизации ветеринарного дела.

В сложившихся условиях дореволюционный способ управления ветеринарным делом уже не отвечал требованиям из-за своей организационной разобщенности. Отсутствовал общий план борьбы с эпизоотиями. Не было кодифицированного ветеринарного законодательства. С 1901 г. ветеринарное дело в России было отделено от медицинского. Фактически существовали следующие виды ветеринарии: 1) правительственная, которая подчинялась Министерству внутренних дел; 2) военная, находившаяся под контролем Военного министерства; 3) земская; 4) городская; 5) ветеринария пограничных войск, которая находилась в ведении Министерства финансов. Что касается Чувашии, то здесь ветеринария дореволюционного периода была преимущественно земской. Однако параллельно с этим существовала и городская ветеринария, которая была качественно выше земской. Центрами городской ветеринарии были уездные города: Чебоксары, Ядрин, Цивильск.

Историография данной проблемы содержит множество пробелов. Вопросы организации ветеринарного дела периода становления советской власти и гражданской войны в стране изложены в работе В. М. Коропова «История ветеринарии в СССР», опубликованной в 1954 г. [11]. В ней на основании декретов и постановлений советской власти, а также статистических данных, которые автор считает далеко не полными, указывая на значительные пробелы в информации, дается комплексное описание рассматриваемого нами процесса в масштабе страны. Оригинальная периодизация истории ветеринарии отражена в работе А. Г. Гинзбурга [6].

На данный момент еще не осуществлено комплексное изучение процессов становления и развития ветеринарии в Чувашии в рассматриваемый период. Статьи справочного характера А. М. Симулина, Т. Е. Григорьевой [7], размещенные в Чувашской энциклопедии, а также статья Л. А. Ефимова [8] и монография «Ветеринарная медицина Аликовского района Чувашской Республики в XX – начале XXI века» [9] содержат лишь отрывочные факты. Вопросам становления ветеринарии в первые годы советской власти на территории Чувашии внимания не уделялось. А. Б. Карповым впервые предпринята попытка научной периодизации развития ветеринарии в Чувашии в XX в., причем он выделил период гражданской войны в отдельный этап [10].

Источниковую базу нашего исследования составляют статистические, справочные материалы из фондов Государственного исторического архива Чувашской Республики. Это прежде всего фонд № 383 (Коллегия ветеринарного управления отдела Чебоксарского уездного совета) – собрание распоряжений и постановлений о мерах прекращения заразных болезней, а также диаграмм эпидемий по Чебоксарскому уезду за 1918–1920 гг. [1], [2], [3], и фонд № 384 (Управление горветврача г. Чебоксары), где собраны отчеты о противоэпизоотических мероприятиях и статистические сведения о ветеринарно-лечебной работе [5]. Они позволяют проследить развитие ветеринарии Чувашского края на примере Чебоксарского уезда.

Ветеринария периода 1918–1920 гг. в Чувашии имела ряд сложнейших проблем, которые требовали скорейшего разрешения. За очень короткое время был издан целый ряд различных юридических актов, посвященных организации ветеринарного дела: «О мобилизации ветеринарного персонала на борьбу с эпизоотиями» [2, 69], «Об организации губернских, уездных и городских ветеринарных отделов» [2, 154], «О борьбе с сапом» [11, 218] и др. По мнению одного из ведущих исследователей истории ветеринарии советского времени В. М. Коропова, появление такого количества нормативных актов является абсолютно логичным и необходимым. Достаточно принять во внимание тот факт, что к концу осени 1917 г. смертность конского состава в лазаретах дошла до 70 %. И без того плачевная ситуация была ухудшена распространением заразных болезней. Так, только от чумы крупного рогатого скота за 1917–1918 гг. в поволжских губерниях погибло более 500 тысяч голов [11, 212]. В связи с этим было необходимо в кратчайшие сроки мобилизовать все имеющиеся у власти ресурсы для преодоления этого тяжелейшего положения.

Начало переустройству ветеринарии в Чувашском крае было положено 6 августа 1918 г. с выходом постановления «Об организации губернских, уездных и городских ветеринарных отделов» [2, 154]. В соответствии с этим документом отдельное самостоятельное существование правительственной, городской и земской ветеринарии прекращалось. Бывшая правительственная ветеринария должна была быть повсюду слита с земской или городской, в случае если последняя имела свою отдельную от земской организацию. Следствием всего этого стало создание ветеринарных отделов при совдепах. Таковые были организованы в уездных городах Казанской губернии: в Чебоксарах, Цивильске и Ядрине. 19 декабря 1918 г. в Чебоксарах на совещании уездного совета было принято решение, которое предполагало реорганизацию ветеринарного дела в уезде. Ветеринарный подотдел, находившийся в составе местного отдела земледелия, преобразовывался в самостоятельный отдел. Руководящая и объединяющая роль в уезде по вопросам ветеринарии теперь принадлежала уездной ветеринарной комиссии, в которую входили один врач и один фельдшер. Оба кандидата избирались на уездных советах, построенных по типу губернских. Подобным образом было организовано ветеринарное дело в Цивильске и Ядрине. Курс на централизацию ветеринарного дела в стране и соответствующая этому нормативно-правовая база предполагали одну модель реорганизации.

В период гражданской войны на территории Чувашии функционировало 20 ветеринарных пунктов [7], в том числе 3 – в Чебоксарском уезде [5, 42].

Сведения о работе ветучастков Чебоксарского уезда являются наиболее полными. Местонахождение 1-го ветеринарного участка – г. Чебоксары, второй располагался в г. Мариинском Посаде, третий – в г. Козловке. Как правило, эти участки обслуживали населенные пункты в радиусе до 48 км. При участках были отопливаемые амбулатории (всего на уезд приходилось 5 амбулаторий). Наиболее обустроенная находилась в Чебокса-

рах. Здесь при приемном покое имелась квартира для сторожа, состоящая из одной комнаты. В здании были оборудованы манеж с необходимыми принадлежностями для осмотра больных животных и комната под кабинет врача. Имелись крытый сарай для скота и конюшня для больных лошадей. Врачам – руководителям участков – выделялась квартира, часть жилой площади которой отводилась под склад медикаментов и аптеку.

Однако работа ветеринарных участков имела ряд сложностей. Как видно из стенограмм заседаний ветотделов, на участках наблюдалась острая нехватка медикаментов, вакцин, необходимой посуды и инструментов. Значительную часть медикаментов уездные ветеринарные отделы получали из Казани. В первую очередь это касалось вакцин. Интересно, что для транспортировки груза из губернского отдела в уездные привлекалось местное население, так как зачастую сами отделы просто не располагали собственным транспортом. Из наиболее близкой к уездному городу деревни в Казань отправлялся крестьянин, имеющий лошадь и телегу. На него возлагалась обязанность доставить необходимый груз в уездный ветеринарный отдел. После получения вакцин и медикаментов отдел направлял телеграмму о подтверждении в получении. За перевоз медикаментов крестьянин получал денежное вознаграждение. Таким образом, для обеспечения эффективной работы ветеринаров использовалось и местное население.

Обеспечение ветеринарных участков медикаментами осложнялось и бюрократическими проблемами. Сохранились заявления от губернского ветеринарного отдела, в которых указывается, что заведующие уездными фармацевтическими отделениями не только не способствуют развитию местных ветотделов, но даже мешают этому развитию. В частности, не отпускают медикаменты даже в экстремальных случаях или выбрасывают из аптек лекарства, заготовленные для ветеринарных целей. Такое отношение являлось совершенно недопустимым, и было принято решение: «лекарства отпускать из уездных аптек ветеринарному персоналу беспрепятственно, в счет ветеринарного отдела, для чего надлежит вести особую запись такого отпуска» [2, 264]. В переписке между уездными и губернским ветеринарными отделами часто встречаются просьбы предоставить медикаменты в кредит или просто выдать деньги для покупки лекарств. В целом ситуация с обеспечением ветеринаров медикаментами в годы гражданской войны была крайне сложной, несмотря на усилии властей.

Помимо этого одной из проблем было транспортное перемещение врачей и ветеринарного персонала. Так, в августе 1919 г. глава 1-го Чебоксарского ветеринарного участка А. А. Танкеевский отмечал, что существующий способ передвижения ветеринарного персонала по уезду создает массу неудобств и всевозможных технических затруднений. К примеру, длительное ожидание в деревне очередного подводчика, задержки на 2–3 суток на пристани в связи с отсутствием парохода и т. д. Врачи не могли сразу прибыть в «неблагополучные» населенные пункты для проведения осмотра. В связи с этим руководство отдела приняло решение: иметь при каждом ветеринарном участке по одному выезду. Субсидии на это выделялись местной властью, а также губернским ветеринарным отделом [1, 18].

В годы гражданской войны в Чувашии было резко ослаблено ветеринарное обслуживание животных. Причина этого – острая нехватка ветеринарного персонала. Первая мировая война нанесла большой урон ветеринарным кадрам, и восполнение их в необходимом объеме являлось острой проблемой для Чувашии. Отсутствие учебных заведений по подготовке ветеринарных кадров на местах препятствовало увеличению числа ветперсонала. Специалистов чаще всего приглашали из Казани и Нижнего Новгорода. К примеру, для борьбы с чесоткой лошадей, которая была крайне распространена в регионе в ав-

густе 1919 г., из Казанского ветеринарного института был направлен ветфельдшер Николаев [2, 188]. Но подобные меры не могли кардинально изменить плачевное состояние ветеринарного обслуживания, так как за период с 1918 по 1920 г. случаи приглашения специалистов были единичными. В декабре 1918 г. на весь Чебоксарский уезд имелось лишь 3 ветеринарных работника, к 1920 г. таких специалистов стало 4 [2, 172].

По состоянию на январь – июнь 1919 г. Чебоксарский ветеринарный отдел состоял из заведующего, 7 помощников, 2 участковых врачей, секретаря, бухгалтера, машиниста, регистратора и 4 сторожей – всего 18 человек [2, 204–205]. Данные за второе полугодие 1919 г. [2, 388–389] позволяют нам сделать следующие выводы: в отделе числились делопроизводитель, счетовод, регистратор, машинистка и пять человек обслуживающего персонала. Значились также 2 участковых врача и ветеринарный фельдшер. К 1920 г. штат Чебоксарского ветеринарного отдела состоял из 21 человека. Таким образом, за период с 1918 по 1920 г. штат сотрудников ветеринарной службы Чебоксарского уезда увеличился за счет таких должностей, как «машинист», «делопроизводитель», но тем не менее проблема нехватки квалифицированных ветеринарных кадров в рассматриваемый период не была решена. Следствием этой нехватки явилась еще одна проблема – широкое распространение эпизоотий, которые наносили значительный урон сельскому хозяйству. Сравнительный анализ показывает, что с 1917 по 1918 г. в юго-восточной части России от чумы погибло около 500 тысяч голов рогатого скота. А с 1919 по 1921 г. в РСФСР, по неполным сведениям, чумой рогатого скота заболело 216307 животных. Из них пало 134605, убито 4576 [11, 212].

В Чувашии ситуация с эпизоотиями в годы гражданской войны была также крайне сложной. О болезнях, распространявшихся среди домашних животных, можно судить на примере Чебоксарского уезда. Так, за 1918 г. в Чебоксарской ветеринарной лечебнице, в Мариинско-Посадском и Козловском ветеринарных пунктах при квартирах ветеринарных фельдшеров было осмотрено 17323 домашних животных. Наибольшее число было принято на Чебоксарском участке – 10319, на Мариинско-Посадском – 4670, Козловском – 2334 [2, 122]. За 1918 г. ветеринарные работники Чебоксарского уезда провели 120 различных операций. Большинство заболеваний пришлось на летние месяцы. Наибольших масштабов достиг свирепствовавший в это время ящур. Всего заболело ящуром 4025 особей. С осенних месяцев получила весьма большое распространение чесотка – 682 заболевших животных. Наблюдались единичные случаи пятнистой горячки, сибирской язвы, бешенства. Рожа свиней выявлена в 204 случаях. Всего за 1918 г. ветеринарным персоналом было сделано 540 прививок [2, 122].

В 1919 году в Чебоксарском уезде ветеринары приняли 12656 больных домашних животных, из них в Чебоксарах было осмотрено 5357, в Мариинском Посаде – 4544, в Козловке – 2485 животных. Большинство заболеваний относится к летним месяцам. Это связано с распространением в уезде с июля 1919 г. сибирской язвы (136), случаи выздоровления от которой были единичные. Кроме этого, наблюдались такие заболевания, как сап, бешенство, катаральная горячка и мыть. Что касается sporadических заболеваний, то за 1919 г. зафиксировано 7426 случаев: лошадей – 2710, коров – 4201, овец – 152, коз – 110, свиней – 252, собак – 1 [5, 72]. Наибольшее число случаев sporadических заболеваний было выявлено в Посадско-Сотниковской (657) и Никольской (607) волостях, наименьшее – в Помьяльской волости (305) [4]. В целом ситуация оставалась довольно тяжелой.

В первые годы существования Чувашской автономной области в ветеринарном обслуживании качественных изменений практически не наблюдалось. К примеру, по данным,

направленным в Чебоксарский ветеринарный отдел из Цивильска, в 1920 г. здесь имели место 4368 случаев заражений различными заболеваниями, в 1921 г. – 2718, в 1922 г. – 240. Распространены были такие болезни, как чума свиней, чесотка, сибирская язва и оспа овец. Единственно успешной была борьба с чесоткой лошадей, которая была одной из первоочередных проблем чувашской ветеринарии еще с 1918 г. Согласно диаграммам заболеваний по Цивильскому уезду за 1920–1922 гг. [3], наблюдается почти 100 %-е выздоровление от этой болезни. В 1921 г. в Цивильске было зафиксировано 164 случая заболевания сибирской язвой. Из них летальный исход отмечен в 162 случаях. Аналогичную статистику можно наблюдать и в отношении чумы свиней за 1920 г.: из 130 больных особей пало 122 [3, 5].

Говоря об эффективности применяемых мер, следует отметить, что в случае эпизоотий возможность спасти уже заболевших животных на тот момент была крайне низкой, особенно в случаях распространения сибирской язвы, оспы или чумы. Единственным способом сохранить поголовье скота была профилактика и соблюдение мер безопасности. В связи с этим проводились специальные «летучки» по актуальным вопросам ветеринарии и искоренения различных заболеваний, созывались ветеринарные съезды, на которые приглашались представители уездных ветеринарных органов, Казанского губернского ветеринарного отдела. Безусловно, все это положительно сказывалось на развитии ветеринарии в Чувашском крае.

Резюме. Изучение материалов Чебоксарского уездного ветеринарного отдела позволяет судить об общем уровне развития ветеринарии в Чувашском крае. Исследование показывает, что в годы гражданской войны данная отрасль в Чувашии испытывала серьезные трудности, была реорганизована и централизована. Городские и земские ветеринарные отделы, функционировавшие в дореволюционный период, были упразднены. Их сменили ветеринарные отделы и подотделы, создаваемые на уровне уездов и губерний. Отрасль остро нуждалась в ветеринарных кадрах и медикаментах, испытывала значительные трудности с транспортировкой медперсонала. Но тем не менее была создана надежная основа для развития ветеринарии в Чувашии на последующих этапах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). – Ф. 383. – Оп. 1. – Д. 3 (Постановления Коллегии ветеринарного управления отдела Чебоксарского уездного совета РК и КД за 1919 г.).
2. ГИА ЧР. – Ф. 383. – Оп. 1. – Д. 4 (Распоряжения и постановления о мерах прекращения заразных болезней по Чебоксарскому уезду (1918–1919 гг.)).
3. ГИА ЧР. – Ф. 383. – Оп. 1. – Д. 5 (Диаграмма болезней за 1920–1922 гг. по Цивильскому уезду).
4. ГИА ЧР. – Ф. 383. – Оп. 1. – Д. 15 (Ветеринарный подотдел облземотдела. Переписка о заразных болезнях скота за 1920 г.).
5. ГИА ЧР. – Ф. 384. – Оп. 1. – Д. 1 (Управление горветврача гор. Чебоксары. Собрание бумаг к руководству за 1920 г.).
6. Гинзбург, А. Г. Организация ветеринарного дела в СССР / А. Г. Гинзбург. – М. : Колос, 1970. – 408 с.
7. Григорьева, Т. Е. Ветеринария / Т. Е. Григорьева [Электронный ресурс] // Чувашская энциклопедия. – Режим доступа: <http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=1022>
8. Ефимов, Л. А. Заболевания людей и животных заразными болезнями / Л. А. Ефимов // Аликовская энциклопедия. – Чебоксары : Новое время, 2011. – С. 440–441.
9. Ефимов, Л. А. Ветеринарная медицина Аликовского района Чувашской Республики в XX – начале XXI века / Л. А. Ефимов, А. А. Николаев. – Чебоксары : Новое время, 2013. – 140 с.
10. Карпов, А. Б. Основные этапы становления и развития ветеринарии в Чувашии / А. Б. Карпов // Краеведение в Чувашии: исторический опыт, проблемы и перспективы : материалы региональной научно-практической конференции (8 октября 2013 года) / отв. ред. Л. А. Ефимов. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2014. – 311 с.
11. Коропов, В. М. История ветеринарии в СССР / В. М. Коропов. – М. : Сельхозгиз, 1954. – 368 с.

УДК 947.1/.9 (571.52)+338.4 (571.52):636

**ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ
И ПЕРЕХОДА АРАТОВ НА ОСЕДЛОСТЬ В ТУВЕ (1921–1944 гг.)**

**MAIN STAGES OF COLLECTIVIZATION AND SEDENTARIZATION
OF THE ARAT PEOPLE IN TUVA (1921–1944)**

А. А. Нурзат

A. A. Nurzat

ФГБОУ ВПО «Тувинский государственный университет», г. Кызыл

Аннотация. Статья посвящена начальному этапу перехода (перевода) кочевых аратских хозяйств на оседлость, который приходится на период Тувинской Народной Республики (ТНР) (1921–1944 гг.). Рассмотрены вопросы о создании предпосылок седентеризации аратов-кочевников, о начале и активной фазе политики коллективизации и перехода аратов на оседлость в масштабах республики, а также о создании Комитета оседания в ТНР.

Abstract. The article is devoted to the initial period of sedentarization of the nomadic Arat households. It fell on the period of the Tuvan People's Republic (1921–1944). The article discusses the problem of the preconditions for the sedentarization of the Arat nomads, the beginning of the policy of collectivization and sedentarization of the Arat people in the republic and also the creation of the Committee of settling in the TPR.

Ключевые слова: *кочевник, седентеризация, коллективизация, Комитет оседания, Тувинская Народная Республика.*

Keywords: *nomad, sedentarization, collectivization, the Committee settling, the Tuvan People's Republic.*

Актуальность исследуемой проблемы. В современной исторической науке интерес к кочевым народам Евразийских степей, к числу которых относятся и тувинцы, не только сохраняется, но и возрастает. Изучение их общественного строя, материальной и духовной культуры, проблем седентеризации до сих пор не теряет своей актуальности.

Со времени перевода аратов на оседлость прошло более 50 лет. Этот процесс имел, несомненно, прогрессивное значение, что отразилось на всех сторонах общественного развития и образа жизни людей. В степях возникли новые города и другие населенные пункты, появились современная промышленность и сельское хозяйство, в корне изменились быт и культура бывших кочевников. Однако ускоренные темпы коллективизации, насильственный перевод людей из традиционных условий жизнедеятельности кочевых аалов в села имели, конечно, негативные последствия, переживаемые и в настоящее время, – тувинцы стали терять свои духовные корни, материальную культуру.

Республика Тыва в течение более полувека живет в условиях оседлого образа жизни. Экономика республики по-прежнему остается преимущественно животноводческой, т. е. ориентированной на село и сельское хозяйство. Но определенная часть населения до сих пор ведет кочевой образ жизни, сохраняя традиции частичного кочевания по сезонным пастбищам и стойбищам. Изучение этого опыта имеет важное научное и прикладное значение.

Научная значимость данной темы также определяется несомненным практическим интересом в связи с необходимостью адаптации современных скотоводов – потомков традиционных кочевников – к реалиям индустриальной (постиндустриальной) цивилизации. Существенные различия в уровне и темпах социально-экономического и культурного развития отдельных стран и регионов представляют собой одну из наиболее характерных черт современности. Становится очевидной необходимость выработки путей и способов интеграции тувинцев в современный мир. Последняя невозможна без глубокого и всестороннего исследования различных элементов традиционной системы материального производства, особенностей социальных связей и идеологии доиндустриального общества кочевников.

Материал и методика исследований. Целью исследования стало изучение истории перехода кочевых тувинцев к оседлости в период Тувинской Народной Республики (с 1921 по 1944 год).

Материалом для исследования послужили труды советских и современных российских историков. В ходе исследования применялись теоретический анализ, изучение документации, обобщение материалов. Методологической основой работы стали общенаучные и частнонаучные подходы.

В середине 1940-х годов появились первые статьи по отдельным вопросам социалистического строительства в Туве. В 1946 году был издан сборник Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы, истории (ТНИИЯЛИ), посвященный годовщине тувинской национально-освободительной революции. В нем были отмечены основные достижения ТНР за прошедшие 25 лет [1]. В статьях О. Лопсан-Кендена [4, 40–45], В. И. Седегова, С. А. Красовского [6, 46–53] отмеченные успехи экономического развития Тувы объяснялись введением новых форм организации хозяйств – колхозов, совхозов, тожзем, машинно-тракторных станций (МТС). Сельское хозяйство, по мнению ученых, находилось на качественно новом этапе развития, что подразумевало и качественно новый этап в изменении образа жизни бывших кочевников.

Перевод аратов на оседлый образ жизни на основе коллективизации рассмотрел Л. В. Гребнев в своем труде «Переход тувинских аратов-кочевников на оседлость». Он оценил этот процесс как единственно возможный для создания условий «зажиточной и культурной жизни» [2, 12–25]. В его работе отмечены пути кооперирования аратских хозяйств, подчеркнута высокая роль партийных органов, советского правительства и советских специалистов, которые оказывали безвозмездную материально-финансовую и организационную помощь в реализации задач коллективизации. Подробно освещаются вопросы строительства колхозных поселков, изменения в быту и образе жизни тувинцев.

Еще одной работой, также посвященной истории перехода Тувы к социализму, является монография В. М. Иезуитова [3]. В ней говорится о том, что в условиях отсутствия пролетариата Тува не смогла бы провести социалистические преобразования без помощи извне, которую оказал СССР, в том числе и осуществить переход аратов на оседлость.

Из работ современных историков необходимо отметить монографическое исследование Н. М. Моллерова [5]. В нем достаточно целостно реконструирована история Тувы, рассмотрены причины образования и факторы становления национальной государственности, сложности и противоречия в процессе всестороннего сближения Тувы с Советским государством (1921–1944 гг.), которые непосредственно связаны с переходом аратов на оседлый образ жизни.

Результаты исследований и их обсуждение. Предки тувинцев с древнейших времен вели кочевой образ жизни на основе комплексного экстенсивно-пастбищного скотоводческого хозяйства. После образования Тувинской Народной Республики (1921 г.) в стране постепенно (1929–1930 гг.) стал подниматься вопрос о переходе аратов к оседлости. Процесс оседания аратов-кочевников теснейшим образом был связан с созданием национальной экономики, культурной революцией и, конечно, коллективизацией страны, начавшейся с 1930 года.

Начало перехода (перевода) кочевых аратских хозяйств к оседлости приходится на период Тувинской Народной Республики. В рамках истории ТНР выделяем три этапа седентеризации:

- 1) с 1921 по 1930 г. – создание предпосылок седентеризации аратов-кочевников;
- 2) с 1930 по 1940 г. – начало политики коллективизации и перехода аратов к оседлости в масштабах республики;
- 3) с 1940 по 1944 г. – активная фаза политики коллективизации и перевода кочевников Тувы на оседлость, создание Комитета оседания в ТНР.

Первый этап: 1921–1930 гг.

В 1921 году впервые на территории Тувы было образовано суверенное национальное государство тувинского народа – Тувинская Народная Республика. В 1921–1930 гг. перед молодой республикой стояли первостепенные задачи, связанные с созданием правовой основы суверенного государства, организацией аппарата управления и власти, решением важнейших политических вопросов международного характера, созданием революционной народной партии (1922 г.). В 1920-е гг. решались вопросы создания и развития национальной промышленности, передового по тем временам сельского хозяйства на основе животноводства и орошаемого земледелия, культурной революции. Все эти проблемы политического, экономического, идеологического и культурного характера решались более или менее успешно в течение первого этапа перехода на оседлость.

Для молодой республики ориентиром в решении проблем являлись ВКП(б), правительство Советского Союза и русское население, которое жило в Советской колонии – Русской самоуправляющейся трудовой колонии (РСТК с 1922 по 1932 г.).

С деятельностью РСТК и райбюро РКП(б) связаны зарождение первых промышленных и сельскохозяйственных предприятий, организация торговли и финансово-кредитной системы, государственного бюджета, налаживание денежного оборота и культурно-просветительной работы в республике.

Ближайшими политическими задачами I съезда Тувинской народно-революционной партии (ТНРП) были демократизация и укрепление органов государственной власти, ликвидация привилегий класса феодалов, повышение материального и культурного уровня жизни населения. Партия ставила перед собой сложную задачу – обеспечение суверенитета и самостоятельности молодой республики, преодоление многовековой экономической и культурной отсталости страны, создание и развитие собственной промышленности и сельского хозяйства. Однако страна продолжала оставаться

скотоводческой. Скотоводство базировалось на традиционном экстенсивно-пастбищном хозяйстве. В центральной и западной Туве кочевое хозяйство продолжало оставаться комплексным в виде триады: ведущее кочевое скотоводство, подсобное орошаемое земледелие, охота и собирательство, а кое-где – рыболовство. На востоке Тувы у тувинцев-тоджинцев существовали охота, оленеводство, собирательство и рыболовство.

В 1921–1929 гг. правительство ТНР и ТНРП не ставили задачу коллективизации и массового перехода аратов на оседлость. В то время исторически сложившееся и закрепленное кочевое хозяйство представлялось как самим аратам-скотоводам, так и руководителям партии и правительства вполне естественным явлением. Это подтверждается, в частности, тем, что в те годы в программных документах партии и правительства отсутствовали такие понятия, как «коллективизация», «оседлость», «переход к оседлости». Это вполне закономерное явление, поскольку отсутствовали объективные и субъективные условия и предпосылки перевода аратов на оседлый образ жизни.

Можно сказать, что создание и развитие народного хозяйства и демократических основ общества являлись важнейшей политической задачей правительства и ТНРП. Поэтому, естественно, само выдвижение такой экономической политики в конечном итоге неизбежно предполагало существенные изменения в традиционном образе жизни тувинцев, в том числе в соотношении между кочевым и оседлым населением, сельским и кочевым аальным. Однако последовательно проводимая партией и правительством социально-экономическая политика неизбежно затрагивала основы кочевого образа жизни аратов, приобщала многих из них к новым культурным ценностям. В итоге в центральной Туве некоторые араты перенимали передовой опыт агромелиоративной практики, стали заготавливать сено на зиму, строить жилища и бревенчатые юрты. В долине Хемчика, Улуг-Хема и Каа-Хема будущими центрами оседания аратов в основном становились места весенне-осенних стоянок, где производились сев и уборка урожая. Закладывались предпосылки перехода к оседлости.

Второй этап: 1930–1940 гг. В рассматриваемый период вопросы коллективизации и перевода аратов на оседлость приобретали более конкретное политическое содержание и форму реализации. Это время начала перехода на оседлость в рамках ТНР. В процессе седентеризации важное место отводилось созданию социалистического сектора в экономике и коллективизации страны, что было подтверждено положениями VIII съезда ТНРП (20 октября – 10 ноября 1929 г.). Съезд ТНРП отметил, что для успешного развития Тувинской Народной Республики необходимо решить такие вопросы, как широкое вовлечение аратов в общественную и государственную жизнь страны, конфискация крупной феодалской собственности, создание национальной письменности, коллективизация аратских хозяйств, постепенный их переход на оседлость, правильная организация налогов и кредитной политики в интересах государства и трудового населения.

Вопрос о кооперировании аратских хозяйств рассматривался на совместном пленуме ЦК и ЦКК ТНРП в июне 1930 г. Массовое кооперирование аратских хозяйств началось стихийно, без подготовки, при отсутствии материально-технической базы и кадров. Постепенно это мероприятие приобретало плановые начала. В этом заслуга СССР и русской колонии в Туве. В ТНР набирал темп социалистический сектор.

В силу отсталости технической базы сельского хозяйства и кочевого образа жизни населения основной формой производственной кооперации стали простейшие формы товарищества – по совместной обработке земли (ТОЗы) и по улучшению животноводства (ТУЖи).

Практическое руководство коллективными хозяйствами в ТНР в 1930 – первой половине 1931 г. осуществлял Колхозцентр (центральный орган управления коллективными хозяйствами) при Тувинценоопе (Тувинский центральный народный кооператив), со второй половины 1931 г. – Колхозцентр при Совете Министров, а с 1933 г. – Сельхозкустпромсоюз (сельскохозяйственный кустарно-промысловый союз) [5].

С ростом количественных показателей колхозного строительства началось известное «головокружение» у руководящих государственных и партийных деятелей, усиливавшееся по мере ознакомления с опытом сплошной коллективизации в СССР. Растущие ошибки резко отрицательно отразились на отношении к коллективизации аратских масс. Тревожное положение дел в Туве скоро стало известно руководству Коминтерна, которое на II Чрезвычайном объединенном пленуме ЦК и ЦКК ТНРП поправило тувинских руководителей, порекомендовав им прекратить административное насаждение колхозов и преждевременный перевод населения на оседлость. На состоявшейся после пленума III чрезвычайной сессии Малого Хурала ТНР (1933 г.) наметили и провозгласили «новый политический хозяйственный курс».

В целом переход (перевод) кочевых аратов к оседлому образу жизни на основе коллективизации понимался как единственно верный путь развития тувинского общества. Причем этот процесс понимался односторонне: решить проблему могут только народная власть и коммунистическая партия.

Таким образом, на этом этапе оседания явно преобладал так называемый первый путь перехода к оседлости, т. е. переход части бывшего кочевого населения от занятия кочевым животноводством к другим видам хозяйственной и иной деятельности (в области промышленности, земледелия, строительства, транспорта, народного образования, здравоохранения и т. д.). Например, в 1938 году в Каа-Хемском районе было 509 домов и 486 юрт, в Пий-Хемском районе – 473 дома и 973 юрты. Большое количество домов было построено аратами Улуг-Хемского (25 % из общего числа юрт и деревянных домов), Дзун-Хемчикского (19 %) и Тоджинского (23 %) районов. Согласно переписи 1931 г. подавляющее большинство населения страны, а это 82,2 %, все еще было занято кочевым хозяйством [7].

Третий этап: 1940–1944 гг. – время активной фазы перевода аратов на оседлый образ жизни. Для этого специально при Министерстве животноводства и земледелия ТНР был создан Комитет оседания. Однако начало Великой Отечественной войны объективно внесло свои коррективы в этот политический и общественный процесс.

Вопрос о переходе аратов на оседлость, поставленный еще на VIII съезде ТНРП, неоднократно поднимался в дальнейшем в годы Великой Отечественной войны. В самые тяжелые годы жизни страны ТНРП и правительство ТНР продолжали политику седентеризации страны, связывая все это с проблемами социалистического строительства. Так, например, в 1941 г. XII Чрезвычайный съезд ТНРП дал развернутую программу социалистических преобразований в стране, вновь подчеркнул значение перехода аратов к коллективным формам хозяйства, организационно-хозяйственного укрепления тожземов и перехода аратских хозяйств на оседлость. Для осуществления решений партии и правительства по переводу аратов на оседлость Комитетом намечались центры оседлости в сумонах и арбанах, составлялись списки аратов, желавших перейти на оседлость, выдавались денежные ссуды на постройку жилых домов и на приобретение инвентаря. В хошунных и сумонных центрах строились школы, интернаты, магазины, больницы, медпункты, культурно-бытовые помещения.

Резюме. Таким образом, весь период колхозного движения в ТНР с 1921 до 1944 г. был подготовительным этапом к массовой коллективизации и массовому переводу аратов на оседлость. В 1944 г. в ТНР имелось 4 госхоза, сельскохозяйственная опытная станция, 8 государственных машинно-сенокосных станций. Более 20 % крестьянских и аратских хозяйств вступили в созданные к тому времени 21 сельхозартель и 123 товарищества по развитию животноводства и земледелия. Коллективные хозяйства имелись в 13 хошунах ТНР из 16.

Этот этап отмечен такими важнейшими событиями, как дальнейшее успешное продвижение по так называемому некапиталистическому пути развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. *25 лет* тувинской национально-освободительной революции : сборник статей / отв. ред. Х. М. Сейфулин. – Кызыл : Тув. обл. изд-во, 1946. – 101 с.
2. *Гребнев, Л. В.* Переход тувинских аратов-кочевников на оседлость / Л. В. Гребнев. – Кызыл : Тув. кн. изд-во, 1955. – 100 с.
3. *Иезуитов, В. А.* От Тувы феодальной к Туве социалистической / В. А. Иезуитов. – Кызыл : Тув. кн. изд-во, 1956. – 208 с.
4. *Лопсан-Кенден, О.* Животноводство – основная отрасль народного хозяйства Тувинской автономной области / О. Лопсан-Кенден // 25 лет тувинской национально-освободительной революции – Кызыл : Тув. обл. изд-во, 1946. – С. 40–45.
5. *Моллеров, Н. М.* История советско-тувинских отношений (1917–1944 гг.) / Н. М. Моллеров – М. : Изд-во Мос. гуманит. ун-та, 2005. – 465 с.
6. *Седегов, В. И.* Земледелие Тувы / В. И. Седегов, С. А. Красовский // 25 лет тувинской национально-освободительной революции. – Кызыл : Тув. обл. изд-во, 1946. – С. 46–53.
7. *Центральный* государственный архив Республики Тува. – Ф. 101. – О. 1. – Д. 24. – Л. 1–3.

УДК 94(470)''20'':323.1(470.345)

**РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА И ИДЕОЛОГИЯ В МОРДОВИИ
В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ (1985–1991 гг.): ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

**REGIONAL CULTURAL POLICY AND IDEOLOGY IN MORDOVIA
IN THE YEARS OF PERESTROIKA (1985–1991):
FEATURES OF TRANSFORMATIONS**

Г. В. Огрина

G. V. Ogrina

*ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции
Российской Федерации» Средне-Волжский (Саранск) филиал, г. Саранск*

Аннотация. В статье рассматривается состояние культурной политики в Мордовии в 1985–1991 гг. Анализируются система управления, структура и проблемы национальной культуры республики в годы перестройки. Особое внимание уделяется реализации реформирования культуры в изучаемый период. В эти годы значительно увеличивается диапазон распространяемых среди населения духовных ценностей: к старым «традиционным» их видам присоединяются новые, такие как телефильмы, телеспектакли, стереофонические записи и др.

Региональная власть стремилась создать реальные возможности для все более полного и всестороннего удовлетворения потребностей населения в ценностях духовной культуры. Но, к сожалению, все задуманное не всегда воплощалось в реальную жизнь.

Abstract. The article considers the state cultural policy in Mordovia in 1985–1991. It analyzes the control system, structure and problems of the system of national culture in the Republic in the years of perestroika. Special attention is paid to the implementation of the reform of culture during this period. In these years the range of distributed spiritual values among the population has significantly increased: to the old «traditional» types the new ones joined, like films, dramas, stereophonic records and others.

The regional authorities sought to create real possibilities for a more complete and comprehensive meeting of needs of the population in spiritual culture. But, unfortunately, not all the plans can be implemented.

Ключевые слова: *реформа, перестройка, власть, регион, партия, социокультура, национальная культура, воспитание, высшее образование.*

Keywords: *reform, perestroika, authority, region, party, socioculture, national culture, education, higher education.*

Актуальность исследуемой проблемы. В период перестройки взаимодействие власти и общества приобрело особенную активность и остроту. В связи с этим несомненную актуальность имеют вопросы, раскрывающие диалог или противостояние властных институтов и общественности республики в период перестройки. Важность темы возрастает также при комплексном анализе данной проблемы, раскрываемой посредством исследования общественно-политической, экономической и социокультурной сфер в регионе в 1985–1991 гг.

Материал и методика исследований. При изучении темы автор опирался на разные группы источников. Основу исследования составили опубликованные и неопубликованные статистические и архивные материалы, отчетная документация государственных органов власти. Важным источником информации явились издания периодической печати. В работе использовались историко-сравнительный, структурный, статистический и абстрактно-логический методы исследования.

Результаты исследований и их обсуждение. Изучение особенностей культурной политики в 1985–1991 гг. позволяет выявить социокультурные причины распада советского государства и при региональном осмыслении более пристально взглянуть на проблему взаимоотношений власти и общества. К середине 1980-х гг., несмотря на нараставшие проблемы, культурная и идеологическая модель советского государства сохраняла устойчивость и консерватизм. Аппарат КПСС диктовал, регулировал и контролировал социальную, политическую, экономическую и культурную организацию общества.

Выделяя сущность советской культурной политики, необходимо подчеркнуть, что она являлась, прежде всего, целенаправленной систематической деятельностью государства. Государственные и партийные органы различных уровней концентрировали в своих руках большую часть материальных средств, предназначенных для поддержки и развития сферы культуры, и занимались распределением этих средств. При этом цели и задачи, которые преследовались партией и государством, напрямую обуславливали распространение в обществе тех или иных ценностей и норм.

Рассмотрим основные позиции культурной политики, деклариовавшиеся партией в период перестройки, которая руководила не только культурным, но и идеологическим воспитанием советских людей в духе «высокой идейности и преданности коммунизму». В то же время партия провозглашала первоочередную заботу о формировании «гармонично развитой, общественно активной личности, сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство» [16, 51].

В области идейно-воспитательной работы партия выдвигала следующие задачи: формирование научного мировоззрения, трудовое воспитание, утверждение коммунистической морали, которая включала в себя коллективизм и гуманизм, атеистическое, патристическое и интернациональное воспитание.

В области народного образования партия проводила линию «на воспитание и подготовку сознательных, высокообразованных людей, способных как к физическому, так и умственному труду» [16, 52]. Система народного образования совершенствовалась «с учетом потребностей ускорения социально-экономического развития, перспектив коммунистического строительства, требований, выдвигаемых прогрессом науки и техники» [16, 77]. Высшее образование в республике в рассматриваемый период было представлено двумя вузами – Мордовским государственным университетом им. Н. П. Огарева и Мордовским государственным педагогическим институтом им. М. Е. Евсевьева. В этих высших учебных заведениях готовилась наиболее квалифицированная часть специалистов различного профиля. В годы перестройки открылись музыкально-педагогический факультет в МГПИ им. М. Е. Евсевьева (1983 г.) и отделение дирижирования на кафедре народной музыки в МГУ им. Н. П. Огарева (1991 г.), что стало значительным шагом в подготовке профессиональных музыкантов. Большое значение для республики имело открытие факультета национальной культуры в МГУ им. Н. П. Огарева (1991 г.), где велась подготовка специалистов с высшим хореографическим образованием. Выпускники отделения приходили на работу в труппы национального театра

и профессиональных народно-сценических коллективов. Балетная труппа регулярно пополнялась выпускниками Мордовской республиканской детской хореографической школы, созданной в 1991 г. [15, 80].

В области науки политика партии была нацелена «на создание благоприятных условий для динамичного прогресса всех отраслей знания, на концентрацию кадров, материальных и финансовых ресурсов на наиболее перспективных направлениях, призванных ускорять достижение намечаемых экономических и социальных целей, духовное развитие общества» [16, 53]. В программе партии подчеркивалось, что прежде всего необходимо обеспечивать «опережающее развитие поисковых, фундаментальных исследований», поддерживать надежную обороноспособность страны [16, 52–59].

В области культурного строительства, литературы и искусства неперенным условием успешного решения главных задач (освоения народом богатств духовной и материальной культуры, активного приобщения к художественному творчеству) партия видела «в постоянном совершенствовании содержания и методов культурно-просветительной работы, укреплении ее материальной базы, в интенсивном культурном строительстве» [16, 55]. В соответствии с документами ЦК КПСС, согласно Конституции МАССР 1978 г. государство ставило своей целью «расширение реальных возможностей для применения гражданами своих творческих сил, способностей и дарований, для всестороннего развития личности» [12, 9].

Одной из форм распространения коммунистической идеологии являлось стремление усилить роль КПСС в жизни людей. Приобщение к общей идее происходило в течение всей жизни: в возрасте 7–8 лет ребят принимали в ряды октябрят, в 10–12 лет – в пионеры, к 16 годам молодой человек вступал в комсомол. А вступление в партию, если оно происходило, вообще было равносильно инициации. Человек был подготовлен к определенной ему роли. Это имело существенное значение в формировании отдельной личности и общества в целом [9, 270–271]. Так как культура выступает как основной механизм социализации личности, а следовательно, как механизм общественного воспроизводства, то культурная и идеологическая политика партии была естественным проявлением сильной государственной организации [11, 5].

Свое конкретное проявление государственная культурная политика имела в развитии социокультурной инфраструктуры. К 1989 г. в Мордовии действовало четыре государственных театра, государственная филармония, три музея с 14 филиалами, три училища культуры, 66 детских музыкальных и художественных школ, 600 государственных библиотек, 319 клубных учреждений, 755 киноустановок. Но, несмотря на развитую социокультурную инфраструктуру, как отмечал на заседании Верховного Совета (сентябрь 1989 г.) министр культуры Н. Я. Наумкин, в сфере культуры имелось много нерешенных проблем, в том числе стереотипность, серость и шаблонность в культурно-массовой работе, нехватка кадров, снижение развития материально-технической базы национальной культуры. Основной причиной непопулярности работы в сфере культуры были маленькие заработки. Средняя заработная плата работника культуры в 1989 г. в республике составляла 80–90 рублей, что было в 1,5–2,0 раза меньше, чем средняя зарплата работников других профессий [8, 58–60].

Одним из направлений региональной культурной политики было сохранение культурно-исторических памятников. К началу 1990-х гг. в Мордовии насчитывалось более тысячи историко-культурных памятников. 6 декабря 1988 г. Совет министров МАССР

принял постановление «О мерах по дальнейшему совершенствованию деятельности Мордовского республиканского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры», в котором отмечалось, что «осуществляемая в республике перестройка, демократизация, расширение гласности способствуют повышению интереса трудящихся к историко-культурному наследию, желанию реально участвовать в его духовном освоении, сохранении и восстановлении» [20]. В соответствии с этим постановлением была разработана и принята Комплексная программа охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры на 1991–1996 гг. и на период до 2005 г., предусматривающая целый ряд важных и своевременных мер [21, 103].

К 1989 г. более 1600 различных памятников – культурных, исторических, археологических – были взяты в МАССР под государственную охрану, ежегодно возрастал объем их реставрации и ремонта. Среди недостатков данной работы отмечались плохо поставленное изучение и паспортизация памятников, бесхозность и постепенное уничтожение некоторых памятников, низкие темпы реставрационных работ [8, 24–25].

В связи с постановлениями ЦК КПСС «О мерах по улучшению использования клубных помещений и спортивных сооружений», «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» и решений XXVII съезда КПСС в большинстве клубов и Домов культуры республики был пересмотрен режим работы, особое внимание обращено на обслуживание населения в выходные и праздничные дни. К культурно-просветительской и массово-политической работе стали все чаще привлекаться работники театрально-концертных и спортивных организаций, кинофикации, что позволило разнообразить организацию культурного досуга населения. Большое значение в культурной политике стали приобретать культурно-спортивные комплексы, которые были призваны стать новым универсальным элементом в организации массово-политической, культурно-просветительной и спортивно-оздоровительной работы. Эти комплексы представляли собой объединенную систему культурно-воспитательных организаций – клубов, библиотек, киноустановок, общеобразовательных и специальных учебных заведений, детских музыкальных и художественных школ. Иногда в состав комплексов включались даже общества ДОСААФ, «Знание», книголюбов, охраны природы и т. д. В Ардатовском культурно-спортивном комплексе и его 13 филиалах в среднем за неделю занимались 1100 человек [7, 33–36], [10, 5–7], [13, 7–9].

Несмотря на то что вопросы культурного обслуживания в Мордовии уже давно стояли на повестке дня, уровень проводимой работы не соответствовал духовным запросам людей. Не были решены многочисленные проблемы: не хватало музыкальных и художественных школ; в культурно-массовой работе не удавалось отойти от устоявшихся стереотипов, серости, шаблона; в финансировании институтов культуры по-прежнему действовал остаточный принцип. В 1988 г. Министерство культуры СССР приняло постановление «О переводе учреждений культуры на условия самофинансирования и хозрасчет». Результаты эксперимента оказались неоднозначными. Учреждения культуры были вынуждены искать внебюджетные источники материального обеспечения, сдавать в аренду свои помещения коммерческим организациям. Сократилось выделение средств из бюджета на развитие искусства [5, 3–23]. Председатель Совета министров МАССР В. С. Учайкин отмечал, что в сфере культурного обслуживания населения возникли серьезные противоречия между воспитательными и коммерческими целями. Кинолектории проводились формально, выросли цены на билеты, сократился объем концертов, организуемых коллективами филармонии на селе [8, 25]. Переход страны к рыночной экономи-

ке привел к введению платных услуг в системе культурно-просветительных учреждений. Коммерческие организации заполнили образовавшийся культурный вакуум. Повсеместно стали создаваться видеосалоны, где демонстрировались фильмы западного производства сомнительного содержания. Население республики было серьезно обеспокоено таким отношением власти к вопросам развития культуры в республике. По мнению большинства, это влекло за собой ряд негативных последствий, в том числе и рост преступности. По словам председателя Мордовского ОК ДОСААФ В. Н. Хлуднева, молодежь была лишена основ нравственного воспитания. «Все старое пересмотрели, переосмыслили, – отмечал он, – некоторое походя и оплевали, а что дали взамен? Видеосалоны, где царствует разврат и мордобой. Кроме того, там, где не работаем мы, успешно трудится уголовщина, внедряя в молодежную среду лагерную культуру социального дна. А результат – это рост преступности, инфантильность, пассивность и безверие» [18, 26], [19], [20].

Культурная политика в МАССР представляла собой систему управления культурой и искусством, включавшую ведомственное, общественное и партийное руководство. Специфическими условиями развития культуры в регионе были отсталая материально-техническая база и низкий уровень культурного обслуживания населения. Можно отметить некоторые направления культурной политики в республике на начальном этапе перестройки (1985–1989 гг.): упрочение материальной базы учреждений и организаций культуры (строительство клубов, создание культурно-спортивных комплексов, охрана культурно-исторических памятников), проведение реформы образования. С конца 1980-х гг. контроль над культурными процессами ослабевает, что послужило одной из главных причин роста самоуправляемых общественных инициатив, национального движения и влияния религиозных организаций, резкого снижения творческой и просветительской деятельности в регионе.

В начале перестройки под контролем партии находилась и деятельность художественной интеллигенции. Воздействие партии на художественную интеллигенцию с целью корректировки ее творчества признавалось необходимым средством политического просвещения и одним из видов агитационно-массовой работы. Перестройка, предполагавшая гласность и некоторое ослабление идеологического контроля в творческой сфере, в целом была положительно воспринята подавляющим большинством представителей художественной интеллигенции. Однако, несмотря на общую поддержку проводимой партией и правительством политики, союзы художественной интеллигенции в целом оказались не готовы к новым реалиям общественной и культурной жизни, порожденным начавшейся перестройкой. С нарастанием экономического и социально-политического кризиса в стране интеллигенция остро нуждалась в прямой государственной поддержке.

К середине 1980-х гг. государственный контроль над работой учреждений культуры и искусства продолжал развиваться. «Сейчас мы получили дополнительные возможности влиять на театральный процесс, – отмечал на заседании Верховного Совета МАССР (1986 г.) министр культуры Н. Я. Наумкин, – я имею в виду новую систему формирования театральных трупп. Суть ее заключается в том, что артисты и другие творческие работники будут переизбираться, а затем конкурсы на замещение будут проводиться через каждые пять лет. Министерство также активно начало внедрять систему планового театрально-концертного обслуживания на селе» [7, 33–36].

К концу 1980-х гг. гласность, демократизация и деидеологизация стали набирать силу в кругах творческой интеллигенции республики. Отвечая на вызовы времени, в 1988 г. партийное руководство МАССР декларировало поддержку инициатив творче-

ской интеллигенции. Опираясь на установки центральных органов власти, в Мордовии стали проводиться постоянные встречи членов бюро, секретарей обкома КПСС с деятелями литературы и искусства, на которых обсуждались злободневные вопросы в сфере культуры. Так, 10 июля 1987 г. на встрече в ЦК КПСС с руководителями средств массовой информации и творческих союзов по вопросам дальнейшего усиления роли печати, телевидения и радиовещания в процессе перестройки высказывались различные мнения, пожелания и планы, которые должны были ускорить или исправить ход перестройки в культурной сфере. В то же время многие участники отмечали, что гласность и либерализация взглядов не только приводят к свободным дискуссиям, но и закрепляют неправильную позицию в освещении отечественной истории (к примеру, идеализация царской России). Другие соглашались, что у перестройки выработалась определенная концепция, комплексная программа действий, но полного представления о социалистической культуре до сих пор нет.

О перекосах в культурном и идеологическом планах перестройки упоминал и главный редактор журнала «Дружба народов» С. А. Баруздин: «Очень хорошо, что мы сейчас вернули в нашу литературу незаконно забытые произведения, которые лежали годами и не выходили к читателю. Но иногда у меня, как у главного редактора, создается ощущение, что, обращаясь к прошлому, мы ищем в нем только негативное, как будто ничего позитивного за 70 лет, прожитых нами в советских условиях, нет» [4, 210].

Негативные последствия политики гласности для культуры отмечал и главный редактор газеты «Известия» И. Д. Лаптев: «Деятели культуры прямо говорят о том, что они нуждаются в умном партийном слове, совете, помощи. Нуждаются потому, что здоровые силы интеллигенции хотят преодолеть групповую рознь, они хотят делать живое дело, а не тратить время на бесплодные, амбициозные схватки» [4, 212].

В начале 1990-х гг. творческая интеллигенция республики пережила трудные времена, реально возникали вопросы о существовании и работоспособности творческих союзов. «В советский период Союзом распределялись среди журналистов путевки, машины, квартиры, – писала председатель Союза журналистов Республики Мордовия Л. Г. Снегирева. – Потом, в начале 1990-х гг., после развала страны, Союз журналистов представлял собой жалкое зрелище и был на грани самороспуска» [17, 31].

Для выявления сущности и специфики региональной культурной политики необходимо подчеркнуть, что формирование и реализация данной политики основываются на конкретном национально-историческом типе культуры. По мнению ряда исследователей, только через функционирование культуры на региональном уровне реализуется культурная политика государства, которая должна сочетать в себе как общенациональные проявления и тенденции культуры, так и местные особенности [6, 154]. Несомненно, что стабильное функционирование управления культурой в регионах, равновесие между региональными и федеральными интересами в области культуры напрямую влияют на общую культурную политику государства, в том числе на национальную политику.

Однако в период перестройки данное равновесие было нарушено. Центральное управление процессами в сфере культуры ослабло, в национальных регионах стали возникать мощные центробежные силы. Но, несмотря на свободу и гласность, которые предоставили национальной интеллигенции возможность выступить с защитой национальной истории и культуры, многие региональные деятели культуры и искусства понимали, что без четкой государственной политики невозможно решить накопившиеся в этой сфере проблемы. «К сожалению, перестройка национальной политики, в особенно-

сти на местах, осуществляется очень медленно, – писал известный мордовский литературовед А. В. Алешкин. – И не случайно в целом ряде регионов нашей страны решением национальных проблем в последнее время руководит не столько теория и идеология, сколько общественная практика и общественное сознание» [1, 21]. Именно в период перестройки советские органы управления, занятые политической борьбой, уделяют все меньше внимания насущным вопросам национальной культуры. «Саранский горисполком не решил ни один постановочный вопрос по развитию материальной базы культуры, – говорил на заседании Верховного Совета МАССР (1989 г.) министр культуры Н. Я. Наумкин. – Несколько месяцев не рассматриваются вопросы Министерства на выдачу паспорта о выделении земельного участка для строительства общежития трех средних специальных учебных учреждений культуры, Дома актера, да и многих других. Я еще раз повторяю, поддержите нас, скажите доброе слово о работниках культуры, и доброе слово, поддержка обернутся сторицей для общего дела» [8, 62]. Несмотря на серьезные проблемы в реализации культурной политики, необходимо отметить, что острых вопросов, связанных с межнациональным общением в Мордовии, в рассматриваемый период не наблюдалось. Немаловажным элементом культурной политики периода перестройки был кардинальный поворот правительства в сторону лояльного отношения к росту различных религиозных организаций, ведущей среди которых была Русская Православная Церковь. Несмотря на все усилия КПСС, влияние религии как формы культуры не было уничтожено и по-прежнему находило свое проявление в повседневной жизни людей. В 1985–1986 гг. Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики и МГУ им. Н. П. Огарева провели совместную этнографическую экспедицию по исследованию жителей села Мордовии. Данное исследование показало, что верующих в Мордовии было достаточно много: 26,6 % составляет мордва-мокша, 11,6 % – мордва-эрзя, 12,7 % – русские, 39,0 % – татары [2, 334], [3, 18].

Таким образом, ослабление контроля над умами людей было инициировано самой властью. Политика гласности, провозглашенная правительством, открыла путь к свободным дискуссиям на самые различные темы. Мордовский областной комитет ВЛКСМ выдвинул идею трансформации системы политической учебы в сеть дискуссионных политических клубов. В результате чего в республике к 1989 г. существовало уже около сотни таких объединений. Многие из них «действовали» только на бумаге, но некоторые работали вполне реально (например, клуб при Темниковском РК ВЛКСМ, в Мордовском университете) [14, 21]. К концу 1980-х гг. идеологический контроль над обществом был ослаблен, что привело к размыванию культурной политики. Программная установка партии – «Каждый руководитель должен в полной мере отвечать за порученное дело, правильно строить отношения с людьми, вдохновлять их личным примером. Ни одна партийная организация, ни один работник не могут оставаться вне контроля» [16, 77] – по сути, вытеснялась самой политикой перестройки. В процессе реформ середины 1980–1990-х гг., повлекших за собой кризис в экономике, власть практически полностью отстранилась от участия в культурной сфере. В то же время культурная политика не могла осуществляться лишь средствами общественных организаций. Так, основателям «Масторавы» с самого начала было понятно, что большинство культурных запросов находящейся в катастрофическом положении нации не может быть удовлетворено исключительно неполитическими средствами. Напротив, для изменения ситуации нужны были политические решения и государственное регулирование [14, 53].

Недостаток решительных инициатив и действий, ясной программы культурной политики в конечном итоге вылился в конкретные последствия. Так, например, отсутствие четкого контроля за работой видеосалонов в республике привело к «кассетной войне» с производственным объединением бытового обслуживания населения, которое лишило Министерство культуры монополии на показ видеофильмов, что, в свою очередь, привело к изменению духовных ценностей и мотивов поведения людей, пропаганде западной массовой культуры, росту негативного отношения к советскому обществу и государству. Нужно отметить, что необходимость усиления властного контроля над культурными процессами вполне осознавалась республиканскими властями, однако эффективных действий в этом направлении с их стороны так и не последовало. «В вопросах дальнейшего развития культуры Совету министров МАССР необходимо занять более определенную позицию, – отмечал 1-й секретарь Мордовского обкома КПСС А. И. Березин, – он должен быть настоящим координатором деятельности учреждений различной ведомственной принадлежности» [8, 72].

Нельзя не отметить тот факт, что существенную роль в эффективности культурной политики играло финансирование. Несмотря на пристальное внимание власти к культурной сфере, особенно ее идеологической составляющей, финансирование культуры осуществлялось по остаточному принципу. Причем если в 1980-е гг. на эту сферу выделялось более половины бюджета, то к началу 1990-х гг. бюджет сократился и финансирование резко упало. По оценке министра культуры Ю. Ф. Юшкина, вместо 6,0 % от бюджета Мордовии, согласно закону Российской Федерации, Министерству культуры в 1996 г. было ассигновано лишь 1,15 % [22, 86].

В период перестройки в сфере культуры большое значение приобрели платные услуги, инициированные центральным правительством. В 1989 г. объем платных услуг составил около 6 млн руб. и по сравнению с 1988 г. вырос на 8,0 %, по сравнению с 1985 г. – на 31,0 %. К 1990 г. планировалось поднять объем платных услуг до 7 млн руб. [8, 58]. Конечно, платные услуги частично восполняли дефицит бюджета, но, скорее всего, они ориентировали учреждения культуры на зарабатывание денег, а не на культурно-просветительную работу. В своем докладе министр культуры МАССР Н. Я. Наумкин так характеризовал данную проблему: «Нас очень тревожит то обстоятельство, что Госплан, не принимая наши объяснения, доводы, ежегодно прибавляет Министерству 1 млн рублей платных услуг, тем самым превращая культуру в коммерцию. Чтобы выполнить план, мы вынуждены до максимума поднять цены билетов на аттракционы и дискотеки, приглашать на стадион “кассовые”, в большинстве своем низкого качества коллективы, которые вместо воспитательного воздействия несут лишь недовольство и жалобы зрителей на исполнительский уровень и высокие цены на билеты» [8, 61]. Чтобы выполнить всевозрастающий план платных услуг, Министерству культуры Республики Мордовия приходилось переводить в разряд платных кружки, существовавшие ранее на бесплатных началах. В погоне за деньгами выходил репертуар театров: классика заменялась низкопробными «кассовыми» спектаклями. Созданная при республиканском киновиdeoобъединении специальная комиссия по определению идейно-художественной ценности фильмов была не в состоянии просмотреть и проконтролировать весь объем выпускаемых на экраны видеотек фильмов [8, 58–62].

Таким образом, культурная политика в МАССР представляла собой систему управления культурой и искусством, включавшую ведомственное, общественное и партийное руководство. Специфическими условиями развития культуры в регионе были отсталая

материально-техническая база и низкий уровень культурного обслуживания населения. Можно отметить некоторые направления культурной политики в республике на начальном этапе перестройки (1985–1989 гг.): упрочение материальной базы учреждений и организаций культуры, проведение реформы. Все это привело к росту самоуправляемых общественных инициатив, национального движения и влияния религиозных организаций, резкому снижению творческой и просветительской деятельности в регионе. Вторжение рыночных отношений в область культуры породило коммерциализацию культурной деятельности.

Резюме. На начальном этапе перестройки (1985–1989 гг.) основными направлениями культурной политики в республике были упрочение материальной базы учреждений культуры и проведение реформы образования. Централизованная система управления обеспечивала стабильное развитие социокультурной инфраструктуры региона. Однако вследствие ослабления контроля над культурными процессами в ходе реформ отсталость материально-технической базы так и не была преодолена, а уровень культурно-просветительного обслуживания населения был ниже, чем в соседних национальных республиках – Татарстане, Чувашии и Марий Эл.

Культурная политика середины 1980-х гг. продолжила развитие установленных ранее направлений и оказала в целом положительное воздействие на региональный социум. Она способствовала росту материально-технической базы и инфраструктуры сферы культуры. Вместе с тем управление культурными процессами проходило под наблюдением партийных органов власти и беспрекословным влиянием коммунистической идеологии, что, с одной стороны, поднимало общий уровень культуры населения, а с другой – создавало препятствия на пути реализации прогрессивных обновлений. К началу 1990-х гг. контроль со стороны органов власти над культурой ослаб, что в целом способствовало развитию национальной культуры (например, был открыт факультет национальной культуры в МГУ им. Н. П. Огарева). Есть и отрицательные стороны ослабления идеологического диктата – образовавшийся культурный вакуум стал заполняться различными коммерческими организациями, привносившими в общественную жизнь элементы массовой, низкопробной культуры. В связи с этим большинство населения осуждало такое отношение власти к вопросам развития культуры в республике.

Активизация общественно-политической жизни вызвала рост культурного, национального и религиозного самосознания. Снизился уровень идейно-воспитательной работы среди молодежи, острый недостаток финансирования привел творческие объединения республики к глубокому кризису. Уровень массовой культуры все меньше соответствовал возросшим запросам людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешкин, А. В. Судьба культуры – судьба нации / А. В. Алешкин // Аспект – 1991: исследования по мордовской литературе. Современный литературный процесс, вопросы поэтики жанров. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1993. – С. 3–27.
2. Беляева, Н. Ф. Этнические аспекты духовной жизни мордовского сельского населения / Н. Ф. Беляева // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1990. – С. 331–335.
3. Вавилин, В. Ф. Количественная оценка современных этнокультурных процессов в Мордовской АССР (сельское население) / В. Ф. Вавилин. – Саранск : Изд-во Сарат. ун-та. Саран. филиал, 1989. – 168 с.

4. *Встреча* в ЦК КПСС с руководителями средств массовой информации и творческих союзов по вопросам дальнейшего повышения роли печати, телевидения и радиовещания в процессе перестройки. 10 июля 1987 г. // Справочник партийного работника. – М. : Политиздат, 1988. – Вып. 28. – С. 198–219.
5. *Гаврилов, В. С.* Культура, духовные ценности и рыночные преобразования в России / В. С. Гаврилов // Вестник Самарской государственной экономической академии. – 2000. – № 1. – С. 3–23.
6. *Жидков, В. С.* Культурная политика России: теория и практика : учебное пособие для вузов / В. С. Жидков, К. Б. Соколов. – М. : Академ. проект, 2001. – 592 с.
7. *Заседания* Верховного Совета Мордовской АССР 11-го созыва. 3-я сессия : стеногр. отчет. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1986. – 104 с.
8. *Заседания* Верховного Совета Мордовской АССР 11-го созыва. Внеочередная 12-я сессия. 22 сентября 1989 г. : стеногр. отчет. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1990. – 96 с.
9. *Ионин, Л. Г.* Социология культуры : учебное пособие для вузов / Л. Г. Ионин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Высшая школа экономики, 2004. – 428 с.
10. *Казаков, Р.* Начало положено / Р. Казаков // Блокнот агитатора. – 1985. – № 3. – С. 5–7.
11. *Коган, Л. Н.* Духовное воспроизводство: методология и социологические проблемы / Л. Н. Коган, И. Б. Сесюнина. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1986. – 165 с.
12. *Конституция* (основной закон) МАССР [принята на внеочередной 9-й сессии Верховного Совета МАССР 9-го созыва 30 мая 1978 г.]. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1984. – 52 с.
13. *Лисунова, Л.* КСК: проблемы становления / Л. Лисунова // Блокнот агитатора. – 1987. – № 6. – С. 7–9.
14. *Маресьев, В. В.* Общественные движения в Мордовии / В. В. Маресьев. – М. : ЦИМО, 1993. – 284 с.
15. *Огрина, Г. В.* Развитие системы образования в Мордовии в годы перестройки (1985–1991 гг.) / Г. В. Огрина // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2013. – № 4 (80). Ч. 1. – С. 78–82.
16. *Программа* КПСС (новая редакция). Проект. – М. : Изд-во полит. лит., 1985. – 79 с.
17. *Снегирева, Л. Г.* Журналистская корпорация в современном медиа-пространстве / Л. Г. Снегирева // Информационная политика в регионе: между прошлым и будущим : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2003. – С. 29–36.
18. *Центральный* государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). – Ф. 333-П. – Оп. 49. – Д. 217 (Саранский городской комитет КПСС).
19. *ЦГА РМ.* – Ф. 333-П. – Оп. 50. – Д. 1.
20. *ЦГА РМ.* – Ф. 333-П. – Оп. 52. – Д. 1, 5.
21. *Юрченков, В. А.* Еще одна лакуна нашей культуры / В. А. Юрченков // Аспект-1991: исследования по мордовской литературе. Современный литературный процесс, вопросы поэтики жанров. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1993. – С. 49–60.
22. *Юшкин, Ю. Ф.* Ули вирце – шапови кудце / Ю. Ф. Юшкин // Мокша. – 1996. – № 5. – С. 86.

УДК 94 (470); 39 (4/9)

**ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КАК ФАКТОР ВЗАИМОВЛИЯНИЯ КУЛЬТУР
ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ ТАТАРСТАНА**

**ETHNIC HISTORY AS A FACTOR OF INTERACTION OF CULTURES
OF THE TURKIC SPEAKING PEOPLES OF TATARSTAN**

И. Ю. Павлова

I. Y. Pavlova

*ФГБОУ ВПО «Казанский государственный университет
культуры и искусств», г. Казань*

Аннотация. Статья посвящена изучению процесса консолидации этносов в границах полиэтнического региона Поволжья, определяемого как целостное историческое явление, которое исследуется не в рамках рассмотрения истории одного из представителей тюркских народов, а в системе социально-исторического развития соседствующих и взаимосвязанных этносов, что позволяет выявить особенности и генезис их культурной общности, наиболее отчетливо проявляемые в периоды становления Волжской Булгарии и Казанского ханства.

Abstract. The article studies the process of ethnic consolidation within the polyethnic Volga Region defined as the integral historical phenomenon which is investigated by considering the history of not only one of the representatives of the Turkic peoples but the system of socio-historical development of adjacent and interconnected ethnic groups. This allows to identify the characteristics and genesis of their cultural generality that were most clearly manifested in the periods of formation of the Volga Bulgaria and the Kazan Khanate.

Ключевые слова: *Волжская Булгария, Казанское ханство, общность тюркоязычных народностей.*

Keywords: *The Volga Bulgaria, the Kazan Khanate, generality of the Turkic peoples.*

Актуальность исследуемой проблемы. Изучение этнической истории тюркоязычных народов Татарстана является важным направлением, помогающим решить проблемы культурного диалога и развития межнациональных контактов как в научном, так и в практическом отношении. В контексте феномена «взрыва» этнической напряженности в настоящее время исторические процессы консолидации этносов выступают условием этноконфессионального согласия и межнационального взаимодействия народов, обеспечивающим созидательно-прогрессивное развитие человечества. Ретроспективное изучение процессов становления и развития межнационального диалога, начиная с исходных исторических корней человечества и до наших дней, имеет большое значение в поиске ответов на вызовы современной эпохи [9, 14]. Исследование проводится в рамках программы «Казань – культурная столица тюркского мира 2014 года».

Материал и методика исследований. Работа выполнялась на основе сопоставительного изучения и анализа научной литературы по этносоциальной истории тюркоязычных народов Татарстана, что позволило выявить их общность и культурное взаимовлияние.

Результаты исследований и их обсуждение. Историческое знание как процесс информационного освоения культурно-исторической деятельности людей в определенные периоды является могучим орудием формирования самосознания людей и включает в себе огромное духовное богатство. Э. Р. Тагиров утверждает, что гарантией мира между людьми выступает не могущество новейших систем вооружений, не противостояние политических союзов или устрашение силой, а отказ от насилия и обращение к культуре как совокупности присущих обществу отличительных признаков, духовных и материальных, интеллектуальных и эмоциональных [8, 62]. Уже на заре человеческой цивилизации понятие «мир» утвердилось как сакрально-божественная метаидея и постепенно как базовая ценность возводилось в ранг самого сокровенного желания, высшей надежды и веры людей. И в настоящее время эта духовная ценность помогает находить взаимопонимание и общий язык мусульманину и православному, татарину и русскому, башкиру и чувашу, а также другим представителям народностей Поволжья. Мир и согласие, в основе которых лежит понимание культуры другого народа, – это условие конструктивного межкультурного диалога в Татарстане.

Республика Татарстан является субъектом Российской Федерации с ярко выраженным многонациональным и поликонфессиональным составом населения, формировавшимся на данной территории на протяжении многих столетий. По данным переписи 2010 года, в республике проживают представители 173 национальностей, из них 8 национальностей с численностью более 10000 человек (в том числе татары, чувашы, башкиры). В процентном соотношении состав следующий: татары – 53,2 %, чувашы – 3,1 %, башкиры – 0,4 % [4]. По количеству зарегистрированных религиозных организаций Татарстан стабильно относится к числу лидеров среди субъектов Российской Федерации, здесь функционирует 1625 религиозных объединений, из них 1285 – мусульманских и 270 – православных. Устойчивое взаимопонимание сложилось между представителями ведущих конфессий – ислама и православия. В Татарстане созданы и функционируют национально-культурные центры: татарские – 26, чувашские – 23, других национальностей – 20. Современная культура и многие традиции тюркоязычных народов носят на себе отпечаток их длительного взаимодействия в процессе этноисторического развития.

Крупным вкладом в изучение древнейших пластов тюркской культуры явились труды представителей казанской исторической школы: М. Ф. Закиева, И. Р. Тагирова, А. Х. Халикова, С. Х. Алишева, Р. Г. Фахрутдинова, Д. М. Исхакова, Г. М. Давлетшина и др. Изучение основных материалов по истории тюркоязычных народов Татарстана позволяет выявить генезис их культурной общности. Эта историко-культурная общность начала формироваться в древнетюркский период (IV тыс. до н. э. – VIII в. н. э.), когда зарождался древний очаг тюркской цивилизации и образовывались раннегосударственные тюркские племенные союзы: Хуннская держава, гуннское государственное объединение, Тюркский каганат, Великая Болгария, Хазарский каганат, печенежские и кыпчакские племенные объединения. Традиции общей письменной цивилизации и литературы, внедрявшей тюркскую картину мира, свидетельствуют о существовании общего литературного языка и лексики. Несмотря на то, что тюркские государства и распадались на отдельные части, возникшее этническое единство, сопричастность к общей этнокультуре не прерывались [8, 90]. После крушения Хазарского каганата остатки хазарского населения в районе Волги объединились с булгарами и суварями.

История развития тюркоязычных народов Поволжья отличается общностью социально-политического и этнокультурного становления уже далее в волжско-булгарской,

золотоордынской, казанско-ханской и астраханско-ханской цивилизациях. В средневековой истории почти всех народов Поволжья и Приуралья большую роль сыграла Волжская Булгария – первое крупное раннефеодальное государство, образованное на рубеже IX–X вв. В период формирования Волжской Булгарии как государства (VII–X вв.) этнический состав ее населения был неоднородным. Д. М. Исхаков отмечает: «Булгарские племена, возможно, возглавлявшиеся котрагами, обитавшими по правобережью среднего Дона, переселившись в Поволжье в конце VII в., оказались в окружении этнически близкого тюркского населения, которое пришло сюда несколько ранее» [11, 25].

В материальной культуре Волжской Булгарии раннего периода (VIII–X вв.) археологи фиксируют два основных компонента – болгаро-салтовский, по своему происхождению связанный с районами Северного Кавказа, Приазовья, Нижнего Поволжья и Подонья; прикамско-приуральский, имеющий истоки в районах Верхнего Прикамья, Приуралья и бассейне р. Чепца. Значительная группа болгар появилась в южных районах Среднего Поволжья во второй половине VIII – первой половине IX в. Со второй половины IX – начала X в. туда же прибывают новые группы болгарского и угорского населения, формируется своеобразная языковая культура волжских болгар. Кочевые племена Приуралья (манджары – предки башкир) были также близки болгарам по этническим компонентам. Таким образом, основное население Волжской Булгарии включало алано-хазарский (баранджары), тюрко-огурский (савиры/сувары), центрально-азиатский (эсегелы/чигили) компоненты [11, 25–32]. Наряду с тюркоязычными племенами (берсула, болгары, эсегелы, сувары, баранджары, буртасы и др.) здесь жили и финно-угорские племена – предки мари, мордвы, пермяков и т. д.

Э. Р. Тагиров в своем исследовании отмечает, что соседями волжских болгар на востоке, юге и юго-востоке в различное время были главным образом тюркоязычные племена огузов, хазар, печенегов, кипчаков и многих других; на севере, северо-востоке и северо-западе – угро-финские народности; на западе – угро-финские племена, большинство которых контролировалось восточнославянскими княжествами. Не случайна и пестрота этнического состава населения Волжско-Камской Булгарии. Ибн Русте писал о трех крупных племенах – булгарах, берсулах (барсилах), эсегелах; Ибн Фадлан добавил к ним племена суваров (савир) и баранджар (баланджар) [7, 178].

Изучение культуры Волжской Булгарии представляет значимость потому, что в болгарский период наиболее отчетливо можно проследить общность культурных традиций тюркоязычных народов. К объективным элементам общности культур относится общность языка болгар, бытовой культуры, погребальной обрядности, хозяйственной деятельности. В середине XII в. появляется «История Булгарии», свидетельствующая о воплощении самосознания болгарского этноса. Изучение болгарской мифологии необходимо для понимания идеологии, общественного сознания и духовной культуры болгар.

Несмотря на раннее проникновение в Поволжье (IX в.) мусульманской религии, у болгар еще сохранялись многочисленные пережитки политеизма. На протяжении многих веков мусульманско-языческий синкретизм нашел свое отражение в разных сферах образа жизни и культуры волжских болгар. Культура Волжской Булгарии характеризуется постепенным мирным переходом от языческой религии к исламу, что позволило изменить стиль мышления, образ жизнедеятельности этносов, в которой культивировались и воспитывались ценности трудовой этики, духовности, этноконфессионального согласия и взаимодействия [8, 72]. Ислам распространился ненасильственно, добровольно (насилие в вопросе вероисповедания было запрещено), большей частью в результате усиления этнокультурных контактов внутри полиэтнического государства, приведших к этнокультурной интеграции.

В конце IX – начале X в. усиливается процесс консолидации болгарских племен. Огромное значение в этом сыграло официальное, на государственном уровне, принятие ислама (922 г.). С конца X в. Волжская Булгария стала страной «классического ислама» [11, 27]. Классический ислам – это сложная мировоззренческая система и политическая доктрина, включающая свои этические нормы и принципы нравственности, особый способ мироощущения, миропонимания. С принятием ислама поведение болгар определялось шариатом. Утверждение на всей территории страны унифицированной культуры мусульманского типа способствовало формированию основных черт этнополитической болгарской общности. К XI веку определяется устойчивая территория страны – болгарская земля, устанавливаются тесные экономические связи между ее отдельными районами, по всей территории государства распространяется единая культура. Эти объективные условия, а также наличие государственности и этнического сознания привели к формированию тюркоязычной болгарской народности.

Своеобразное географическое расположение Казанского ханства между двумя разнородными очагами мировых культур на стыке Азии и Европы приводит к оригинальному этнокультурному и этносоциальному развитию местного населения. В период Казанского ханства (XV в. – середина XVI в.) отмечается довольно сильное финно-угорское влияние на тюркское население государства, что наиболее ярко было выражено в этногенезе чувашей. Важно подчеркнуть, что в казанском ханстве при главенстве исламской религии существовала полная веротерпимость [10, 100–108].

Различные сферы культуры населения Казанского государства были тесно связаны между собой и нередко носили синкретический характер, многие черты сформировались в далекие времена и были унаследованы от древнетюркской эпохи (к примеру, материальная культура – тип жилища, одежда, пища, украшения; духовная культура – изобразительное искусство и фольклор, собственная система письма и государственная традиция: мифологемы, идея сакральности власти и т. д.). Традиции древнетюркской культуры нашли свое продолжение в культуре тюркоязычных народов Казанского государства: самая мелкая монета у казанских татар именовалась «тиен» – белка (в древнетюркской культуре в качестве денежного эквивалента использовались шкурки пушных зверей); как и в древнетюркские времена, одежда женщин и мужчин украшалась шкурками пушных зверей, женщины в качестве украшений использовали денежные монеты, свадебный обряд сопровождался ритуалом осыпания монетами.

Обнаруживается общность и в народной культуре Казанского ханства (имеется в виду пласт обрядового и семейного фольклора, порожденный общинно-обрядовой культурой). Так, важнейшим приобретением с болгарского периода является оформление из множества культурных элементов устойчивой традиции обрядового фольклора – проведение традиционного праздника «Сабантуй» на стыке весны и лета, олицетворяющего завершение посевных работ и наступление весеннего равноденствия (слитность двух самых радостных моментов в жизни болгар). «Сабантуй», пройдя испытание временем, стал формой материализации идей мира, межконфессионального согласия, диалога культур и цивилизаций.

В истории становления татарского этноса можно выделить следующие этапы:

- а) образование основных этнических компонентов (середина VI – середина XIII в.);
- б) формирование средневековой татарской этнополитической общности (середина XIII – первая четверть XV в.).

На первом этапе происходило образование основных этнических компонентов народа, на втором – слияние различных этнокультурных компонентов и элементов этнополитической общности [3, 14]. «Татары, как и всякий крупный этнос, обладают сложной внутриэтнической структурой. Она является результатом интенсивных процессов этнической консолидации этапа сложения их в нацию (XVIII–XX вв.)» [3, 156].

Этноним чувашей – чуваша – самоназвание народа. Племенное имя «сувазов» стало этнонимом чувашской народности, как утверждает в своем исследовании В. В. Николаев [6, 6]. В рукописях различных древних авторов данный термин зафиксирован по-разному: суан, суваз, сувар [2]. Этноним чувашей – «чуаш» – упоминался среди болгарских племен уже в армянских источниках II века. Начало формирования народности чувашей положили болгарские племена, ассимилировав в мирных условиях древних мариц [6, 6]. Болгарская группа тюркских языков включает древние языки (болгарский и хазарский), и именно строй древнего языка составляет основу современного чувашского языка [6, 5].

Башкиры – адаптация самоназвания народа, народное же самоназвание – башкорт [9]. Этимология этнонима сводится к общетюркскому «баш» – «голова, главный» и тюркско-огузскому «корт» – «волк». Ближайшими этносами башкир, с которыми их связывают языковое родство и культурная близость, являются татары. Внутри тюркской семьи башкирский язык включают в число кыпчакских, среди которых он вместе с татарским образует особую болгаро-кыпчакскую подгруппу.

Взаимодействие тюркоязычных народов Татарстана в процессе социально-исторического развития повлияло на общую типологию и схожесть в традиционной одежде, традиционных обрядах и праздниках. Мы отмечаем схожесть многих народных традиций, например, почти полностью совпадает система народного календаря татар с кряшенами и чувашами: Святки – Нардуган (кряшены), Сурхури (чуваша); Масленица – Май чабу (кряшены), Ыварни (чуваша); Пасха – Оло кон (кряшены), Мун кун/Май кун (чуваша); Троица – Семик (кряшены), Ымёк (чуваша); Петров день – Питрау (кряшены), Питрав (чуваша).

Мы выделяем следующие характерные особенности, позволяющие утверждать взаимовлияние и общность культур тюркоязычных народов Татарстана:

- а) ангемитонная пентатоника – ладовая система, лежащая в основе музыки татар, чувашей, башкир;
- б) особый тип ритма – квантитативный, встречающийся в песнях чувашей, татар, башкир;
- в) сходные по предназначению, но различные по названию музыкальные инструменты (кубыз, курай, гусли, скрипка, гармоника, волынка, домра, балалайка).

Как известно, сугубо национальными музыкальными инструментами у чувашей являются шайпёр (волынка из бычьего пузыря), тутут (пастуший рожок), сёрнай (волынка из козьей кожи). К XVIII веку относятся сведения о названиях татарских народных музыкальных инструментов, идентичных чувашским: татарский кобуз (кубыз), а у чувашей – копёс/купёс; татарская волынка – сурнай, а у чувашей – доживший до XX века инструмент сёрнай. Аналогично повсеместное бытование гуслей – гослэ, сохранившееся у татар-кряшен, а у чувашей – кёсле [5, 266–297].

Намного продуктивнее изучать историю не отдельной этнической общности, а этносоциальную историю определенной территории, так как в этом случае есть больше шансов выявить все хитросплетения этноконсолидирующих и этнодивергентных процессов со всеми нюансами этнических контактов и обусловивших их разнообразных,

в первую очередь политических, причин [1, 3–4]. Этносоциальные процессы консолидации этносов воспринимаются как целостное историческое явление в том случае, если они исследуются не в рамках отдельного этноса, а в системе взаимосвязанных этносов. При таком подходе характеристика отдельного этноса, специфика его этнокультурного развития выявляются в системе исторического развития народов, живущих на протяжении многих столетий в тесном взаимодействии на смежной или общей территории.

Резюме. Развитие этнической истории тюркоязычных народов является важным фактором, обусловившим их общность и взаимовлияние. В своем развитии тюркоязычные народы шли к складыванию общих для них черт и направлений. Это в первую очередь обусловлено активными контактами в период становления Волжской Булгарии (IX–X вв.), где наиболее отчетливо прослеживается общность культурных традиций тюркоязычных народов. Изучение культуры Волжской Булгарии представляет значительную важность потому, что это государство сыграло существенную роль в судьбах тюркоязычных народов, в той или иной степени унаследовавших культурные достижения волжских болгар. Особенностью периода Волжской Булгарии является тенденция сохранения базовых элементов древнетюркского мировоззренческого архетипа и одновременного его обогащения системой ценностей исламской цивилизации.

Культура мира, опираясь на тюрко-булгарское историческое наследие, получила статус сакральной значимости и высшей духовной ценности, характеризующей образ жизни и мышления Казанского этнокультурного общества. Казанское ханство выполнило свое историческое предназначение, продолжив движение по прототюркскому цивилизационному пути и представив модель культурного единения, взаимосогласия тюркоязычных народов, идеи, нормы и принципы которой могут быть примером для современной действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Галлямов, Р. Ф.* Этносоциальная история Предкамья во второй половине XVI – начале XVIII в. (по писцовым и переписным книгам) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Р. Ф. Галлямов. – Казань, 1995. – 21 с.
2. *Давлетшин, Г. М.* Волжская Булгария: духовная культура (домонгольский период, X – нач. XIII в.) / Г. М. Давлетшин. – Казань : Тат. кн. изд-во, 1990. – 192 с. : ил.
3. *Исхаков, Д. М.* Татары: популярная этнография / Д. М. Исхаков. – Казань : Тат. кн. изд-во, 2005. – 159 с.
4. *Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года* [Электронный ресурс] : офиц. изд. / Федеральная служба государственной статистики. – Нижний Новгород : Росстат, 2013. – 1 компакт-диск (CD-R). – (Всероссийская перепись населения 2010 года). – Загл. с диска. Кол-во экземпляров: всего – 1.
5. *Нигмедзянов, М. Н.* Татарские народные музыкальные инструменты / М. Н. Нигмедзянов // Музыкальная фольклористика. – М. : Советский композитор, 1978. – Вып. 2. – С. 266–297.
6. *Николаев, В. В.* Генеалогия чувашского народа / В. В. Николаев. – Чебоксары : Чебоксарская типография № 1, 2004. – 8 с. : ил., карт.
7. *Тагиров, Э. Р.* Культура мира – идеология развития человечества / Э. Р. Тагиров. – Казань : Центр оперативной печати, 2004. – 120 с.
8. *Тагиров, Э. Р.* На перекрестке цивилизаций. История татар в контексте культуры мира / Э. Р. Тагиров. – Казань : Тат. кн. изд-во, 2007. – 391 с.
9. *Хамидуллин, Б. Л.* Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование / Б. Л. Хамидуллин. – Казань : Тат. кн. изд-во, 2002. – 335 с.
10. *Эмирхан, Р.* Веждан иреге: тарихи параллельләр / Р. Эмирхан // Исламо-христианское пограничье: итоги и перспективы изучения. – Казань : Изд-во ИЯЛИ АН РТ, 1994. – С. 100–108.
11. *Этнография татарского народа* : учебное пособие. – Казань : Магариф, 2004. – 287 с.

УДК 93/94

**ИСТОРИОГРАФИЯ ЧИНОВНИЧЕСТВА ТУВЫ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

**HISTORIOGRAPHY OF OFFICIALDOM OF TUVA OF THE SECOND HALF
OF THE 19th – EARLY 20th CENTURIES**

С. С. Ховалыг

S. S. Khovalyg

ФГБОУ ВПО «Тувинский государственный университет», г. Кызыл

Аннотация. Данная статья посвящена историографическому анализу чиновничества Тувы.

Abstract. The following article is dedicated to the historiographical analysis of officialdom of Tuva.

Ключевые слова: *хошун, угерда, нойон, всеобщий правитель, государственный аппарат, чиновник, Тува, история.*

Keywords: *khoshun, ugerda, noyon, general ruler, state apparatus, official, Tuva, history.*

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность исследования обусловлена продолжающимися административными реформами, поиском оптимального соотношения центральной и местной властей. Изучение историографии чиновничества Тувы позволит восстановить не только историю возникновения и развития данного сословия, но и систему управления данной республики в конце XIX – начале XX в.

Следует отметить, что, несмотря на солидную историографию по хронике государственной власти и управления Тувы (исследователями они преимущественно рассматривались в контексте международных взаимоотношений России с Китаем и Монголией), сама история формирования и развития чиновничества Тувы не являлась предметом их рассмотрения.

Материал и методика исследований. В настоящей работе объектом исследования является проблема истории изучения чиновничества Тувы со второй половины XIX до конца XX в.

Цель статьи – выявить историографию чиновничества Тувы как самостоятельного социального слоя со времен его возникновения в традиционном тувинском обществе.

В работе применены системный, сравнительный методы анализа и синтеза, а также историческая антропология.

Статья может быть использована в образовательном процессе и в целях дальнейшей глубокой разработки данной проблемы. Материалы и выводы могут быть рассмотрены в дальнейших исследованиях традиционной культуры и истории чиновничества Тувы.

Результаты исследований и их обсуждение. В российской и тувинской историографиях до сих пор не предпринимались попытки комплексного анализа истории чи-

новничества Тувы, хотя ее отдельные аспекты время от времени затрагивались историками. Изучаемые проблемы нашли отражение в исследовательских работах, которые по хронологическому признаку можно разделить на три группы: 1) появившиеся во второй половине XIX – первом десятилетии XX в.; 2) в 20-х – начале 90-х годов XX в.; 3) в начале 90-х годов XX в. по настоящее время.

Предметом нашего исследования в данной статье является первая группа работ, которую в основном составляют труды этнографического и публицистического характера. Исследователи и путешественники не столько изучали историю тувинского народа и, уж тем более, систему управленческого аппарата, формирование и развитие тувинского чиновничества, сколько описывали административно-территориальное деление Тувы, выделяли родовые группы, изучали традиции, обычаи, прикладное искусство, антропологический облик, вели запись народного фольклора. Поскольку система иерархии чиновничества, функционирование аппарата и его состав не входили в круг проблем, изучаемых первыми исследователями тувинского общества, многие ограничились лишь описанием общественных отношений, перечислением основных чинов управления. К ранней группе работ можно отнести труды Н. А. Аристова, Г. Н. Потанина, П. К. Козлова, Б. Я. Владимирцова, Н. М. Пржевальского [1, 4].

Рассмотрение работ русских ученых следует начать с трудов известного синолога Н. Я. Бичурина [4], [5], [6]. В них он исследует историю народов, обитавших на территории Центральной Азии, и дает нам возможность реконструировать многие вопросы по истории возникновения самой кочевнической цивилизации, пережившей несколько этапов в своем развитии (хунну (гунны), тюркский, монгольский, монголо-ойратский, маньчжуро-китайский), системы управления урянхайскими племенами в XVII–XVIII вв. и ее эволюции в течение нескольких столетий. В частности, Н. Я. Бичурин упоминает о том, что тувинские племена были разделены на «отоки, анги и цзисаи», которые, в свою очередь, подразделялись на роды, каждым родом управлял один цзайсан (зайсан) [4, 127–128, 130–136]. Анализ работ Н. Я. Бичурина позволяет раскрыть сущность чиновничества Тувы, провести параллели с китайской и монгольской системами.

Из числа этнографических исследований необходимо выделить труды известного монголоведа А. М. Позднеева [18], [19], проводившего этнографические экспедиции в Монголии. В его путевых заметках нашла отражение этнография монгольского этноса. Кроме того, в них есть описание системы местного управления, особенностей ее функционирования. Но о Туве (поскольку Тувы в современном понимании тогда не было) речи не идет, или же информация очень короткая, или нет научного анализа проблемы. Работы А. М. Позднеева представляют ценность тем, что в них отражены общие принципы управленческого аппарата, распределение функций по местам с указанием обязанностей чиновников и способы выполнения ими приказов. В книге А. М. Позднеева есть упоминание о некоторых чинах и званиях тувинских чиновников (мээрэн хошууна Сартул) [19, 310–363]. Имеющиеся данные позволяют сделать выводы об особенностях деятельности местной власти и проанализировать, как она вписывалась в общую систему управления.

Среди исследовательских работ монголоведов следует выделить труд Б. Я. Владимирцова [9, 78], где проанализирован общественный строй монголов с использованием понятия «монгольский кочевой феодализм» и, главное, впервые даны социальные группы, административно-территориальное деление, проанализированы отдельные титулы (их происхождение, а также смысловое значение в конце XIX века) монгольского

общества, некоторые обычаи и обряды, система обучения и воспитания детей титулованных чиновников. Несмотря на то, что детальный анализ монгольского общества в его отдельных исторических периодах впервые был произведен Б. Я. Владимирцовым, исследование тувинских общественных отношений не входило в круг его исследовательских проблем. Тем не менее, его труды могут быть привлечены для изучения истории происхождения отдельных титулов знатности тувинского общества.

Можно выделить группу работ ученых, этнографов, путешественников – Е. В. Адрианова [2], А. М. Африканова [3], П. Е. Островских [16], [17], В. В. Радлова [21], В. И. Межова [15], Н. Ф. Катанова [12], посвященных исследованию Урянхайского края. В этих работах частично описана деятельность тувинских чиновников. Некоторые труды описывают хозяйство тувинцев, другие – торговые отношения русского населения с тувинцами, хозяйственное освоение края. Из работ, написанных на рубеже XIX–XX вв., интерес представляет труд Г. Н. Потанина, содержащий анализ этнических групп, административного управления и упоминающий некоторые чины канцелярии (угерда (ухырда), мейрен и др.) [20, 12]. Но поскольку эта работа этнографическая, то в ней отсутствует четкое изложение определенной структуры системы управления, распределения властных полномочий.

В работе Е. К. Яковлева [23] охарактеризованы общественные отношения, сложившиеся в тувинском обществе к началу XX века, проанализировано социальное положение тувинского народа, описано административно-территориальное распределение тувинских родов с указанием их правителей, отношение с русскими переселенцами. Но в целом работа носит этнографический характер, не содержит анализа системы управленческого аппарата.

Обширный по своему охвату труд В. М. Родевича [22] описывает начало освоения Урянхайского края Россией (1838–1839 гг.), возникновение торговли между русскими казаками и тувинским населением. Хотя в работе есть описание местного управления тувинцев, но лишь одной фразой упоминается наличие разных чиновничьих степеней и знаков отличия [22, 20].

Особое место в литературе о Туве занимают труды Ф. Я. Кона [13], [14] и В. А. Ватина-Быстрянского [7], [8]. Ф. Я. Кон в 1902–1903 годах исследовал основные районы Тувы [13], [14]. В результате им написаны работы, где раскрываются не только существенные занятия тувинцев, но и судопроизводство, меры наказания, а также особенности быта, административного устройства и т. д. Ф. Я. Коном записана система Усинского пограничного управления. Его труд, посвященный Усинскому краю и возникновению русско-тувинских экономических отношений, представляет собой ценный источник для изучения проблемы создания системы русской администрации в Туве. В нем освещены проблемы, связанные с несовершенством системы управления национальными окраинами Российской империи, подкрепленные фактическими данными.

Особо следует выделить фундаментальный труд Г. Е. Грумм-Гржимайло «Западная Монголия и Урянхайский край» [10], [11], представляющий собой первое масштабное историческое сочинение, охватывающее историю народов Центральной Азии с древнейших времен до начала XX века. Несмотря на то, что тома указанного труда Г. Е. Грумм-Гржимайло выходили в свет с 1914 по 1930 г., их следует отнести к первому периоду историографии, поскольку они были написаны до 1917 г. Этот русский ис-

следователь в качестве основного методологического принципа использует географический детерминизм. С этих позиций он считает, что логика развития Российского государства приведет к объединению народов Центральной Азии в одно политическое пространство. А потому объединение Урянхайского края с Россией – процесс закономерный, вызванный географическим расположением и историей взаимоотношений русского и тувинского народов. Г. Е. Грумм-Гржимайло подробно описывает социально-политическую, экономическую картину тувинского общества к началу XX столетия. Также необходимо отметить, что во втором издании третьего тома в отдельных двух главах подробно изучен вопрос о заселении русскими территории Тувы с поименным перечнем жителей (по данным Переселенческого управления), что представляет собой большой научный интерес в качестве источника историографии вопроса о возникновении и развитии русско-тувинских взаимоотношений.

В целом, первая группа работ по истории Тувы содержит лишь некоторый фактический материал для составления полной картины и анализа проблемы формирования тувинского чиновничества. Специфика работ состоит в том, что предметом исследования русских ученых была этнография тувинского народа, а не его политическая и социальная история. Следовательно, требуется дальнейшее исследование историографии чиновничества Тувы.

Резюме. Несмотря на определенные успехи в собственно тувинской и общероссийской историографии, вопросы формирования и эволюции чиновничества Тувы на рубеже XIX – первого десятилетия XX в. изучались эпизодически, в качестве вспомогательных сюжетов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айыжы, Е. В. Тувинцы Монголии (к историографии вопроса) / Е. В. Айыжы // Вестник Чувашиянского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2013. – № 1 (77). Ч. 2. – С. 3–8.
2. Адрианов, Е. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году / Е. В. Адрианов. – СПб. : Тип. Импер. Академии наук, 1886. – 144 с.
3. Африканов, А. М. Урянхайский край и его обитатели / А. М. Африканов // Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. – 1890. – № 5. – С. 34–59.
4. Бичурин, Н. Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени / Н. Я. Бичурин. – СПб. : Тип. Мед. департамента Министерства внутренних дел, 1854. – 264 с.
5. Бичурин, Н. Я. Китай в его гражданском и нравственном состоянии : в 4 ч. Ч. 1 : Основания государственного управления / Н. Я. Бичурин. – СПб. : Тип. военно-учебных заведений, 1848. – 674 с.
6. Бичурин, Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена : в 3 т. Т. 2 / Н. Я. Бичурин. – М. : Изд-во АН СССР, 1950. – 1049 с.
7. Ватин-Быстрянский, В. А. Минусинский край в XVII веке. Этюд по Сибири / В. А. Ватин-Быстрянский. – Минусинск : Тип. А. Ф. Метелкина, 1913. – 212 с.
8. Ватин-Быстрянский, В. А. Урянхайский вопрос в 80-х годах прошлого столетия / В. А. Ватин-Быстрянский // Сибирский студент. – 1915. – № 7–8. – С. 31–39.
9. Владимирцов, Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов / Б. Я. Владимирцов. – М. : «Восточная литература» РАН, 2002. – 557 с.
10. Грумм-Гржимайло, Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 3. Вып. 1 : Антропологический и этнографический очерк этих стран / Г. Е. Грумм-Гржимайло. – Л. : Гос. рус. геогр. общ-во, 1926. – 425 с.
11. Грумм-Гржимайло, Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 3. Вып. 2 : Антропологический и этнографический очерк этих стран. Торговля и колонизаторская в них деятельность китайцев и русских. Дополнения и поправки / Г. Е. Грумм-Гржимайло. – Л. : Гос. рус. геогр. общ-во, 1930. – 859 с.
12. Катанов, Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка / Н. Ф. Катанов. – Казань : Типо-лит. Имп. Казан. ун-та, 1903. – 487 с.

13. *Кон, Ф. Я.* Усинский край. Т. 2. Вып. 1 / Ф. Я. Кон // Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества по географии. – Красноярск : Енисейская губ. тип., 1914. – 243 с.
14. *Кон, Ф. Я.* Экспедиция в Сойотию. За пятьдесят лет. Т. 3 / Ф. Я. Кон. – М. : Изд-во политкаторжан, 1934. – 239 с.
15. *Межов, В. И.* Сибирская библиография : в 3 т. Т. 1 / В. И. Межов. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1891. – 485 с.
16. *Островских, П. Е.* Значение Урянхайской земли для Южной Сибири / П. Е. Островских // Известия Императорского Русского географического общества. – 1899. – Т. 35. Вып. 3. – С. 321–353.
17. *Островских, П. Е.* Краткий отчет о поездке в Тоджинский хошун Урянхайской земли / П. Е. Островских // Известия Императорского Русского географического общества. – 1899. – Т. 34. Вып. 4. – С. 424–432.
18. *Позднеев, А. М.* Монголия и монголы. Т. 1 : Дневник и маршрут 1892 г. / А. М. Позднеев. – СПб. : Тип. Импер. Академии наук, 1896. – 321 с.
19. *Позднеев, А. М.* Монголия и монголы. Т. 2 : Дневник и маршрут 1893 г. / А. М. Позднеев. – СПб. : Тип. Импер. Академии наук, 1898. – 286 с.
20. *Потанин, Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 г. по поручению Императорского Русского географического общества / Г. Н. Потанин. – СПб. : Тип. В. Киришбаума, 1883. – 372 с.
21. *Радлов, В. В.* Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии / В. В. Радлов. – Томск : Типо-литография Михайлова и Макушина, 1887. – 26 с.
22. *Родевич, В. М.* Очерк Урянхайского края (Монгольский бассейн р. Енисея) / В. М. Родевич. – СПб. : Тип. Импер. Академии наук, 1910. – 206 с.
23. *Яковлев, Е. К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея / Е. К. Яковлев. – Минусинск : Тип. А. Ф. Метелкина, 1900. – 212 с.

УДК 811.112.2`373

**ОСОБЕННОСТИ ИМПЕРАТИВНЫХ ИМЕН
В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

**THE PECULIARITIES OF IMPERATIVE NOUNS
IN MODERN GERMAN**

М. Г. Алексеева, В. А. Фролова

M. G. Alekseeva, V. A. Frolova

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. В статье определяется эмпирическая продуктивность императивных имен как словообразовательной модели, выявляются орфографические, грамматические, стилистические изменения, которые императивные имена претерпели с течением времени. Особое внимание уделяется возникновению контекстуально обусловленных вариантов значения императивных имен.

Abstract. The article focuses on the empirical productivity of imperative nouns as a word-building model as well as the orthographical, grammatical and stylistic changes which imperative nouns underwent in the course of time. Particular attention is paid to the origin of the contextually specified variants of the meanings of imperative nouns.

Ключевые слова: *сложносинтаксическое слово, императивное имя, метонимия, словообразовательная продуктивность, контекстуально обусловленный вариант значения.*

Keywords: *a syntactically compound word, an imperative noun, a metonymy, word-building productivity, a contextually specified variant of the meanings of imperative nouns.*

Актуальность исследуемой проблемы. Словообразование является одним из путей расширения словарного запаса того или иного языка. Императивные имена/имя (далее – ИИ) представляют собой сложное образование, обнаруживающее нормальную системную, но низкую эмпирическую продуктивность, которая обусловлена семантико-

стилистическими особенностями данного класса слов. Необходимость установления лингвистических трансформаций ИИ, поиск новых ИИ по лексикографическим источникам определяют актуальность данного исследования.

Материал и методика исследований. В работе был использован комплекс теоретических и практических методов исследования, включающий метод сплошной выборки по лексикографическим источникам, лингвистический анализ примеров из художественной и публицистической прозы, представленных в поисковой системе COSMAS 2, разработанной Институтом немецкого языка г. Мангейм (Германия).

Результаты исследований и их обсуждение. Проблема классификации ИИ как словообразовательной модели и определения их продуктивности обсуждается как в зарубежных, так и в отечественных лингвистических трудах. Обычно ИИ характеризуются как сложносинтаксические слова и как сдвиги, представляющие собой субстантивацию предложения или словосочетания (В. А. Портянников, М. Д. Степанова, И. И. Чернышева, Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева). С точки зрения семантических особенностей ИИ рассматриваются как близкие *бахуврихи* образования, имплицитующие метонимический перенос. Анализ лексикографических источников показал, что ИИ, во-первых, действительно обнаруживают низкую эмпирическую продуктивность, что вызвано их семантико-стилистическими особенностями, а не собственно потенциалом этой словообразовательной модели. Во-вторых, у ИИ могут появляться как новые значения, так и контекстуально обусловленные варианты значения. Полученные результаты исследования могут использоваться в преподавании теоретического курса по лексикологии немецкого языка, развивают языковую и речевую компетенции студентов [1, 10–14].

Императивные имена с точки зрения логико-семантических и синтаксических отношений между компонентами сложного слова относятся к сложносинтаксическим словам, иногда императивные имена относят не к сложным словам, а к сложнопроизводным (такие образования стоят на грани словосложения и безаффиксного словопроизводства); с точки зрения их структуры императивные имена относятся к сдвигам, то есть к композитам, содержащим слова в синтаксически обусловленной форме – *der Dreikäsehoch* (ср. *zwei Meter hoch*), *der Schlagetot* (ср. *ich schlage tot*).

Под сдвигами понимают словосочетания и предложения, «застывшие» в форме одного сложного слова. Сдвиги занимают промежуточное положение между словосочетаниями и сложными словами. К признакам сдвига относится, во-первых, наличие в качестве компонентов словоформ, а не лексических основ, во-вторых, такой порядок расположения компонентов и такие отношения между ними, которые формально соответствовали бы порядку следования и отношениям между собой членов соответствующего синтаксического соединения [3, 131], [6, 51], [12, 233–234]. Однако здесь следует отметить, что значение ИИ существенно отличается от значения соответствующей синтаксической группы (словосочетания или предложения): так, существительное *Rührmichnichtan* не покрывает по своему значению предложения «*Rühr mich nicht an*» [5, 243]. (Ср. также «грамматическую нейтрализацию» сдвига как его изоляцию от внешнего синтаксического контекста по Р. Д. Шленской) [10, 659, 660]. Сдвиг является цельнооформленным образованием, о чем свидетельствуют его морфологическая и фонетическая цельнооформленность, совместное написание и выполнение функции единого слова – члена предложения [5, 241–242], [10, 662].

Как разновидность сдвигов ИИ представляют собой субстантивацию целого императивного предложения, иногда вместе с именем, служащим обращением: *Tischleindeckdich* [8, 111–112]. (Ср. варианты моделей в микрополях по Н. С. Шавкун) [9, 200–201]. По своим семантическим особенностям и по эмоциональной окраске ИИ приближаются к сложным словам типа *бахуврихи*, поскольку здесь может наблюдаться один из видов метонимического переосмысления. Как и *бахуврихи*, ИИ часто являются именами или прозвищами людей, кличками животных (*Störenfried*, *Tunichtgut*, *Habenichts*, *Packan*) или употребляются при олицетворении неодушевленных предметов, растений (*Schreck-den-Gast* – название крепости, *Vergissmeinnicht* – название цветка) [7, 68, 146–147].

С точки зрения семантики Р. Д. Шленская выделяет среди ИИ две группы: ИИ с переосмысленными компонентами (метонимия или метонимический и метафорический переносы одновременно), что затемняет их мотивацию и приводит к развитию самостоятельного значения: *Kratzfuss*, *Guckindieluft*. Вторую группу образуют ИИ с мотивацией, соответствующей значению соотносимого со сдвигом предложения. Чаще всего такие ИИ окказиональны: *Nabttacht*, *Nauruck* и др. [10, 670].

По продуктивности отдельных моделей сложносинтаксические имена в целом занимают по М. Д. Степановой промежуточное положение между определительно-подчинительными (наиболее продуктивные) и сочинительными (наименее продуктивные) композитами. Но ИИ как подвид сложносинтаксических слов малопродуктивны, с точки зрения М. Д. Степановой, в качестве словообразовательной модели [7, 147]. Это связано, возможно, со стилистическими ограничениями словообразовательного типа (народная поэзия, экспрессивная лексика), которые снижают эмпирическую продуктивность ИИ. (См. подробнее об эмпирической и системной продуктивности в словообразовании Милоша Докулила, цит. по Е. А. Земской) [4, 208–209]. В эмпирической продуктивности по М. Докулилу различаются два полюса: типы непродуктивные, замкнутые и продуктивные, открытые. (См. также сильные окказионализмы, образованные по непродуктивным моделям) [11, 329–330]. С точки зрения Р. Д. Шленской, зафиксированные ею окказиональные ИИ свидетельствуют об открытости этого класса слов. Модель ИИ используется в немецком языке для определенного обозначения ситуации, процесса, явления. Субстантивировать можно практически любое побудительное предложение, но семантико-стилистические особенности ИИ значительно ограничивают их образование [10, 670]. Об этом свидетельствуют и данные сплошной выборки по словарю В. Д. Девкина [2] и Большому одноязычному словарю редакции Лангеншайт [13], которые показывают, что список ИИ не пополнился ни одной новой лексической единицей. В словарях представлены только уже известные ИИ: *Wendehals*, *Stehaufmännchen*, *Rührmichnichtan*, *Lebeschön*, *Heulpeter*, *Guckindiewelt* и др.

Целью нашего исследования является выявление возможных лингвистических (орфографических, грамматических, стилистических) изменений, которые ИИ претерпели за последние 30–40 лет (источники иллюстративного материала датируются в основном серединой – концом XX и началом XXI века). ИИ были отобраны из различных немецких, швейцарских, австрийских художественных и публицистических текстов, представленных в хронологическом порядке в поисковой системе COSMAS 2 (IDS Mannheim) [14]. В табл. 1 отображены некоторые проанализированные нами императивные имена – их количество, период времени и источники, в которых они были найдены.

Императивные имена в художественной и публицистической прозе

Императивное имя	Количество примеров	Годы	Источники
Rührmichnichtan	15	1821–2008	W. Goethe „Wilhelm Meisters Wanderjahre“ Berliner Morgenpost Neue Kronen-Zeitung
Wendehals	920	1970–2010	Züricher Tagesanzeiger Kleine Zeitung Die Südostschweiz Braunschweiger Zeitung Hamburger Morgenpost
Stehaufmännchen	829	1967–2010	Die Zeit Vorarlberger Nachrichten Die Presse
Stehauf	7	1993–2009	Braunschweiger Zeitung Die Südostschweiz Neue Kronen-Zeitung
Hauruck	166	1963–2010	Die Zeit E. Strittmatter „Ole Bienkopp“ Die Presse St. Galler Tagblatt
Habenichts	173	1969–2010	Junge Welt Züricher Tagesanzeiger Die Südostschweiz
Tischleindeckdich	164	1985–2010	Wochenpost Mannheimer Morgen Nürnberger Zeitung
Störenfried	1549	1959–2010	Der Spiegel Die Zeit Hamburger Morgenpost Mannheimer Morgen
Kehraus	2013	2005–2010	Rhein-Zeitung Nürnberger Zeitung Niederösterreichische Nachrichten Burgenländische Volkszeitung

Rührmichnichtan, n – 1) мимоза (*Mimosa* L.), 2) недотрога (*Impatiens* L.), 3) недотрога (о человеке). Данное ИИ встречается в художественной и публицистической литературе, в тексте может выполнять назывную и оценочную функции. В своем прямом значении используется реже, чем в переносном («недотрога; изнеженный, обидчивый человек»). Использование этого ИИ часто сопровождается иронией или критикой в адрес того или иного человека:

1. **Goethe: Wilhelm Meisters Wanderjahre, [Roman], (Erstv. 1821), In: Goethes Werke, Bd. 8. – München, 1982 [S. 379] "Was dünkt euch von diesem Herrn?" – fragte ich die Gesellschaft. – "Er sieht aus", versetzte der eine, "als ob er nicht mit sich spaßen lasse". – "Ja, ja", – sagte der andre, "er hat ganz das Ansehen so eines vornehmen *Rührmichnichtan*".**

2. **Berliner Morgenpost, 02.11.1998, S. 2, Ressort: POLITIK; SPD schießt sich auf die Bundesbank ein** Der "Welt am Sonntag" sagte der SPD-Politiker, Notenbanken hätten "garantierte Unabhängigkeit", aber sie seien "**kein Blümlein Rührmichnichtan**".

3. Die Presse, 09.12.1999, Ressort: Inland; Das Spiel mit dem ganzen Land.

*Natürlich: Politik ist Taktik. Es ist schon logisch, dass man als Partei in einer solchen Situation versucht, das Bestmögliche für sich herauszuholen. Andererseits ist es lächerlich und ein wenig obszön, dass ausgerechnet der unbestrittene Wahlverlierer sich aufspielt wie **Prinzessin Rührmichnichtan**, die sich zu entscheiden hat, an welchen ihrer Verehrer sie ihre Unschuld zu verlieren trachtet.*

Следует отметить, что ИИ Rührmichnichtan часто используется со словами Blümlein, Kräutchen, Fräulein, Prinzessin как устойчивое выражение. Что касается грамматического оформления этого ИИ, то оно не склоняется по падежам, то есть не имеет окончания -s в родительном падеже единственного числа и остается неизменяемым и во множественном числе. Но при этом определяющие его слова (артикли и прилагательные) склоняются как обычно: *die "Kräutchen Rührmichnichtan", eines vornehmen Rührmichnichtan, Bezeichnung des Rührmichnichtan.*

Wendehals, m – 1) вертишейка (*Jynx torquilla* L.), 2) перевертыш (о бывших политиках ГДР, сменивших убеждение). Первоначально это ИИ употреблялось только в первом значении.

LIM/LII.00115 [Diverse Kinderbücher], 1970 und 1971 „Die Vögel rufen und lärmen in den Zweigen. Sie alle haben viel gesehen, der Laubsänger und der Rotschwanz, der Neuntöter und der Fliegenschnäpper, die Turteltaube, **der Wendehals**, der Kuckuck, der Pirol“.

В 1989 году появилось новое, негативное значение этого слова, что было связано с политическим поворотом (die Wende) в истории Германии. В ГДР Wendehals называли лиц, за очень короткий промежуток времени сменивших свои политические убеждения. С 1989 по 1996 год этот композит нередко использовался в публицистике применительно к тем или иным политическим деятелям. Примечательно, что он выступал как изолированное или распространенное приложение, стоявшее после определяемого слова – имени собственного, что усиливало эмоциональность.

Die Zeit, 03.11.1989; Immer mehr Pffiffe für die vielen Wendehälse [S. 4]. Wieder einmal wird der Name eines Tieres zum Schimpfwort für Menschen. **Der Wendehals**, ein vom Aussterben bedrohter Vogel, wird zum Synonym für die sich beängstigend vermehrende Spezies Mensch in der DDR, die sich in eine neuverordnete Richtung wendet.

В последние несколько лет это слово приобрело и другие оттенки в своем значении. Так можно назвать человека, изменившего свое отношение, свою приверженность к тому или иному предмету или явлению.

1. Rhein-Zeitung, 18.03.2009; "Wendehals Merkel" Wendehals Merkel. Sie betreibt leider eine Politik, die sich nicht an deutschen Interessen orientiert, sondern an ausländischen Forderungen.

2. Mannheimer Morgen, 23.06.2010, S. 1 Fast alle fiebern mit, wenn Deutschland auf südafrikanischem Rasen spielt. Fan ist allerdings nicht gleich Fan. Unter den Typen der Fußballfreunde gibt es den Fanatiker, den Spaßverderber, **den multinationalen Wendehals**, den „Ich-mache-mich-beliebt-Fan“, den „Alle-vier-Jahre-Fan“ und den Anti-Fan. Welcher Typ sind Sie?

Stehaufmännchen, n – 1) ванька-встанька (игрушка), 2) оптимист, неунывающий человек. Часто это ИИ обозначает человека, способного изменить ход событий в свою пользу, быстро выйти из трудного положения. Данное ИИ также используется при характеристике спортсменов или спортивных команд (клубов). Это, возможно, объясняется тем, что они часто выступают с переменным успехом, не теряя надежды показать достойный результат.

1. *Nürnberger Nachrichten*, 20.02.2010, S. 25; **Mehr als ein Sieg – Unter den Ringen – Riesch zeigt ihre ganze Klasse** Nach der Abfahrt noch kleinlaut, enttäuscht, nach der Kombination strahlend, betäubt vom Glück. Riesch hat schon oft bewiesen, welches **Stehaufmännchen** in ihr steckt. Trotzdem fasziniert diese bemerkenswerte Fähigkeit, Rückschläge auf der Piste konstruktiv zu verarbeiten, immer wieder.

2. *Rhein-Zeitung*, 09.04.2010; **Überlebenskünstlerin Feierlaune** So wurden sie doch wieder zu richtigen **Stehaufmännchen**. Immer, wenn die Situation fast aussichtslos scheint, schlagen die Bayern in dieser Champions-League-Saison mit schier unbändigem Willen zurück – und fast immer durch Arjen Robben.

Следует отметить, что ИИ Stehaufmännchen обозначает лиц и мужского, и женского пола, но наряду с этой формой существует также сдвиг Stehaufweibchen.

Nürnberger Zeitung, 08.09.2008, S. 2; **...Ferien – Motto des Tages - ist auf...??? – ...Kino** Die 50-jährige Hanna ist ein **Stehaufweibchen**, das mit Humor und ohne Kompromisse die schlimmsten Situationen des Lebens meistert.

Разновидностью ИИ Stehaufmännchen является композит **Stehauf**. Он также может сочетаться с существительными Mann и Weib. Эти компоненты императивного имени пишутся через дефис.

SOZ05/AUG.01048 *Die Südoschweiz*, 08.08.2005; *McNaughts Renaissance* „Lesley McNaught ist ein Phänomen im Sattel und ein «**Stehauf-Weib**»“.

Hauruck, n – взяли! (команда при подъеме тяжести).

Частеречная принадлежность этого ИИ двойственна: оно может быть и существительным, и наречием. В зависимости от этого в предложении данное ИИ может функционировать как подлежащее, дополнение или обстоятельство, писаться с большой или маленькой буквы. В качестве существительного это ИИ обычно определяется следующими прилагательными: vereint, kräftig, allgemein, dreifach.

RHZ97/JUN.19726 *Rhein-Zeitung*, 30.06.1997; **Rrrumms: Fliegende – Weck zum Kerbestart** „Mit drei kräftigen Zügen wollten die „Bischofsharner Kerbebaumschneider“ den großen Kranz an seinen Bestimmungsort, den Gipfel des schon fest im Boden verankerten Kerbebaums, befördern. Das dritte und kräftigste „**Hauruck**“ aber war des Guten zuviel“.

Если первое значение этого композита имеет положительную оценку, то в функции наречия и в сочетании с предлогами im (per) Hauruck имеет негативное значение – в спешке, очень быстро, суетливо.

O97/JUL.73206 *Neue Kronen-Zeitung*, 16.07.1997, S. 2; **Klima: NATO-Frage nicht mit „Hauruck“ entscheiden** „Klima: NATO-Frage nicht mit „Hauruck“ entscheiden“.

Hauruck может также сочетаться с существительными Verfahren, Mentalität, Maßnahme и Klamauck для выражения отрицательной оценки чего-либо. R99/JUN.48531 *Frankfurter Rundschau*, 19.06.1999, S. 24, **Ressort: FRANKFURTER STADT-RUNDSCHAU** „Nach der Expertenkritik an der Novelle sollte die Kultusministerin Änderungen noch mal überdenken statt das Vorhaben im „**Hauruck-Verfahren**“ durchzuziehen“.

Habenichts, m – нищий, бедняк.

Чаще всего ИИ Habenichts характеризует человека и сопровождается различными определениями, в зависимости от которых может иметь разную оценку – от положительной до резко отрицательной: ehrlicher, braver (в сказках); verträumter, schwermütiger (в фильмах); materieller (об Иисусе Христе); gutaussehender, frecher (об альфонсах); wilder (о мотоциклистах); arbeitsloser, asylbedürftiger; armer, mickriger, bettelarmer Habenichts. Довольно устойчивым является также использование этого композита в конструкции vom Habenichts zum ... werden.

L98/NOV.20833 Berliner Morgenpost, 21.11.1998, S. 23, Ressort: WIRTSCHAFT; Der König der Heimfriseur „Wie ein Franzose den Sprung vom Habenichts zum Millionär schaffte“.

Для данного композита характерна также сочетаемость с названиями стран или определенных регионов, если речь идет об их ядерном или энергетическом потенциале.

1. H86/UM4.12104 Mannheimer Morgen, 26.07.1986, S. 05; Die Atom-Kathedrale von Cattenom „Die Kohle- und Erzgruben, ehemals ein steter Zankapfel zwischen Deutschland und Frankreich, und die darauf aufbauenden maroden Industrien sind dem Saarland und Lothringen, heute ein Klotz am Bein. Mangels anderer Alternativen ist der "Habenichts" Saarland aber gezwungen, weiter auf diese alten Industrien zu setzen“.

2. H86/UZ4.51176 Die Zeit, 17.10.1986, S. 17; Tschernobyl: Ein Fehler nach dem anderen... „Völlig anders als der atomare Habenichts Österreich verhielt sich der alpine Kernkraftstaat Schweiz (fünf Atomreaktoren, Anteil an der Stromproduktion: rund 40 Prozent) nach Tschernobyl“.

В публицистических статьях встречаются также следующие примеры: *der nukleare Habenichts Indien, ein atomgerüsteter Habenichts*.

Tischleindeckdich, n – скатерть-самобранка (в сказках).

В прямом значении данное ИИ встречается только в сказках. В публицистическом стиле оно используется в переносном значении, но при этом сохраняется его связь с семантическим полем «еда, питание». При этом прослеживается контекстуальная обусловленность и неоднозначность его употребления. Нами были зафиксированы разные значения этого композита. Во-первых, питание. В последние годы участились заболевания диабетом, раком, многие страдают от лишнего веса. Соответственно СМИ уделяют большое внимание теме правильного питания и различных диет. В данном контексте ИИ *Tischleindeckdich* употребляется с такими определениями, как *gesund, kalorienarm, ausgewogen, täglich, vitaminreich, vitalstoffreich, nährstoffreich*.

M02/FEB.11724 Mannheimer Morgen, 13.02.2002; Essen genießen – aber nicht zu viel auf den Teller „Bei welchen Krankheiten sollte unbedingt das Tischleindeckdich überdacht werden? WEIZEL: Zu den klassischen ernährungsabhängigen Krankheiten zählen Übergewicht, Diabetes, Fettstoffwechselstörungen, Bluthochdruck und die Gicht“.

Во-вторых, ИИ *Tischleindeckdich* используется для обозначения рациона птиц и животных.

M00/SEP.55515 Mannheimer Morgen, 14.09.2000; Erlebnisschule Wald und Wild „Anhand von Spielen und Tierpräparaten erfahren Interessierte, warum Vierbeiner im Winter nicht frieren, woran man ihre Spuren erkennt und wie ihr natürliches Tischleindeckdich aussieht“.

В-третьих, данное ИИ используется в названиях кафе, а также различных рекламных акций, проводимых в них. В-четвертых, **Tischleindeckdich** может обобщенно обозначать продукты местного производства, фермерского хозяйства и, в-пятых, социальную помощь пожилым людям, в частности, доставку готовой еды на дом. **M02/FEB.14404 Mannheimer Morgen, 22.02.2002; Ein rollendes Tischleindeckdich für Senioren „Ein rollendes Tischleindeckdich für Senioren“.**

Störenfried, m – нарушитель спокойствия (покоя, мира).

Употребление в СМИ данного ИИ отражает развитие событий в мировой политике. Как правило, это ИИ характеризует участников тех или иных политических конфликтов, страны и деятелей, представляющих их политические интересы.

BZK/W69.01141 Die Welt, 13.06.1969, S. 4, Ressort: POLITIK; Im Bolschoi-Theater klingt der Beifall lebhafter als im Kreml China wirkt als Störenfried.

В 80–90-е гг. XX века в немецкой прессе можно было встретить названия следующих государств и городов: Советский Союз, ГДР, ФРГ, Вашингтон, Москва.

BZK/W74.01407 Die Welt, 24.08.1974, S. 3, Ressort: VERMISCHTES; "Schmidt fällt Berlin in den Rücken" Zimmermann erklärte, das "DDR"-Regime sei "eben nicht bloß Störenfried" sondern "zielgerichtetes Instrument" sowjetischer Machtpolitik.

В дальнейшем появляются другие политические «герои», к примеру, Хусейн, Каддафи, организация Wikileaks, опубликовавшая секретную документацию о США и ставшая впоследствии своеобразным нарушителем спокойствия граждан Америки.

1. N93/JAN.01529 Salzburger Nachrichten, 15.01.1993; Saddam Hussein bleibt der Störenfried Nummer eins Saddam Hussein bleibt der Störenfried Nummer eins.

2. NUN10/NOV.02870 Nürnberger Nachrichten, 30.11.2010, S. 2; GAU der US-Diplomatie – Geheimpapiere richten weltweiten Flurschaden an Wer jetzt über den Störenfried Wikileaks und die Medien herzieht, die die Enthüllungen publik und damit zum Problem machen, liegt aus zwei Gründen schief.

Нарушителем спокойствия могут быть не только различные государства и политики, но и обычные люди, и даже погодные условия.

1. P92/JUN.16265 Die Presse, 03.06.1992; "Sand macht Spaß!" Ehe Regen wieder Störenfried spielte, hatten Steffi Graf und Gabriela Sabatini ihre Siege, obschon mühevoll, ins Trockene gebracht.

2. N93/FEB.05072 Salzburger Nachrichten, 10.02.1993; TODESTANZ DER SKINHEADS "IHR KÖNNT UNS NICHT VERNICHTEN, DENN WIR Daniels Leben war eine unendliche Geschichte des Scheiterns. Die Mutter alkoholkrank, in der Schule als "Störenfried" abgestempelt, fühlte er sich als Untermensch und machte sich gleichzeitig selbst Sorgen über seine unkontrollierten Wutausbrüche.

Kehraus, m – кераус (немецкий народный танец; исполняется в заключение какого-л. праздника, напр., свадьбы); последний танец; перен. (бурный) конец. В широком смысле – окончание какого-либо мероприятия; **den Kehraus machen (spielen)** – танцевать кераус (последний танец), эвф. умереть; **spätabends wurde der Kehraus gemacht** – поздно вечером все разошлись по домам; **zum Kehraus kommen** ≈ перен. приходить к концу (чего-л.); приходить к шапочному разбору.

Проанализировав данное ИИ, мы пришли к выводу, что оно довольно многозначно. В зависимости от контекста встречаются следующие значения этого композита:

1) окончание чего-либо (например, спортивного сезона):

RHZ08/NOV.04519 Rhein-Zeitung, 07.11.2008; TuS kämpft weiter gegen Tristesse in der... Das war am 18. Mai zum Kehraus der vergangenen Saison, als die Koblenzer beim 3:1 den "Tivoli" eroberten;

2) возврат чего-либо:

NUZ08/DEZ.02841 Nürnberger Zeitung, 29.12.2008, S. 11; Kehraus der verschmähten Weihnachtsgeschenke – Oma hat es lieb gemeint, aber Er gehört zu Weihnachten wie der Christbaum: der „Markt der langen Gesichter“, **der Kehraus** der ungeliebten Geschenke. Ein zuverlässiges ästhetisches Thermometer für geschmackliche Verirrungen ebenso wie für die Konjunktur;

3) очистка от чего-либо (букв. выметание):

BVZ09/SEP.02342 Burgenländische Volkszeitung, 16.09.2009, S. 19; WEITERE PROJEKTE Das Burgenland macht Kehraus - und alle machen mit! (Burgenländischer Müllverband): Der Müllverband motiviert mit einer Aktion Gemeinden, Schulklassen, Organisationen und Privatpersonen zum Mithelfen. 12.000 Teilnehmer konnten gemeinsam die Natur von 270 Tonnen Müll befreien;

4) окончание карнавала, которое выпадает на вторник:

NUN10/FEB.01756 Nürnberger Nachrichten, 16.02.2010, S. 5; Letzter Ausschank vor dem Fasten - Wie die Sprachwissenschaft den Begriff Faschingsdienstag erklärt Der Faschingsdienstag heißt in manchen Gegenden auch „Kehraus“, weil mit ihm die närrische Zeit endet.

Резюме. В свете изложенного можно сделать вывод о том, что у ИИ могут появляться новые значения, обусловленные общественно-политическими событиями (например, Wendehals), на основе уже имеющегося значения у ИИ могут развиваться контекстуально обусловленные варианты значения (например, у ИИ Habenichts, Tischleindeckdich, Störenfried); на примере других ИИ можно зафиксировать вариативность в орфографическом оформлении (Stehauf-Weib, Stehauf-Mann); ИИ Rührmichnichtan обнаруживает тенденцию к нефлексивному грамматическому употреблению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варламова, Е. Ю. Лингводидактическая компетентность как составляющая профессиональной компетентности бакалавров по направлению подготовки «Лингвистика» / Е. Ю. Варламова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2013. – № 1 (77). Ч. 1. – С. 8–14.
2. Девкин, В. Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики / В. Д. Девкин. – М. : ЭТС; Hamburg : Jurist Verlag, 1999. – 416 с.
3. Егорочкина, Л. В. Основные пути развития словарного состава немецкого языка и способы словообразования в немецком языке с точки зрения их продуктивности / Л. В. Егорочкина // Вестник Башкирского университета. – 2011. – № 1. Т. 16. – С. 130–133.
4. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование / Е. А. Земская. – М. : Просвещение, 1973. – 303 с.
5. Нагимова, Н. В. Сложное слово и словосочетание в системе лексических единиц немецкого языка / Н. В. Нагимова // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2009. – № 65. – С. 241–245.
6. Портянников, В. А. Лексикология современного немецкого языка: основной курс : учебное пособие / В. А. Портянников. – Н. Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2001. – 92 с.
7. Степанова, М. Д. Словообразование современного немецкого языка / М. Д. Степанова. – М. : Академия, 2007. – 376 с.
8. Степанова, М. Д. Лексикология современного немецкого языка : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / М. Д. Степанова, И. И. Чернышева. – М. : Академия, 2003. – 256 с.
9. Шавкун, Н. С. Модели словообразования в рамках коллоквиальных словообразовательных полей (на материале обиходно-разговорной речи немецкого языка) / Н. С. Шавкун // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 3 (33). Ч. I. – С. 199–203.
10. Шленская, Р. Д. Сложные слова-сдвиги как лексико-синтаксическое явление в современном немецком языке (на материале существительных) / Р. Д. Шленская // Ученые записки МГПИИЯ. – 1969. – Т. 52. – С. 655–685.
11. Яковлюк, А. Н. Окаzionale словосложение немецкого языка как средство ликвидации многозначности простых слов / А. Н. Яковлюк // Вестник Башкирского университета. – 2010. – № 2. Т. 15. – С. 329–333.
12. Eisenberg, P. Grundriss der deutschen Grammatik. Das Wort. B. 1, 3., durchges. Aufl. / P. Eisenberg. – Stuttgart, Weimar : Verlag J. B. Metzler, 2006. – 520 S.
13. Langenscheidt Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache. – Berlin und München : Langenscheidt KG, 2003. – 1251 S.
14. www.ids-mannheim.de/cosmasII.

УДК 070. (430. 344)

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ «ЯЛАВ» (ЗНАМЯ): ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ**

**LITERARY-ART AND SOCIO-POLITICAL JOURNAL «YALAV» (BANNER):
PECULIARITIES OF FORMATION**

Г. В. Вакку

G. V. Vakku

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные вехи становления чувашского литературно-художественного и общественно-политического журнала «Ялав» (Знамя). Изучены цели и задачи, поставленные перед редакционным коллективом на разных этапах существования издания, выявлены проблемы, вставшие на деятельностном пути журнала «Ялав», и пути их решения.

Abstract. This article discusses the milestones of the Chuvash literary-art and socio-political journal «Yalav» (Banner). It considers the objectives and tasks assigned to the editorial staff during the existence of the publication. The problems and ways to solve them are revealed.

Ключевые слова: *литературный журнал, публицистика, журналистика Чувашии.*

Keywords: *literary journal, political journalism, journalism in Chuvashia.*

Актуальность исследуемой проблемы. Исторически основными трудностями в работе издательств были популяризация чтения книг и журналов, сохранение литературного наследия народов, развитие творческих способностей молодых авторов, формирование и развитие духовно-нравственных ценностей общества, сохранение тиражей изданий. Данные проблемы остаются актуальными и в современном издательском деле.

Материал и методика исследований. Исследование проводилось на основе деятельности чувашского литературно-художественного и общественно-политического журнала «Ялав» (Знамя). В работе применялись как теоретические (анализ, синтез, обобщение, сравнение, абстрагирование), так и эмпирические (наблюдение) методы исследования.

Результаты исследований и их обсуждение. В истории журналистики Чувашии систему чувашских периодических журнальных изданий составляли журналы, блокноты агитатора, а также продолжающиеся издания, которые выходили по мере накопления материала, – ученые записки, труды, бюллетени и др.

Журнальное издание – периодическое издание кодексного типа (со скрепленными в корешке листами), обычно в обложке, содержащее некоторое число произведений, рефератов, документов. По сути, данный термин является излишним, так как виды журнальных изданий – это подвиды журналов. Например, периодический сборник рефератов – это реферативный журнал [16, 114].

Начало 1920-х гг. в истории чувашской печати определен как период появления журнальной литературы [2]. Журнал чувашских писателей «Сунтал» (Наковальня), позже «Ялав» (Знамя), возник в июле 1924 г. и издавался до начала Великой Отечественной войны. Тираж первого номера составил 3000 экземпляров. Первым редактором был председатель объединения «Союз чувашских писателей и журналистов «Канаш» Н. Я. Золотов (Ют). В передовой статье к читателям первого номера он призывал: «Пурна́с никёсёсене сирёплетекен тёкё сак журналта сирёп вырăн йышăнса тăрĕ. ... Чăваш чĕлхи вай илсе аталансах пырĕ», что в переводе с чувашского на русский означает: «Мы надеемся, журнал станет любимым и главным изданием для чувашских читателей» [18]. Отдельные номера журнала в 1924–1925 гг. редактировали Д. С. Эльмень, Г. Т. Алендей, А. И. Золотов.

В становлении и функционировании журнала «Ялав» можно выделить 4 основных этапа:

- 1924–1941 гг. – зарождение и деятельность до Великой Отечественной войны;
- 1946–1985 гг. – возрождение и функционирование до начала демократизации и гласности в стране;
- 1985–2000 гг. – функционирование в условиях демократизации и гласности;
- 2000–2006 гг. – деятельность в период развития новейших электронных технологий в медиаиндустрии.

Нами были подробно рассмотрены первые два этапа для составления более полного научного портрета журнала «Ялав».

Первый этап (1924–1941 гг.). На 1926–1927 гг. годовой издательский план Чувашского государственного издательства по периодической литературе составлял 838 печатных листов. В первом полугодии план выполнен – 442,65 печатных листа. Это 54 % из всего годового плана. В 1926–1927 гг. издано 100 книг общим тиражом 439850 экземпляров [5].

Выполнению поставленных задач способствовал и журнал «Сунтал». В 1925–1927 гг. им было выпущено 48 наборных листов педагогической литературы. Сам журнал издавался в 1926–1927 гг. объемом печатных листов 34 единицы и тиражом 23 тысячи экземпляров [9].

В 1929 г. журнал становится самостоятельным изданием со своей редакцией. До этого он выпускался при редакции газеты «Канаш». В становлении журнала как ежемесячного издания художественной литературы, критики, политики и науки большую роль сыграли вышеназванная редакция, а также члены Союза чувашских писателей и журналистов.

В Канашском педтехникуме была создана ячейка Союза чувашских писателей и журналистов «Канаш». Ответственным секретарем был выбран А. И. Отачкин [10]. В № 65 газеты «Канаш» напечатано сообщение отдела печати Чувашского обкома от 13 марта 1926 г., где рассказывается о том, что ко дню печати на 5 мая решено созвать в республике третье совещание корреспондентов данной газеты. В письме от Канашской ячейки говорится: «Наших членов, пожалуй, нельзя еще назвать писателями и журналистами, но у нас есть звенья к активному участию в создании новой, национальной литературы. И мы всеми силами готовы отдать свою молодую энергию и силы для родного нам чувашского народа» [13]. Данное письмо было отправлено в Центральное бюро Союза чувашских писателей и журналистов «Канаш» 25 марта 1926 г.

Количественный состав членов в ячейке Союза чувашских писателей и журналистов «Канаш» при Центральном чувашском педагогическом техникуме составил 32 человека. При Чувашском рабфаке было 23 члена, при Чувашобсовпарткоме – 28, в Красночетайском педагогическом техникуме – 41, при ульяновских чувашских техникумах – 14, в Казанской ячейке – 14, Синьялском союзе – 13 [8].

Руководство республики поддерживало начинания писателей и журналистов. К примеру, Секретариат Чувашского ВКП (б) от 2 октября 1930 г. на своем заседании решил: «Редколлегию журнала “Сунтал” утвердить в составе: А. И. Золотов (председатель), В. И. Краснов, Н. Т. Васянка, Н. М. Данилов, С. В. Эльгер, А. С. Сымокин. Постановили: разрешить издание на чувашском языке “Альманах”. Редколлегию “Альманаха” утвердить в составе: А. И. Золотов (председатель), В. И. Краснов, Н. Т. Васянка, И. И. Илларионов, В. Д. Митри» [11].

Первое заседание новой редколлегии журнала «Сунтал» состоялось 8 октября 1930 г. Общественно-политический отдел в данном журнале возглавлял А. И. Золотов, отдел прозы – В. В. Краснов, стихов и поэм – С. В. Эльгер, пьесы – А. Сымокин, отдел критики – Н. И. Данилов, разное – Н. Т. Васянка, отдел рисунков – Н. Т. Васянка, литературные страницы и письма читателей отдали в бюро консультации. На заседании также были рассмотрены следующие темы: распределение обязанностей, введение нового отдела (отдел литературного архива), рассмотрение рукописей и вопрос о литературных страницах.

Второе заседание редколлегии журнала «Сунтал» состоялось уже 30 октября 1930 г. На нем обсудили трудности и недостатки, рассмотрели вопросы предстоящих октябрьских и политических номеров, было утверждено привлечение фотографов, в оформлении журнала был выбран шрифт «латин». Консультационное бюро избрали в составе: В. Д. Дмитриев (Мётри) – председатель, И. И. Илларионов – администратор, Н. Т. Васянка (Ваҫанкка) из журнала «Сунтал», С. П. Толмасов (Шӑпчӑк), М. И. Юрьев (Нямань) из литкружка.

Из года в год расширялся круг авторов журнала «Сунтал». В 1932 г. своими новыми произведениями любителей чтения порадовали следующие авторы: Апполон Федоров, Василий Митта, Петр Митта, Никифор Васянка, Николай Яковлев, Семен Эльгер, Петр Осипов, Михаил Кудрявцев и другие.

В 1932–1934 гг. редакторами журнала «Сунтал» работали А. Т. Петокки, Н. Ф. Данилов, Н. В. Шубоссини. Уйӑп Мишши (М. Д. Шумилов) возглавлял редакцию в 1935–1937 гг. В предвоенные годы (1938–1941 гг.) журналом руководил поэт и публицист С. В. Эльгер [19, 14]. В 1933–1935 гг. как приложение к журналу выпускались специальные газеты «“Сунтал” акара» («Сунтал» на севере) и «“Сунтал” финанс фронтӑнче» («Сунтал» на финансовом фронте).

10 сентября 1939 г. журнал «Сунтал» отметил 15-летний юбилей. В годы Великой Отечественной войны он не издавался.

Второй этап (1946–1985 гг.). Выпуск журнала «Сунтал» был возобновлен в 1946 г. под новым названием – «Ялав» (Знамя). Издание воспитало целую плеяду чувашских писателей и поэтов. История журнала – это целая летопись чувашской литературы. Произведения «Хӗн-хур айӑнче» (Под гнетом) С. В. Эльгера, «Орфей чӗрӗлсе тӑни» (Воскресение Орфея) С. Ф. Фомина, «Пурӑҫ пуҫламӑшӗ» (Начало жизни) И. С. Тукташа, опубликованные в свое время на страницах данного журнала, завоевали популярность в читательской среде. Многие работы были переведены на русский язык. Уже в первом же номере «Сунтал» со статьей М. П. Петрова (Тинехпи) указал огромную значимость родного языка в жизни человека: «Халӑхӑн пурӑҫӗ ӳссе, аталанса, культураҫланса пыратӑ-и, ҫав

хушăрах унăн ас-хакăлĕ те вут хыпса илнĕ пек хĕмленсе тăрать, а́на кура чĕлхи те тĕлĕн-мелле хăват кăларакан пулат. Ёнтĕ паллă: пирĕн пуринчен ытла пурăнăç а́рăмĕпе малалла яма тăрăшас пулат. Чĕлхи вăл чечек, халăх – тунĕ, унăн пурнăçĕ – тăпри. Суралакан чечеке ыра тăвас тетĕн пулсан ан тив а́на, ан лучăрка а́на! Унăн тунине тасара усра та сĕрне шăвар! Эсĕ тăрăшни савă пултăр!» (Любите и уважайте свой родной язык) [18].

Как и до войны, в послевоенное время в Чувашии газеты снова выходили на четырех полосах. Зарождалось много новых изданий. Основными темами газетно-журнальных публикаций того времени были увеличение выпуска продукции на фабриках и заводах, восстановление народного хозяйства республики, освещение социалистического соревнования тружеников промышленности и сельского хозяйства, повышение урожайности полей, политическое воспитание масс, улучшение благосостояния масс. Однако о трудностях на селе и в промышленности писалось очень редко [15].

СМИ стали средством воспитания и сплочения населения республики для выполнения задач хозяйственного и культурного строительства. К 30-летию юбилею республики в 1950 г. ведущие издания Чувашии печатались следующими тиражами отдельного номера: газета «Красная Чувашия» – 27000 экземпляров, газета «Чăваш коммуни» – 20000, журнал «Ялав» – 5000 [1]. К этому времени тиражи всех изданий значительно выросли. Общий разовый тираж газет и журналов в Чувашии в 1926 г. был 13400 экземпляров, в 1929 г. – 57000, в 1931 г. – 82900, в 1950 г. общий тираж 37 газет и 3 журналов достиг 110000 экземпляров [15].

Обсуждение каждого номера журнала «Ялав» проходило на заседании правления и творческих секций Союза советских писателей Чувашской АССР. На собрании 10 июля 1959 г., в котором участвовали 53 члена Союза писателей, было отмечено, что в журнале «Ялав» и в альманахе «Тăван Атăл» (Родная Волга) нет публицистических статей, плохо вовлекаются в дело чувашские журналисты [3].

На расширенном заседании Союза писателей ЧАССР от 9 февраля 1960 г. постановили: «Правление Союза писателей призывает всех писателей регулярно писать для газет, активно откликаясь на все важные события нашей жизни. Просить редакции газет, чтобы они часто заказывали писателям статьи, очерки, фельетоны и т. д. на необходимые им темы» [4]. В 1961 г. был дан старт новому проекту – изданию библиотечки журнала «Ялав». В ней произведения чувашских писателей и поэтов публиковались не в сокращенном варианте, как в журнале, а полностью. Каждый номер отводился отдельному автору [12]. Главным редактором библиотечки стал поэт Г. А. Ефимов.

В 1967 г. журнал «Ялав» являлся органом Союза писателей ЧАССР и выходил объемом 9 учетно-издательских листов. Тираж составил 46 тыс. экземпляров. От реализации журнала определены доходы в сумме 54 тыс. рублей, прибыль – 8,5 тыс. рублей в год. Штат состоял из 5 человек. Это редактор, ответственный секретарь и 3 литературных сотрудника. «Ялав» позиционировал себя как иллюстрированный журнал, вследствие чего в нем ежемесячно печаталось 50 и более различных фотографий и рисунков. Но в штате редакции журнала не было фотокорреспондента, машинистки, художника и уборщицы. Просили эти штаты на 1968 г., но Комитет по печати при Совете Министров РСФСР сообщил, «что внести изменения в штаты редакции невозможно, т. к. они утверждены решением директивных органов» [13].

Из года в год увеличивался тираж журнала «Ялав». В 1969 г. он издавался тиражом 50166 экземпляров. На начало 1969 г. в Чувашской АССР выходили 4 республиканских, 28 районных, 23 производственных и 9 колхозных газет с разовым тиражом 438 тысяч экземпляров. Печаталось 11 журналов и продолжающихся изданий, из них 5 – на родном языке [17, 21].

Можно утверждать, что печать государства развивалась бурными темпами. На 7 мая 1969 г. в стране издавались 7307 газет и более 4 тысяч журналов. Их разовый тираж составлял 276 миллионов экземпляров. На тысячу человек населения в СССР приходилось 1164 экземпляра печатных изданий. В среднем каждая семья выписывала по 4 вида периодических изданий. В Чувашии издавались 4 республиканские газеты, 4 журнала, 21 районная и 30 многотиражных газет. Если в 1965 г. общий тираж газет «Советская Чувашия» и «Коммунизм ялаве» составлял 70–75 тысяч экземпляров, то в 1969 г. – 140 тысяч. Тиражи журналов «Ялав» и «Капкӑн» составляли 48,5 тысяч и 70 тысяч экземпляров соответственно. Жители Чувашии получали 1 миллион 48 тысяч экземпляров газет и журналов. Если в 1960 г. на тысячу человек населения приходилось 350 экземпляров газет и журналов, то в 1969 г. – 870, в Чебоксарах – 1091 [14].

В Чувашской АССР, как и в целом по стране, ежегодно росло число подписчиков на периодические издания. В 1971 г. всего было распространено 1 миллион 160 тысяч экземпляров газет и журналов. Показатель 1976 г. – 1 миллион 460 тысяч экземпляров. Из года в год увеличивались тиражи республиканских газет и журналов. Разовый тираж газет «Коммунизм ялаве» и «Советская Чувашия» составлял 163 тысяч экземпляров. Журналы печатались следующими тиражами: «Ялав» – 57 тысяч, «Тӑван Атӑл» – 51 тысяча, «Капкӑн» – 7 тысяч, «Блокнот агитатора» – 15,5 тысячи экземпляров. Чувашские журналы распространялись и за пределами республики. Их выписывали более чем в ста областях и краях России. 21 районная газета выходила тиражом 135 тысяч экземпляров [19, 13].

26 декабря 1979 г. на расширенном заседании Союза писателей и журнала «Ялав» отмечено, что в последних номерах журнала заметно поправилось дело с публикацией очерков, и одновременно с этим была подчеркнута необходимость повышения боевитости как очерков, так и критических статей [6].

И для авторов, и для читателей журналом «Ялав» проводились различные конкурсы. Например, в 1979 г. органами Правления Союза писателей ЧАССР – журналами «Ялав», «Тӑван Атӑл» и «Хатӑр пул» – был объявлен конкурс на лучшее произведение по теме «60 лет ЧАССР» [7].

Особое внимание было уделено подготовке квалифицированных писателей и журналистов. В 1979 г. при содействии Союза журналистов Чувашии и журнала «Ялав» были отобраны 7 человек из абитуриентов в группу перевода с чувашского языка на русский в Литературный институт им. А. М. Горького г. Москвы (И. Митта, И. Федотов, А. Гусев и др.). С сентября 1979 г. в данном институте начали свое обучение 12 студентов из Чувашии, учитывая старшекурсников [3].

В 1984 г. за успешную деятельность иллюстрированный литературно-художественный и общественно-политический журнал чувашских писателей «Ялав», возглавляемый видным чувашским поэтом Ю. С. Сементером, был награжден орденом «Знак Почета».

На рубеже XX–XXI вв. в Чувашии наступил кризис в журналистике и издательско-полиграфической деятельности. Сократилось финансирование печатных периодических изданий. С каждым годом уменьшалась величина дотации, выделяемой государством на издание журналов. Так, себестоимость издания одного номера журнала «Ялав» в 1999 г. составила 37 тысяч рублей. А государственная дотация на год была всего 224 тысячи рублей. Вследствие этого журнал начал выходить с перебоями, объединенными номерами. Перед редакцией встал вопрос: как выжить в такой ситуации? Ответственные чиновники и редакция журнала нашли выход: состоялось слияние двух редакционных коллек-

тивов – журналов «Ялав» и «Тăван Атăл». В 2006 г. учредителем объединенного журнала становится ГУП Чувашской Республики «Издательский дом “Хресчен сасси”». И со второго полугодия 2006 г. издание печатается под двойным названием «Тăван Атăл – Ялав» тиражом 1051 экземпляр. Главным редактором издания стал С. Л. Павлов. С 2011 года журнал выходит под названием «Тăван Атăл».

Резюме. Несмотря на проблемы, на каждом этапе своего функционирования литературно-художественный и общественно-политический журнал «Ялав» (Знамя) решал определенные задачи, поставленные перед редакцией. Можно утверждать, что издание сыграло необходимую роль в развитии чувашского языка, литературы и культуры родного народа и сохранении народных традиций чувашей. Журнал «Ялав» сплотил вокруг себя лучшие литературные силы республики, растил творческую молодежь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вакку, Г. В. Чувашское книжное издательство и газета «Советская Чувашия»: вопросы сохранения духовной культуры / Г. В. Вакку // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2012. – № 3 (75). – С. 25–31.
2. Вакку, Г. В. Газетная периодика накануне образования Чувашской автономной области / Г. В. Вакку // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2013. – № 3 (79). – С. 36–41.
3. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). – Ф. 2318 /434. – Оп. 3. – Д. 81. – Л. 43.
4. ГАСИ ЧР. – Ф. 2318/434. – Оп. 3. – Д. 81. – Л. 1.
5. ГАСИ ЧР. – Ф. 2318/434. – Оп. 4. – Д. 346. – Л. 9.
6. ГАСИ ЧР. – Ф. 2318/434. – Оп. 4. – Д. 346. – Л. 3.
7. ГАСИ ЧР. – Ф. 2318/434. – Оп. 4. – Д. 346. – Л. 12.
8. ГАСИ ЧР. – Ф. 2718/434. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 4.
9. ГАСИ ЧР. – Ф. 2718/434. – Оп. 1. – Д. 56. – Л. 17.
10. ГАСИ ЧР. – Ф. 2718/434. – Оп. 1. – Д. 56. – Л. 42.
11. ГАСИ ЧР. – Ф. 2718/434. – Оп. 2. – Д. 12. – Л. 1.
12. ГАСИ ЧР. – Ф. 2718/434. – Оп. 3. – Д. 82. – Л. 4.
13. Государственный исторический архив ЧР (ГИА ЧР). – Ф. 203. – Оп. 24. – Д. 2142. – Л. 129.
14. ГИА ЧР. – Ф. 1926. – Оп. 2. – Д. 5. – Л. 72.
15. Долгов, В. А. Чăваш пичечĕн 30 сÛл хушшинчи ўсĕмĕ (Развитие чувашской печати за 30 лет) / В. А. Долгов // Тăван Атăл. – 1950. – № 2 (35). – С. 132.
16. Мильчин, А. Э. Издательский словарь-справочник / А. Э. Мильчин. – М. : Юрист, 1998. – 470 с.
17. Печать Чувашской АССР за 50 лет. 1918–1968 гг. : статистические материалы / сост. М. И. Петрова. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1971. – 72 с.
18. Петров (Тинехпи), М. П. Чĕлхе сÿнчен каланă пĕр виç сăмах (О проблемах родного языка) / М. П. Петров (Тинехпи) // Сунтал. – 1924. – № 1. – С. 39–41.
19. Сирĕм редактор (Редакторов всего двадцать) // Ялав. – 2004. – № 7–8. – С. 14.

УДК 070(470)

**ПРАКТИКИ УЧАСТИЯ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ**

**PARTICIPATION OF PERIODICALS
OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN IN ELECTION CAMPAIGNS**

Р. Р. Газизов

R. R. Gazizov

ЧОУ ВПО «Академия социального образования», г. Казань

ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань

Аннотация. Политический дискурс занимает важное место в информационной политике периодических изданий. Между тем наполнение современного медиaproстранства все чаще характеризуется такими чертами, как предвзятость, пристрастность, односторонность в отражении событий. Совокупность подобных особенностей определяет деструктивную основу медийных практик, которые рассматриваются как тенденциозность и исследуются на примере общественно-политических изданий Республики Татарстан.

Abstract. Political discourse is of an importance for information policy of publications. Meanwhile modern media content is increasingly characterized by such features as bias, partiality, one-sidedness in the reflection of events. The aggregate of these features determine the destructive basis of media practice which is regarded as biased and is investigated by the example of socio-political publications of the Republic of Tatarstan.

Ключевые слова: *массмедиа, политический дискурс, избирательные кампании, манипулятивные технологии, региональный компонент, газета «Республика Татарстан», газета «Вечерняя Казань».*

Keywords: *media, political discourse, election campaigns, manipulative technologies, regional component, «Republic of Tatarstan» newspaper, «Vechernyaya Kazan» newspaper.*

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена усилением влияния информационно-коммуникативных процессов на развитие современных общественных отношений, заметное место в которых отведено методикам тенденциозной интерпретации событий. Подобный инструментарий, используемый журналистами, уже продемонстрировал свою способность нанести угрозу информационной безопасности общества и доказал наибольшую подверженность этому институту журналистики.

Более того, в последнее время пресса использует все более изощренные способы влияния на массовое сознание. Чтобы выявить методики такого рода, а тем более противостоять им, обыденного сознания недостаточно. Указанные причины актуализируют обращение к данной научной проблеме, поскольку лишь системный ее анализ с учетом новейших открытий в области социальной психологии, системы эмоционального воздействия и семантики позволяет лучше понять происходящее.

Материал и методика исследований. В работе использованы следующие методы исследования: системно-структурный анализ, позволивший всесторонне исследовать тенденциозность в СМИ, количественный и качественный контент-анализ журналистских текстов, сравнительно-сопоставительный анализ материалов газет «Республика Татарстан» и «Вечерняя Казань». Хронологические рамки охватывают 1996–2008 гг., выборка коснулась предвыборных материалов, опубликованных в вышеуказанных газетах в данный период.

Результаты исследований и их обсуждение. Исследование основано на анализе ведущих общественно-политических газет Республики Татарстан (РТ) – «Республика Татарстан» и «Вечерняя Казань». Для получения объективных данных издания отобраны по следующим принципам: форма собственности (государственная и коммерческая), проводимая информационная политика (прогосударственная и оппозиционная). В ходе контент-анализа проанализировано свыше 300 медиатекстов, посвященных федеральным избирательным процессам 1996–2008 гг. Обращалось внимание на характер подачи массовой информации, главным образом на применение методик тенденциозной интерпретации новостей.

Под тенденциозностью автор понимает предвзятость, пристрастность, односторонность в отражении политических событий общественно-политическими изданиями Республики Татарстан.

Общеизвестно, что большую часть сообщений, распространяемых по каналам массовой информации, составляют события, случившиеся за последнее время. Новости представляют собой фундаментальное средство, которое запускает медиамеханизм. Пытаясь отразить реальность, журналисты отбирают одни события и игнорируют другие. Таким способом подчеркивается важность происходящего и выражается отношение к нему. «Событийная информация в журналистике – вторичная, отраженная информация, и как таковая она не может не содержать скрытого мнения» [13, 114]. Таким образом, отбор фактов, равно как и их описание, представляют собой интерпретацию действительности [4], [10].

Для «общеполитического» издания неперенным условием непредвзятости отражения мира выступает, как утверждает Ю. М. Власов, освещение политики и экономики, где непосредственно представлена наиболее основная проблематика социума [13]. В реальной медиапрактике данные особенности нередко приобретают негативный, тревожный информационный оттенок. Исходя из подобных закономерностей, приобретших сегодня особенно острую актуальность, политический дискурс 1996–2008 гг. стал основой в рамках данного исследования.

Раскрывая специфику медийной тенденциозности, отметим, что любой актор ограничен как минимум двумя особенностями: а) общим коммуникативным контекстом, «за пределами которого взаимопонимание невозможно» [9, 119]; б) недопустимостью распространения ложной информации [13]. Несмотря на эти ограничения, массмедиа обладают немалыми возможностями скрытого воздействия на аудиторию.

Исследователи выделяют критерии, которые являются определяющими в отборе событий для СМИ: сенсационность, приоритетность, неординарность подачи фактов, новизна и т. п. [11], [17]. Проведенное исследование показало, что применение данных принципов наиболее свойственно газете «Вечерняя Казань». Событийный ракурс, изучавшийся нами, выявил наибольший интерес журналистов к скандальным, резонансным, неординарным происшествиям. Например, к заседанию Государственной Думы РФ в 1996 г., на котором президент Б. Н. Ельцин довольно резко высказался в адрес парламентариев: «Им сидеть не в Думе, а в «Матросской тишине»!». На тот момент имело место

противостояние Кремля и оппозиционно-настроенных депутатов, главным образом представителей блока «Отечество – Вся Россия». В центре внимания газеты «Вечерняя Казань» оказались: марш несогласных, прошедший в Москве в сентябре 2007 г., отказ властей Казани местному активисту Д. Бердникову в проведении митинга и шествия в поддержку Д. А. Медведева, визиты в Республику Татарстан неоднозначных политических фигур (В. В. Жириновского, Б. Е. Немцова и др.). Преимущественно сенсационно-развлекательный информационный поток, как отмечают исследователи, искажает картину объективной действительности, ведет к дезориентации аудитории [4], [10], [13].

Редакция газеты «Республика Татарстан», напротив, игнорирует такие события. Ей свойственно замалчивание событий, относящихся к оппозиции, политическим аутсайдерам и иным подобным темам. Установлено, что интерес данной газеты направлен на отражение важнейших политических событий государственного масштаба, к каковым, например, относятся выступление В. В. Путина на заседании партии «Единая Россия» (2003 г.), участие председателя Государственного Совета РТ в заседании политсовета движения «Вся Россия» и заседании Совета Федерации РФ (1999 г.), ежегодное послание Президента РТ Государственному Совету республики (2008 г.) и др. Значительная часть подобных событий к разряду неординарных, по нашему мнению, не относится, однако это все же важные составляющие предвыборного марафона.

В целях всестороннего изучения тенденциозности были охарактеризованы проблемно-тематические особенности региональных изданий по отношению к системе политики.

Одно из наблюдений связано с тем, что газеты продемонстрировали интерес к индивидуальным субъектам политики, а это, в свою очередь, П. Н. Киричек считает «типичными для провинциальной публицистики приоритетами» [5, 79–80]. В газете «Республика Татарстан» (1996–2008 гг.) были широко представлены интересы политического истеблишмента: Б. Н. Ельцин, В. В. Путин, Д. А. Медведев.

Однако благоприятная тональность по отношению к федеральным властям не обременялась постоянством. Так, результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что, например, в 1999 г. редакция газеты «Республика Татарстан» выступала на стороне блока «Отечество – Вся Россия». Данное обстоятельство объясняется информационной войной двух параллельных партий власти – «Единство» (кандидат – В. В. Путин) и «Отечество – Вся Россия» (кандидат – Е. М. Примаков). Одним из лидеров последнего блока, помимо Е. М. Примакова, Ю. М. Лужкова, был бывший Президент Татарстана М. Ш. Шаймиев.

Региональное медиапроектирование заключается в том, что газета «Республика Татарстан» в своих материалах представляет блок «Отечество – Вся Россия» единственным достойным кандидатом в нижнюю палату российского парламента, а его лидеров и членов – единственными политиками страны, противостоящими власти олигархов Б. А. Березовского, Р. А. Абрамовича и др., безграничное влияние которых на Президента РФ Б. Н. Ельцина пагубно сказывалось на внутренней и внешней политике страны. Прежде всего, вокруг данной проблематики строились практически все материалы газеты на предвыборную тему в 1999 г.

Выявлено, что появление подобных материалов активизировалось в сентябре 1999 г., т. е. в самом начале избирательного марафона. Критические, негативные, неодобрительные замечания, высказывания звучали в адрес федеральных властей (Кремля, его руководства и их политических единомышленников): «По сообщениям администрации Президента, здесь принимаются значительные усилия по расколу блока “Отечество – Вся

Россия» [8, 2], «... ближайшее окружение Бориса Ельцина все больше начинает склоняться в пользу неконституционных вариантов сохранения власти» [8, 2]. Когда появилась созданная при участии Кремля партия «Единство», журналисты обрушились и на нее. Позднее активно обсуждались разногласия между блоком «Отечество – Вся Россия» и партией «Единство». Для подчеркивания преимуществ объединения «Отечество – Вся Россия» публиковались авторитетные мнения Президента Республики Татарстан: «Я не предполагал, что кампания по дискредитации блока „Отечество – Вся Россия“ может вестись в таких недопустимых формах» [14, 3], – а также депутатов Государственной Думы РФ, лидеров блока «Отечество – Вся Россия». Ближе к дате выборов усиливалась критика в адрес партий «Единство» и ЛДПР [2].

В газете «Вечерняя Казань», напротив, зафиксированы критические упоминания в отношении блока «Отечество – Вся Россия». В одном из номеров издания описывается случай, произошедший с профессором одного из вузов Казани [15, 3]. При оформлении льгот ученому предложили подписать еще одну бумагу, не уточнив при этом ее сути. Листок оказался подписным в поддержку блока «Отечество – Вся Россия» и Аграрной партии. По мысли автора газетного текста, это типичный случай, когда политики используют невнимательность граждан. Негативная позиция по отношению к незаконным действиям партий выражается также посредством наклеивания ярлыков. Так, подписной лист за блок «Отечество – Вся Россия» и Аграрную партию журналист называет «вражьем листком», а инспектора, которая подала профессору подписной лист, – «инспекторшей-агитаторшей» [15, 3]. Таким образом, в материале газеты «Вечерняя Казань» блок «Отечество – Вся Россия» и Аграрная партия обвиняются в незаконных действиях.

В основу негативных упоминаний о блоке «Отечество – Вся Россия» легла и другая информация: например, данные британской разведки о «корруптированности» Е. М. Примакова [2]. Таким образом, из вышесказанного мы узнали, что журналисты стремились обличить политиков.

Сходная ситуация была свойственна газете «Вечерняя Казань» в 2004 и 2007 гг. Имели место критические высказывания в адрес партии «Единая Россия»: «Не выполняет наказы избирателей»; «Принимает законы, нарушающие гражданские права» [16] и др. (наклеивание ярлыков).

В 2004 г. газета «Вечерняя Казань» критично оценила отставку Правительства РФ. В негативном свете была представлена фигура нового премьер-министра РФ М. Е. Фрадкова, который был подвергнут мощной информационной атаке: «...бюрократ средней руки», «...это назначение отразится в худшую сторону для Путина» [7, 2]. Издание способствовало формированию недоверия к действующей власти, и даже страха, акцентируя внимание целевой аудитории в первую очередь на социальной нестабильности, бюрократическом произволе, неэффективности управленческого аппарата.

Редакции газеты «Вечерняя Казань» свойственна ориентация аудитории на игнорирование событий, требующих принятия важнейших государственных решений, например, приводится такое высказывание по поводу выборов: «...мое желание голосовать против всех лишь усилилось» [6, 3]. Установлено, что деятельность издания направлена на формирование неблагоприятного облика власти, дискредитацию института выборов. По нашему мнению, это не что иное, как проявление оппозиционности издания. «Я не верю цифрам <...> Я просто всегда выполняю свой долг избирателя, и меня не смущает, что партии и люди, за которых я голосую, никогда не проходят», – заявляет один из читателей в организованном газетой опросе [1, 3]. Это высказывание

является характерным. Оно – ключ к пониманию информационной политики издания. Здесь заложена культивируемая установка на предпочтения избирателя: они противоположны нынешней власти. Более того, это односторонний коммуникативный акт, на него не может последовать официальный ответ.

Следует подчеркнуть, что имеет место максимально персонализированная массовая информация (например, «в редакцию позвонила пенсионерка из Дербышек» [1, 3]), которая делает читателя более внушаемым и доступным для манипуляторов.

В ходе контент-анализа выявлено, что в газете «Вечерняя Казань» политическая элита имеет количественно более низкие показатели, чем в газете «Республика Татарстан», однако они превышают упоминания о других кандидатах, в т. ч. оппозиционных, что, по нашему мнению, свидетельствует о необходимости учитывать популярность кандидатов.

Более того, установлено повышение значимости микроструктур (например, лидеров партий, кандидатов-аутсайдеров и др.) над макроструктурами (органами государственной власти). И этот факт мы также рассматриваем в контексте указанного выше проявления оппозиционности. Контент-анализ показывает, что «Вечерняя Казань» активно публикует материалы о В. В. Жириновском, Г. А. Явлинском, В. Брынцалове, Ю. Власове, С. Федорове, М. Шакуме и др., т. е. те статьи, которые не были отмечены в газете «Республика Татарстан». При этом кандидат от КПРФ Г. Зюганов и кандидат от Аграрной партии Н. Харитонов в газете «Вечерняя Казань» получили 24 негативных упоминания, 8 нейтральных и ни одного положительного. Динамика упоминаний выявила снижение числа негативных откликов, однако увеличения положительных откликов не наблюдалось – это мы связываем с падением популярности КПРФ, и данный факт подтверждается результатами выборов.

Имидж КПРФ на страницах газеты «Республика Татарстан», напротив, имеет тенденцию к позитивизации, что ярко проявилось на примере информационной политики издания при отражении предвыборной кампании 2007 г. Безусловно, данный факт входит в некоторое противоречие с проправительственной ориентацией газеты.

Что касается жанровых предпочтений, то доминируют преимущественно информационные жанры: заметка, отчет, реже – интервью. По нашему мнению, распространенность информационных жанров вызвана необходимостью оперативного медиаотклика на события. Данная особенность также находится в прямой зависимости от уровня подготовки журналистов, от их знания традиционно сложных – особенно аналитических – жанров журналистики, а также от влияния западной тенденции, получившей название «журналистика факта».

Другая особенность выявленной медиастатистики заключается в том, что из общего числа опубликованных в газетах текстов выявлен небольшой процент агитационных материалов: обращений политиков, программ партий. Их присутствие в региональной медиасистеме колеблется в пределах 15–20 % от суммы рассмотренных публикаций (свыше 300). Большая часть таких материалов опубликована в газете «Республика Татарстан», что мы связываем с законодательно закрепленной обязанностью издания по публикации агитационных материалов.

В исследованных нами изданиях были использованы федеральные материалы, подготавливаемые и распространяемые централизованно. Они не были интересны зрителю в силу их статичности, а также непрофессионализма работы журналистов. Политологи считают, что этим предвыборным материалам свойственно ошибочное ориентирование на нецелевую аудиторию, но называются и другие причины [12].

Резюме. Тенденциозная интерпретация событий, использование тенденциозных особенностей массмедиа (медийных практик) определяются, во-первых, общими политическими условиями в стране, во-вторых, информационной политикой самих массмедиа, в-третьих, желанием и умением их учредителей, редакторов и собственно авторов влиять на развитие политических событий.

Анализ регионального медиадискурса показывает, что прогосударственная информационная политика, представленная газетой «Республика Татарстан», направлена на отражение важнейших политических событий государственного масштаба. Ей свойственно замалчивание событий, относящихся к оппозиции, политическим аутсайдерам и иным подобным темам.

Деятельность оппозиционного издания – газеты «Вечерняя Казань» – направлена на формирование неблагоприятного облика власти. Событийный ракурс газеты, изучавшийся нами, выявил наибольший интерес журналистов к событиям скандальным, резонансным, неординарным. Установлена направленность их выступлений на дискредитацию института выборов. По нашему мнению, это не что иное, как проявление оппозиционности издания.

Таким образом, данные процессы приводят к искажению картины объективной действительности, ведут к дезориентации аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *А поголовной явке вы удивитесь?* // Вечерняя Казань. – 2004. – № 24.
2. *Андреев, Н.* Забег «политических» тараканов / Н. Андреев // Вечерняя Казань. – 1999. – № 159.
3. *А. П.* Попытка расколоть блок «Отечество» – «Вся Россия» / А. П. // Республика Татарстан. – 1999. – № 198.
4. *Бастриков, А.* Медиа-творчество : учебное пособие / А. Бастриков, Е. Дорошук, Л. Салмина и др. – Казань : Унипресс, 2002. – 183 с.
5. *Журналистская наука в Казанском университете : концепции диссертационных исследований* / под общ. ред. А. А. Роот. – Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – 720 с.
6. *Ленаров, Л.* В первый раз: муки выбора / Л. Ленаров // Вечерняя Казань. – 2004. – № 26.
7. *Михаил Фрадков – бюрократ средней руки, считает Владимир Рыжков* // Вечерняя Казань. – 2004. – № 32.
8. *Поляков, А.* Нужен проходной кандидат / А. Поляков // Республика Татарстан. – 1999. – № 183.
9. *Пономарев, Н. Ф.* Политические коммуникации и манипуляции : учебное пособие / Н. Ф. Пономарев. – М. : Аспект Пресс, 2007. – 128 с.
10. *Почепцов, Г. Г.* Информационно-политические технологии / Г. Г. Почепцов. – М. : Центр, 2003. – 384 с.
11. *Пугачев, В. П.* Введение в политологию : учебник для вузов / В. П. Пугачев, А. И. Соловьев. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 447 с.
12. *Семин, М. В.* Информационная политика основных участников избирательных кампаний 2007–2009 гг.: региональное измерение (Республика Татарстан) : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / М. В. Семин. – Казань, 2009. – 26 с.
13. *Техника дезинформации и обмана* / под общ. ред. Я. Н. Засурского. – М. : Наука, 1978. – 246 с.
14. *Хасанов, А.* Дискредитация блока «ОВР» может привести к победе коммунистов / А. Хасанов // Республика Татарстан. – 1999. – № 236.
15. *Царев, Р.* За «Всю Россию» – не отходя от кассы / Р. Царев // Вечерняя Казань. – 1999. – № 152.
16. *Что б они ни делали – не идут дела* // Вечерняя Казань. – 2004. – № 32.
17. *Ясавеев, И. Г.* Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации / И. Г. Ясавеев. – Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 2004. – 200 с.

УДК 821.161.1 Чехов А.П. 06

**ПРОВИНЦИЯ И КРИТИКА: СПОРЫ ПО ПОВОДУ ТИПИЧНОСТИ ОБРАЗА
«ЗАХОЛУСТЬЯ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. П. ЧЕХОВА**

**PROVINCE AND CRITICISM: DISPUTES ON TYPICAL NATURE
OF «BACKWOODS» IN THE WORKS OF A. P. CHEKHOV**

А. А. Ершова

A. A. Ershova

*ФГБОУ ВПО «Казанский государственный университет культуры и искусств»,
г. Казань*

Аннотация. Предметом анализа статьи являются публикации конца XIX – начала XX в. в казанских газетах «Волжский вестник» и «Казанский телеграф». Рассматриваются различные точки зрения на типичность или нетипичность образа провинции в произведениях А. П. Чехова. Приводятся мнения С. В. Глушкова и Л. П. Громова, проводивших свои исследования на материале печати Таганрога, Ростова, Твери. Показывается разница в восприятии образа «захолустья» казанскими критиками.

Abstract. The subject of analysis in the article is the publications of the late 19th – early 20th centuries in Kazan newspapers «Volzhsky Herald» and «Kazansky Telegraph». We analyze the various points of view on typical or not typical image of the province in the works of A. P. Chekhov. It gives the views of S.V. Glushkov and L.P. Gromov who conducted their research on the basis of publishing works of Taganrog, Rostov, Tver. We show the difference in Kazan critics' views of perception of the image of «backwoods».

Ключевые слова: провинция, восприятие, Чехов, читатель, газетная критика, «Волжский вестник», «Казанский телеграф».

Keywords: province, perception, Chekhov, reader, newspaper, criticism, «Volzhsky Herald», «Kazansky Telegraph».

Актуальность исследуемой проблемы. Один из важнейших вопросов, волнующих читателей и критиков на протяжении многих лет, касается того, насколько реалистично изображены герои тех или иных художественных произведений, скопировал ли писатель их образы с обычных людей или же его творение – полет лишь его собственной фантазии. Критики и читатели спорят об этом постоянно. Мы, в свою очередь, попробуем проанализировать так называемую «типичность» на примере образа провинции и провинциальных типов в произведениях А. П. Чехова.

Актуальность исследования заключается в выявлении специфики казанской литературной критики рубежа веков. Мы проводим анализ критических материалов, условно говоря, «родных» и «неродных» А. П. Чехову. В данной статье помимо анализа материалов казанских периодических изданий «Волжский вестник» и «Казанский телеграф» рубежа XIX–XX вв. мы также рассматриваем мнения других «провинциальных» ученых по

данному вопросу, в частности, С. В. Глушкова и Л. П. Громова, и суждения авторов из периодической печати Таганрога и Ростова, то есть городов, «родных» писателю. Таким образом, мы выявляем различия в восприятии образа провинции разными критиками и противоположными городами.

Кроме того, образ провинции является одним из ключевых в творчестве Чехова. И то, как провинция сама воспринимает себя, представляет также и психологический интерес.

Материал и методика исследований. Споры по этому вопросу ведутся уже несколько десятков лет, но материалы провинциальных периодических изданий мало изучены. В ходе наших исследований мы пришли к выводу, что эта тема являлась одной из центральных в статьях казанских критиков. Как отмечала, в частности, Л. Е. Бушканец, одной из важнейших проблем, поднятых в современной А. П. Чехову литературной критике, была проблема типичности, достоверности, правдивости того образа России, который создал Чехов [1]. Материалом нашего исследования стали периодические издания Казани, отзывы современных А. П. Чехову критиков, в частности, С. В. Глушкова и Л. П. Громова.

Метод исследования мы определяем как комплексный. При написании работы были использованы различные методы: анализ, сравнение, культурно-исторический, психологический.

Результаты исследований и их обсуждение. Стоит сказать, что казанская периодическая печать ничуть не отставала от столичных изданий по злободневности публикуемых материалов, по откликам на общественные, политические, экономические и культурные перемены в России и мире. Не прошло бесследно для казанской критики и творчество Чехова. В 1880–1890 годы на страницах казанских газет активно обсуждалась проза писателя, позже появились обширные статьи, критические заметки на пьесы драматурга-новатора. Особенно активными в плане критических публикаций были газеты «Волжский вестник», «Казанский телеграф», «Казанский биржевой листок» и пр. Первые статьи о Чехове в казанской периодической печати появились в 1888 году.

Одной из первых стала статья К. Сараханова – это были два больших подвала, посвященных «Степи». Автор отметил, что «талант молодого беллетриста далеко не из заурядных и продолжает развиваться и вширь и вглубь. В своих маленьких рассказах г. Чехов является большим художником в описании внешнего мира и психологом, знатоком неуловимых для нашего невооруженного глаза извивов человеческой души». Критик радовался, что Чехов вырвался из «Нового времени» и попал в «Северный вестник», однако традиционно отметил отсутствие «содержательности» [11]. Это, в сущности, означает, что критик не видит в произведении Чехова отражение сущностных сторон российской жизни.

В первых публикациях критики были очень осторожны в своих высказываниях на тему типичности и нетипичности образа провинции в произведениях Чехова. В ранних публикациях авторы как будто «прошупывают почву», как бы еще только знакомятся с произведениями Антона Павловича. Но по мере появления все новых «серьезных» рассказов Чехова вопрос о том, насколько правдиво писатель рисует российскую действительность, становится все более актуальным. В некоторых критических набросках даже чувствуется раздражение критиков на автора: да, Чехов изображает реальную жизнь, но какая-то она у него невеселая, мрачная, скучная, да и герои совсем не идеализированы, хотя живут в соответствии с идеологией, часто либеральной, но возникает вопрос: поче-

му же нет положительных персонажей? Кстати, если обратиться к критике современной, например, к статье Г. Л. Корольковой, то мы обнаружим некоторую связь с критикой конца XIX века. Например, высказывание ученого о том, что большинство чеховских персонажей, в частности принадлежавших к ученому сословию, трудно отнести к положительным персонажам [5, 91].

Идейность – вот что занимает важное место в сознании критиков конца XIX века. Она же придает «жизненности» тем или иным произведениям. Обратил на это пристальное внимание и казанский критик П. Перцов. Он отмечал, что 1891 год «дал нам несколько произведений», имеющих общественный интерес, к тому же отличающихся художественностью [8]. На первом месте – «Дуэль», в которой наибольший интерес вызывает Лаевский, «продукт нашего пестрого времени», когда появилось много людей, томящихся без идеала, убеждений и цели жизни, неглупых, не могущих ужиться с духовной пустотой вокруг себя. Отсутствие идеалов и беспорядочная жизнь истрепали им нервы и обессилили волю, они стремятся все время начать новую жизнь, и ничего не выходит. Хотя П. Перцов отметил, что нравственный переворот Лаевского в конце повести непонятен, в целом он поддержал «осуждение» Чеховым этого типа.

Многие казанские критики отмечали, что чеховские типы характерны для современного общества, что писатель показывает читателю реальную окружающую действительность, пусть зачастую мрачную и скучную. Но тем не менее в высказываниях казанских критиков ясно прослеживается мысль о том, что Чехов изобразил «наше захолустье», что все-таки захолустье это «где-то есть», но в другом месте, «это не про нас». И дело здесь не только в том, что Чехов создавал новую прозу, опережая время. На первый взгляд может показаться, что провинциальная критика не поспевает за автором, но это не так. Наоборот, как раз провинциальная критика, в частности казанская, глубже понимала произведения А. П. Чехова, и в первую очередь потому, что писал он о них, о провинциалах и провинции. Мы предполагаем, что в восприятии произведений Чехова тем или иным критиком значительную роль играл и психологический фактор. Мы можем проследить разницу взглядов «на самих себя» казанских критиков и критиков других регионов. Например, вспомним работы С. В. Глушкова или Л. П. Громова.

С. Глушков отмечает, что «сама “всемирность” Чехова как бы вытекает из его “провинциальности”, поскольку нет такой страны и такой эпохи, в которых не существовало бы трагедии повседневности». Снова обратимся к «Дуэли», по поводу которой Глушков пишет в своей работе, что «только провинциал смог понять, что Чехов не столько обличает Лаевского, героя “Дуэли”, сколько заставляет читателя полюбить этого человека» [2, 11]. Критик также отмечает тот факт, что провинциальные читатели называли Чехова своим учителем [2, 12]. Мы согласны с этим мнением, но хотим заметить, что восприятие провинцией Чехова как учителя и проецирование его произведений и типов героев на реальную действительность – это, очевидно, совершенно разные вещи. Да, провинция понимала героев чеховских произведений, но при этом не всегда проецировала действительность, изображенную Чеховым, на провинциальную почву. Сам писатель в течение всей жизни был глубоко связан с провинцией, о чем неоднократно писали критики. В частности, у Глушкова есть статья, посвященная Чехову и земству, в которой он анализирует не только взгляды писателя на свободу, силу и власть, но и влияние Таганрога на судьбу Антона Павловича [3].

Особый интерес для чеховедения представляет исследование Л. П. Громым периодической печати Ростова и Таганрога. В своей работе он отмечает, что многие таган-

рожцы считали, что чеховские герои срисованы писателем с них. В частности, он приводит в качестве примера выдержки из юбилейной статьи 1910 года таганрожца Н. Чужбина, который писал, что «можно подумать, что для города, описанного в «Трех сестрах», образцом служил Таганрог. Тут были сестры... Тут они мечтали о Москве» [4, 39].

Другой земляк Н. Чужбина, А. Б. Тараховский, также отмечает некоторые стороны жизни Таганрога, отразившиеся в творчестве Чехова: «Что такое Таганрог с его скучным, равнодушным обществом, его однообразной жизнью, безразличием ко всему, что не касается личных, шкурных интересов?» [4, 40]. Но дальше в своих «Арабесках» критик встает на защиту родного города, пусть и скучного, печального, в котором нет жизни.

Л. Громов акцентирует внимание на том, какие важные мысли встречаются у П. Мечетинского. Последний писал, что в произведениях Чехова можно увидеть «то, чем дышал Чехов в юности, что заронилось в него с первыми впечатлениями детства и отрочества и вылилось потом в ряд волшебных картин, пленительных лирических настроений» [4, 42].

В принципе вполне логично, что у таганрожцев было особенное отношение к Чехову и, конечно, они искали себя в его произведениях и находили. Но это не означает, что казанские критики должны были увидеть в чеховских типах самих себя и жизнь Казани того времени. Обратимся, например, к статье А. Уманьского, опубликованной в газете «Волжский вестник» в разделе «Театр и музыка» и посвященной драме «Иванов». Критик пишет о том, что неврастения, «болезнь века», наиболее ярко выразилась в Иванове, «чем во многих других» [13]. Нам кажется, что последняя фраза демонстрирует как раз тот самый случай, о котором писал Глушков. Провинция поняла и приняла тип Иванова, но критик посчитал, что этот тип утрирован писателем, что такие Ивановы есть в провинции, но они все-таки отличаются от героя драмы, они «не совсем Ивановы». Уманьский также не оставил без внимания и других героев драмы: «кроме Иванова, более всех разработанного, имеются в драме еще и другие истинно типические лица – доктор Львов и Саша Лебедева». Любопытно замечание критика о том, что Чехов отнесся к Львову «без достаточного беспристрастия, что даже дало многим повод отрицать самую верность понимания автором этого типа». Критик пишет о том, что провинциальный читатель понимает героев даже лучше автора! Но это всего лишь заблуждение, так как Уманьский, конечно, пишет о том, что Чехов изобразил действительность, отмечает типичность героев, но при этом видит много «несовершенств» драмы и, конечно, не находит в героях казанцев.

Другой критик, П. П. Перцов, подписавшийся в газете под псевдонимом Посторонний, также откликнулся на драму «Иванов». В начале статьи критик пишет о том, что «тип Иванова – очень ясно обрисованный и даже довольно обыкновенный тип уставшего человека», но в заключении он отмечает, что «напрасно автор назвал своего героя Ивановым, как бы желая этим сказать, что такие люди очень обыкновенны – напротив, такие Ивановы встречаются редко: прежде, чем устать, надо все же что-нибудь делать, а много ли у нас деятелей?» [10].

Итак, на примере мнений всего двух казанских критиков по поводу типа Иванова мы уже ясно видим, что восприятие чеховских героев не было столь однозначным. Менялась общественная ситуация в стране, было достаточно много политических, культурных и других причин, влиявших на изменение жизненного уклада, мировосприятия, и, конечно, читатели хотели видеть идейность, положительных героев, но Чехов рисовал другие типы – новых людей. Одна из мемуаристок записала разговор с Чеховым; показательны

следующие слова писателя: «Но каково писателю, когда сфера, в которой он вращается, так однообразна, так сера, что и типов-то, кроме самых сереньких, взять неоткуда? Поневоле пишешь мелочи, а вы толкуете об идеалах, о положительных типах... <...> Меня давит однообразие нашего общества...» [9].

Критики, с одной стороны, не принимали взгляд Чехова на действительность, более того, они не были готовы к мрачной чеховской критике. Критики видели проявления эгоизма, мелочности, жадности и пр. в интеллигентном человеке не вследствие внутренних причин, а вследствие внешнего отрицательного влияния среды. И в то же время именно провинциальная интеллигенция, в отличие от столичной, часто оказывалась ближе к реальной жизни. Ее представители чувствовали, что они живут в эпоху, когда все привычные ценности интеллигенции рушатся. Быть может, именно поэтому провинциальные критики оказывались иногда более чуткими к тому, что они называли «современным содержанием чеховских рассказов».

Специально вопросу о том, как изображена современная жизнь у Чехова, был посвящен доклад Ф. Е. Пактовского на публичном заседании общего собрания «Общества любителей русской словесности в память А. С. Пушкина при Императорском Казанском университете» 26 марта 1900 года. Реферат Ф. Е. Пактовского рассматривал произведения Чехова «со стороны их общественного содержания».

Пактовский считал, что изображенные Чеховым герои не составляют основы современной жизни: «Действующие лица в произведениях Чехова не актив жизни, а пассив ее; но художественный рефлекс направлен главным образом не на лица, а на явления жизни. Она (жизнь) является для современного человека какою-то роковою силой, отсюда “унылая скорбь автора”, внушенная бессилием действующих лиц в борьбе с жизнью, нежеланием самой борьбы, малодушной уступкой современного человека явлениям жизни. Но за каждым рассказом мы видим автора как бы говорящим: “если поставить на место этих безвольных, слабых людей силы мощные, то явления эти не будут так фатальны, и жизнь будет иною”» [6].

Анализируя рассказы «Злоумышленник», «Темнота», «Мужики», докладчик пришел к выводу: «Рассказ не требует никаких к себе пояснений, кроме одного, невольно напрашивающегося вывода: положение подобных “злоумышленников” и самого следователя как нельзя более доказывает, как велико благодеяние Императора Александра II, даровавшего стране суд присяжных, это лучшее благо цивилизации, примиритель двух чуждых друг другу миров, хранитель жизненной правды и милосердия к малым и темным» [7]. Эти суждения ярко раскрывают главную мысль Пактовского, а именно – Чехов показал современные мрачные стороны жизни, которые можно исправить на основаниях разума и развития цивилизованных принципов. Эти идеалистические представления о жизни обуславливает понимание того, что Чехов односторонен в своих суждениях, потому что не отразил этих элементов развитой цивилизации в современной России.

Резюме. Итак, с одной стороны, провинция приняла и поняла чеховское «захолустье» и типы героев, но, с другой стороны, не каждый критик хотел примерять на себя типы, изображенные писателем, слишком они отличались от типов предыдущей литературы «золотого века». Очевидно, что казанская критика признавала тип «уставшего», «скучного» современного человека. Но, несмотря на это признание, не находила таких мрачных, запутавшихся людей в своем родном городе.

В качестве подтверждения наших слов можно привести более позднюю заметку, напечатанную в 1915 году в рубрике «Военные известия»: «Чехов в своей пьесе “Три

сестры” изобразил каких-то психопаток русского безвременья, а вот три сестры Тритана, которых дала подлинная жизнь <...>». Далее автор пишет о сестрах милосердия, которые работали в одном из передовых госпиталей [12]. Понятно, что время уже другое, иная действительность, но здесь автор заметки в более жесткой форме выразил свое отношение к чеховским сестрам.

Спорить по поводу вопроса: приняла провинция образ «захолустья», описанный Чеховым, или нет, можно долго. Мы считаем, что да, приняла, более того – поняла. Но при этом образ провинции и типы чеховских героев казанская критика, в отличие от критики Ростова и Таганрога, не находила в своем окружении: где-то все это действительно есть, но у нас этого не существует.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бушканец, Л. Е. Россия чеховского времени и чеховская Россия / Л. Е. Бушканец // Образ Чехова и чеховской России в современном мире. К 150-летию со дня рождения А. П. Чехова : сб. статей. – СПб. : ИД «Петрополис», 2010. – С. 39–47.
2. Глушков, С. В. А. П. Чехов и провинциальный читатель 1880–1914 гг. (проблемы взаимодействия) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / С. В. Глушков. – М., 1993. – 24 с.
3. Глушков, С. В. А. П. Чехов и среднерусская провинция / С. В. Глушков // Чеховские чтения в Твери : сб. науч. трудов. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 1999. – С. 5–10.
4. Громов, Л. П. Антон Павлович Чехов в дореволюционный периодике Дона. Критико-библиографический обзор / Л. П. Громов. – Ростов н/Д. : Б. и., 1948. – 91 с.
5. Королькова, Г. Л. Духовно-нравственные и подвижнические мотивы в творчестве А. П. Чехова / Г. Л. Королькова // Вестник Чувашиского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2013. – № 1 (77). Ч. 1. – С. 90–93.
6. Общее собрание Пушкинского общества 26 марта // Казанский телеграф. – 1900. – № 2230.
7. Общее собрание Пушкинского общества 26 марта // Казанский телеграф. – 1900. – № 2236.
8. Перцов, П. Литературный обзор 1891 года / П. Перцов // Волжский вестник. – 1892. – № 1.
9. Поливанова, Е. Памяти Чехова / Е. Поливанова // Прибалтийский край. – 1904. – № 148.
10. Посторонний (П. П. Перцов). Вне уровня / Посторонний (П. П. Перцов) // Волжский вестник. – 1892. – № 11.
11. Сараханов, К. Литературные заметки / К. Сараханов // Казанский биржевой листок. – 1888. – № 58.
12. Три сестры // Казанский телеграф. – 1915. – № 6521.
13. Уманьский, А. «Иванов», драма А. П. Чехова / А. Уманьский // Волжский вестник. – 1890. – № 36.

УДК [808.5:159.942]:659.123

ОБОСНОВАНИЕ РИТОРИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ РЕЧЕВОЙ ЭМОЦИИ

SUBSTANTIATION OF RHETORIC APPROACH TO VERBAL EMOTION

Е. Н. Засецкова

E. N. Zasetskova

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. Пафос рекламы требует определенного контекста рассмотрения речевых эмоций, который бы мог способствовать реализации прагматической установки рекламного текста. Таким контекстом является риторический.

Abstract. The pathos of advertising determines the specific context of considering verbal emotions. This context is to contribute to the pragmatic spirit of advertising. Such a context is the rhetoric context.

Ключевые слова: *риторика, речевая эмоция, реклама.*

Keywords: *rhetoric, verbal emotion, advertising.*

Актуальность исследуемой проблемы. Вопрос о сущности и классификации эмоций получил долю научного изыскания еще в древности, но и по сей день он не теряет своей актуальности, напротив, рождает тем большую интригу, чем глубже подвергается изучению. Рассмотрение речевых эмоций, предлагаемых в философии или психологии, не обеспечивает необходимого ресурса для раскрытия их особенностей. И только в риторическом контексте возможно актуальное понимание речевых эмоций в рекламе.

Материал и методика исследований. На основании анализа научных трудов, посвященных сущностным характеристикам эмоций в философии, психологии, риторике, производится обоснование риторического подхода к изучению речевой эмоции в рекламном тексте.

Результаты исследований и их обсуждение. Понятие речевой эмоции является каноническим в таких фундаментальных системах человеческих знаний, как этика, порожденная ею эстетика, физика и риторика как наука, управляющая словом, т. е. администрирующая связи внутри каждой из сфер человеческой деятельности. Этика, физика, риторика, психология, лингвистика эмоций – эволюции понимания и изучения явления эмоций.

В преемственности от Сократа (ок. 469–399 до н. э.) к Платону (428/427–348/347 до н. э.), а от Платона к Аристотелю в текстах древнегреческого ученого и философа Аристотеля (384–322 до н. э.) появились рассуждения о речевых эмоциях. К общепринятому определению эмоции как реакции человека или животного на воздействие внутренних и внешних раздражителей лежал долгий путь.

Представители сенсуалистического направления, среди которых были как материалисты (Т. Гоббс, Дж. Локк, Б. Спиноза, Л. Фейербах и др.), так и идеалисты (Дж. Беркли, Д. Юм и др.), полагали, что решающая роль в познании принадлежит органам чувств. Эмоции признавались единственным источником и средством достижения истины – сущность познается не разумом, а чувствами. Философы нового времени по-разному именовали, трактовали эмоциональные состояния и выделяли разнообразные их виды. Эмоции именовались чувствами и чувствованиями, аффектами и страстями, настроениями и настроениями.

Б. Спиноза в своем трактате «Этика» утверждал, что видов аффектов (удовольствий, неудовольствий и желаний) существует столько, сколько видов объектов, со стороны которых мы подвергаемся воздействию.

Р. Декарт в труде «Страсти души» (1649 г.) признавал шесть простых и первичных страстей: удивление, любовь, ненависть, желание, радость и печаль. Все прочие, по его мысли, составлялись некоторыми из этих шести либо же являлись их разновидностями.

И. Кант сводил все эмоции к двум группам, в основе которых лежала причина возникновения эмоций: сенсуальным и интеллектуальным.

В. Вундт предложил характеризовать эмоции по трем направлениям: 1) удовольствие – неудовольствие, 2) напряжение – разряжение, 3) возбуждение – торможение. Он также отмечал, что число эмоций настолько велико (более 50 000), что даже язык не располагает достаточным количеством слов для их репрезентации.

Э. Титченер выделял всего лишь два вида эмоционального тона ощущений: удовольствие и неудовольствие. Бесчисленное же количество эмоций создается благодаря неисчислимым комбинациям ощущений, сопровождаемым эмоциональным тоном.

У. Джеймс и К. Ланге рассматривали эмоцию с точки зрения физиологического процесса. Теория У. Кэннона и П. Барда переместила акцент исследований эмоций в собственно психологическую плоскость, благодаря чему произошел поворот от учета не только физиологического, но и когнитивного фактора. С. Шехтер и Дж. Сингер, Р. Лазарус и Л. Фестингер привнесли в рассмотрение эмоций когнитивный аспект. Ф. Крюгер, Э. Даффи, Ф. Бартлетт, П. Янг и Р. Липер исследовали функции эмоций.

Базовые эмоции выявляли следующие теоретики в области психологии эмоций: Р. Вудвортс, Г. Шлоссберг, У. Мак-Дугалл, Р. Плутчик, С. Томкинс, К. Изард и др. Эмоции в таких классификациях делятся на первичные (или базовые, базисные) и вторичные (или производные). Считается, что базовыми можно назвать те эмоции, которые отчетливо обнаруживаются и идентифицируются человеком. Круговая шкала Шлоссберга – Вудвортса включает шесть основных категорий. У. Мак-Дугалл выявляет семь базовых эмоций на основе инстинктов. Р. Плутчик выделяет восемь базисных эмоций, деля их на четыре пары, каждая из которых связана с определенным действием. К. Изард называет 10 фундаментальных эмоций, образующих основную мотивационную систему человеческого существования.

Вопросами классификации эмоций в отечественной психологии занимались М. И. Владиславлев, А. Е. Ольшанникова, П. В. Симонов, Б. И. Додонов, В. К. Вилюнас, Л. В. Куликов, В. О. Леонтьев, П. К. Анохин и др. В русле эклектических теорий, представляющих объединения принципов и идей всех предшествующих концепций, работали Д. Кампос, К. Саарни и Т. Кемпер, К. Оутли и Ф. Джонсон-Лэрд, П. Экман и Д. Мацумото.

В представленных списках основных (первичных, базовых, базисных, фундаментальных) эмоций количество компонентов разнится практически у всех психологов. В качестве основных эмоций называются страх, радость, гнев и печаль. Именно этот список базовых эмоций берется за основу большинства лингвистических исследований об эмоциях.

Лингвокогнитивной деятельности языковой личности в отношении эмоций посвящены работы Н. Д. Арутюновой, В. З. Демьянкова, Г. В. Колшанского, Д. В. Ольшанского, Н. А. Красавского, Ю. С. Степанова, А. М. Шахнаровича и др. А. Вежбицкая, В. А. Маслова, В. И. Шаховский и др. занимались вопросами «эмотивной языковой личности», лингвистического анализа разноуровневых языковых средств выражения эмоций.

Практически во всех упомянутых перечнях и классификациях в качестве базисных эмоций выделяются эмоции страха, гнева, печали и радости. Вопрос о речевых эмоциях в сфере рекламного дела требует нахождения такой классификации эмоций, которая бы удовлетворяла и реализовывала прагматическую направленность рекламы.

Как было отмечено, эмоции в психологии сводятся к тому, что эмоция является реакцией организма на раздражителей, или, по-другому, «разрядом нервной энергии». В культурологии (работы П. А. Флоренского, Л. С. Выготского, М. В. Субботиной) отмечается тот факт, что «разряд нервной энергии происходит параллельно – на периферии и в центре (в коре головного мозга)». Результатом разряда нервной энергии на периферии являются внешние проявления организма (то, о чем говорит психология), результатом разряда энергии в центре – «образ, фантазия (как посредник в решении возникшей ситуации)» [9, 79]. Именно от этого факта предлагается отталкиваться в исследовании эмоций в феноменологии языка.

Согласно М. В. Субботиной, «образ как результат эмоции имеет семантическую структуру и может быть воплощен в материале любой знаковой системы». При этом выбор знаковой системы, семантическая структура эмоции и способ ее языкового обозначения взаимосвязаны [9, 80].

Эмоции не только могут быть выражены в материале знаковых систем, но и сами предметы могут вызывать эмоции. Из этого следует вывод: тот, кто умело пользуется названием эмоций, может, оставаясь бесстрастным, влиять на эмоциональное состояние других людей.

Умение искусно управлять чувствами слушателя или собеседника являлось и до сих пор остается значимым в риторике.

Творчество древнегреческого философа Сократа (ок. 469–399 до н. э.), учителя Платона и Ксенофонта, дошло до нас лишь в сочинениях его учеников и в незначительной степени – в сочинениях Аристотеля. По мнению Сократа, деятельность познающего разума должна быть направлена на нравственное самосовершенствование личности, что предполагает преодоление страстей.

Древнегреческий философ Платон (328/327–348/327 до н. э.) в диалоге «Федр» (в период ок. 370–360 до н. э.) уподобляет душу крылатой колеснице, управляемой возникшим – умом (который и является душой сам по себе) с двумя конями. И один из коней будет тем, что мешает душе созерцать «занебесную область»: «...но ей не дают покоя кони, и она с трудом созерцает бытие». Эти кони и есть ничто иное, как страсти души, то, что приходит в душу от тела. Страсть определяется как все то в душе, что опускает ее вниз, на землю, т. е. все то в ней, что не возвышает ее к истинному бытию.

Платон также говорит о трех началах души – «разумное», «яростное» и «вождедеющее». «Яростное» и «вождедеющее» относятся к страстям. Задача человека состоит в том, чтобы подчинить эти два начала началу разумному. Для Платона страсть скорее негативное, но неизбежное явление. В «Тимее» (ок. 360 до н. э.) он исключает страсти из наиболее возвышенной части души [6].

Ученик Платона древнегреческий ученый и философ Аристотель Стагирит (384–322 до н. э.) в трудах, посвященных проблеме теории аргументации в публичной речи: в «Топике» (ок. 355–350 до н. э.), «Поэтике» (ок. 336–322 до н. э.), «Риторике» (ок. 347–330 до н. э.) – приводит обстоятельные рассуждения о речевых эмоциях. Исследуя природу и источники морали в трактате «Большая этика» (ок. 347–330 до н. э.), суммируя первоначально в «Метафизике», Аристотель, как и Платон, провозглашает подчиненность эмоций разуму. В «Риторике» Аристотель отмечает, что убедительность речи помимо правильно выстроенной аргументации зависит и от эмоциональной природы людей, их страстей. Под влиянием страстей возникает или исчезает доверие, с чем связано и изменение решений по различным вопросам, чувство удовольствия и неудовольствия, выражающееся в гневе, сострадании, страхе и т. п. Поскольку именно страсти часто оказывают решающее влияние на поведение людей, создатель речи должен знать, как воспользоваться ими для достижения своей цели [1].

В «Поэтике» Аристотель выделяет *базовые эмоции речи* – *сострадание* и *страх*. Страх есть естественное чувство опасения. *Страх* – это та эмоция, которую мы получаем практически при любом высказывании. *Сострадание* – это эмоция, сопутствующая страху, вызывается видом несчастья, которое постигает других людей. Сострадание и страх – родственные эмоции, так как сострадание вызывает страх за самих себя. Зрелище несчастья, происшедшего с другими, заставляет воображать, что подобное несчастье может угрожать и тебе самому. Поэтому сострадание вытекает из сочувствия к несчастью других, вызванного воображением того, что подобное несчастье могло бы случиться и с теми, кто видит несчастье других. Базовые речевые эмоции относятся к ряду неприятных и трудных эмоций. Поскольку присущая речи базовая эмоция отрицательна, мы нуждаемся в красноречии, умении вызвать у аудитории разнообразные эмоции для нейтрализации базовой [3].

Марк Туллий Цицерон (106–43 до н. э.) в трактате «Об ораторе (К брату Квинту)» в главе «Средства возбуждения страсти» указывал на то, что вся сила и мощь красноречия состоит в возбуждении страстей: «...нам надо вызвать речью в душе у судей или у каких бы то ни было наших слушателей такие чувства, как любовь, ненависть, гнев, озлобление, сострадание, надежда, радость, страх, досада...» [10, 207].

Марк Фабий Квинтилиан (ок. 35–96 н. э.) в труде «Двенадцать книг риторических наставлений» в шестой книге излагает, помимо всего прочего, и о заключении и возбуждении страстей.

В 1748 г. впервые в России публикуется труд М. В. Ломоносова по риторике «Краткое руководство к красноречию», в котором опыт древнегреческих мыслителей представлен в систематизированном и компактном виде. Ученый снабжает свою работу размышлениями о возбуждении, утлении и изображении страстей. М. В. Ломоносов пишет в главе VI: «Хотя доводы и довольны бывают к удостоверению о справедливости предлагаемых материй, однако сочинитель слова должен сверх того слушателей учинить страстными к оной. Самые лучшие доказательства иногда столько силы не имеют, чтобы упрямого преклонить на свою сторону, когда другое мнение в уме его вкоренилось. Мало

есть таких людей, которые могут поступать по рассуждению, преодолев свои склонности...» [2, 166]. Саму же страсть Ломоносов определяет так: «Страстью называется сильная чувственная охота или неохота, соединенная с необыкновенным движением крови и жизненных духов, причем всегда бывает услаждение или скука» [2, 167].

Страсть в современном словаре русского языка определяется как «сильное чувство, с трудом управляемое рассудком; сильная любовь с преобладанием чувственного влечения».

В церковнославянском языке «страсть» переводится как страдание, страстью называется сильное желание чего-либо запрещенного, страдание, мучение, противоположность чувству, которое толковали как понятие, познание, благоразумие и мудрость.

В словаре терминов (общеобразовательном тезаурусе) Ю. В. Рождественского страстью называется неверное расположение духа и помыслов; когда вожделения духа, плотские вожделения и плоть, сама по себе инстинктивная и неразумная, начинают одолевать дух, переходя естественную меру [7, 47].

В сущности, страсть – это одно из двух крайних состояний чувств и желаний человека. Аристотель рассуждает о подобных страстных состояниях в связи с учением о добродетелях в трактате «Большая этика», где добродетель определяется как середина движений чувств.

В христианской традиции святые отцы всегда писали, что наша мысль рождается в глубине сердечной, рождается как помысел, затем этот помысел, если он греховен, может перейти в привычку, а после – в страсть или какое-то страстное увлечение. И от этого люди предупреждаются.

В этических учениях востока также провозглашается благоприятность срединного пути («Нет греха тяжелее страстей» Лао-Цзы). Эмоция трактуется как возбуждение ума, приносящее радость или печаль, счастье или страдание в зависимости от степени духовности человека.

К примеру, в древнеиндийском памятнике философской мысли «Бхагавадгита» эмоции представляются следующим образом: поле битвы – это наша жизнь; колесница Арджуна – это тело, в котором временно едет душа; пять коней, тянущих колесницу, – это пять чувств, которые побуждают тело действовать; Кришна – это Параматма (Высший разум в сердце), который помогает нам решить сверхзадачу – понять смысл жизни. Другими словами, кони – это эмоции и чувства, ум – вожжи, разум – возница, держащий вожжи в руках и управляющий лошадьми [4].

Разум, управляя эмоциями через ум, предотвращает движение всех чувств человека в направлении какого-то одного помысла, желания. Слушать свой разум – значит найти срединный путь добродетели, гармонизировать эмоции и чувства и устоять перед страстным влечением.

Аристотель выразил мысль о владении страстями в духе риторики, заключив, что властвует над страстями не тот, кто совсем воздерживается от них, а тот, кто пользуется ими так, как управляют кораблем или конем, то есть направляет их туда, куда нужно и полезно.

В риторике задача оратора состоит в том, чтобы вызвать в слушателе движение чувств, которое в зависимости от цели оратора может быть направлено в сторону гармонизации страстного состояния и приведения слушателя в срединное состояние добродетели либо же в сторону дегармонизации срединного состояния и приведения его в страстное состояние. Человеку в принципе свойственно страстное состояние: «Тот гон-

чар, что слепил глины наших голов, превзошел в своем деле любых мастеров. Над столом бытия опрокинул он чашу и страстями наполнил ее до краев» (О. Хайям). И если этическая духовная традиция призывает к овладению страстями, то светская материально направленная – наоборот, определяет страстное состояние как необходимое и желательное.

Духовный ум свободен от привязанности к материальному. Разум в состоянии управлять эмоциями и даже негативную эмоцию трансформировать в благостную энергию, таким образом победить страсть. Материальный ум радуется всему, что приносит материальное благо и негативно относится ко всякого рода лишениям и неудовлетворенностям. Материальность ума нарушает целостность в корпусе фундаментальных духовных ценностей, что предопределяет неверное установление духа и развитие порочных состояний (страстей).

Современное общество, ориентированное на материальные ценности, и прагматика коммерческой рекламы предопределяют цель риторика в рекламе – выявить страстные наклонности (которые сейчас принято называть потребностями) общества и привести потребителя в одно из страстных состояний. Подчинение материального ума осуществляется через представление возможности лишения материальных ценностей, т. е. наведением эмоции страха. Речевые эмоции страха и сострадания признаются базовыми, и на этом тезисе строится весь механизм действия речевых эмоций у Аристотеля.

В XX веке Ю. В. Рождественский продолжает традицию Аристотеля. Систематизировав весь предыдущий опыт риторической мысли, он приводит подробные рассуждения о речевых эмоциях в труде «Теория риторики». Вслед за Аристотелем им также определяются две базовые эмоции речи – страх и сострадание. Пять видов небазовых эмоций (фатическая, физиологическая, этическая, эстетическая, рациональная) сочетаются с базовыми эмоциями страха и сострадания и могут породить бесконечное многообразие оттенков эмоциональных переживаний.

Речевая эмоция, по замечанию Ю. В. Рождественского, – это эмоция, которая наводится речью на аудиторию с целью создания второй действительности. Аудитория начинает жить этой эмоцией независимо от действительной эмоции, когда мир дан человеку как непосредственная данность в ощущениях [8].

Риторика открывает пути управления обществом словом. Так понимание и классификация речевых эмоций, механизм их взаимодействия, принятые в данной науке, вскрывают сущность государственного устройства и управления. Общество, современное нам, характеризуется материальной направленностью, и в нем реализуются все эмоциональные сюжеты, характерные для умов материальных.

Постановка эмоции страха во главе угла общественного устройства обеспечивает сам факт существования данного устройства и его поддержание. При таком лишь условии возможно существование общества, ориентированного на материальные блага [5].

Реклама актуализирует материальные потребности современности и осуществляет управление общественной мыслью. Актуализация потребностей становится возможной благодаря соблюдению законов риторики.

Резюме. Изучение речевых эмоций в рекламе требует такого контекста, который, с одной стороны, обеспечивал бы наличие канона именования, понимания, классифицирования эмоций в речи, а с другой – учитывал бы специфику данной процедуры в рекламе. Контекст, определяемый самим состоянием и устремленностью современного

общества, – риторический. Обоснование эмоции речи в свете риторики предлагает как каноническое понимание, классификацию и механизм взаимодействия речевых эмоций (Сократ, Платон, Аристотель, Цицерон, Квинтилиан, М. В. Ломоносов, Ю. В. Рождественский), так и ресурсы для раскрытия специфики функционирования речевой эмоции в рекламном тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Античные риторики* / гл. ред. А. А. Тахо-Годи. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1978. – 352 с.
2. *Антология русской риторики* / гл. ред. М. И. Панов. – М. : Университетский гуманитарный лицей «Россия молодая», 1997. – 480 с.
3. *Аристотель. Этика. Эстетика. Поэтика* / Аристотель. – Минск : Харвест, 2011. – 1280 с.
4. *Бхагавадгита*. Книга VI, гл. 25–42 / пер. Б. Л. Смирнова. – Ашхабад : Изд-во АН ТССР, 1960. – 403 с.
5. *Засецкова, Е. Н.* Экспликация речевой эмоции страха в рекламе / Е. Н. Засецкова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2011. – № 1 (69). Ч. 1. – С. 60–64.
6. *Платон. Собрание сочинений* : в 4 т. Т. 2 / под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. – М. : Мысль, 1993. – 539 с.
7. *Рождественский, Ю. В.* Словарь терминов (общеобразовательный тезаурус). Мораль. Нравственность. Этика / Ю. В. Рождественский. – М. : Наука ; Флинта, 2002. – 88 с.
8. *Рождественский, Ю. В.* Теория риторики / Ю. В. Рождественский. – М. : Добросвет, 1999. – 482 с.
9. *Субботина, М. В.* Русско-туранская метафора: архитекtonика русского художественного дискурса в культурно-историческом аспекте / М. В. Субботина. – М. : Наука ; Флинта, 2004. – 228 с.
10. *Цицерон, М. Т.* Три трактата об ораторском искусстве / М. Т. Цицерон ; под ред. М. Л. Гаспарова. – М. : Наука, 1972. – 472 с.

УДК 811.11'37

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СВЯЗНОСТЬ
СТИМУЛИРУЮЩИХ РЕПЛИК И РЕПЛИК-РЕАКЦИЙ
В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ**

**STRUCTURAL AND SEMANTIC COHESION OF STIMULATING TURNS
AND REACTION TURNS IN A DIALOGUE**

Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева

N. V. Kormilina, N. Yu. Shugaeva

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. В статье представлены результаты экспериментального исследования структурно-семантической связности стимулирующих реплик и реплик-реакций в диалогическом тексте. Проанализированы различные виды вопросительных высказываний, которые в разной степени содержат стимулирующую потенцию.

Экспериментальное исследование включало информантный анализ на основе методики восстановления разрушенного текста с целью изучения особенностей структурно-семантической связности реплик в зависимости от стимулирующих потенций вопросительного высказывания.

Abstract. The results of the experimental investigation of structural and semantic cohesion of stimulating turns and reaction turns in a dialogue are presented in the article. Various kinds of interrogative utterances which to a different degree contain stimulating potency are considered.

The experimental investigation included informant analysis based on the methodology of reconstruction of the incomplete text to study some peculiarities of structural and semantic cohesion of turns depending on the stimulating potency of the interrogative utterance.

Ключевые слова: диалогический текст, вопросительное высказывание, стимулирующая реплика, реплика-реакция, структурно-семантическая связность.

Keywords: dialogue, interrogative utterance, stimulating turn, reaction turn, structural and semantic cohesion.

Актуальность исследуемой проблемы. Интерес к диалогу вообще и в русском языкознании в частности является закономерным ввиду увеличения его роли в современном мире, а также из-за усиления внимания ученых к проблеме вербальной коммуникации в целом. Особый интерес представляет структурно-семантическая связность реплик в диалоге как основной компонент диалогического взаимодействия.

Материал и методика исследований. В качестве материала для проведения исследования были использованы диалогические отрывки, взятые из драматургических произведений современных русских авторов [2], [3], [4].

Для исследования связности реплик в диалогическом тексте нами были использованы такие методы лингвистического и психолингвистического исследования, как ана-

лиз, синтез, сравнение, сопоставление, а также метод восстановления разрушенного текста, который был проведен с носителями русского языка. Мы сочли возможным приспособить данную методику для изучения диалогического текста. В качестве пропускаемой структуры было взято вопросительное высказывание. В экспериментальном исследовании использовались диалогические отрывки, которые извлекались из драматургических произведений. Каждый отрывок представляет собой диалогический блок, считающийся максимальной текстовой единицей, выделяемой при анализе диалога. Из этого ДБ изымалось вопросительное высказывание, и разрушенный таким образом ДБ предъявлялся информантам для восстановления пропущенных фраз.

Результаты исследований и их обсуждение. Понимание любого текста, в том числе и диалогического, базируется на активной интеллектуальной переработке воспринятого текста. Такая переработка подразумевает членение текста на смысловые отрезки, выделение из общего фона некоторых ключевых для понимания текста элементов. Эти элементы часто называют опорами, поскольку они являются наиболее важными и существенными для понимания смысла высказывания.

В динамическом развертывании диалога принято выделять три находящиеся в иерархической зависимости единицы:

- 1) диалогический блок, который обладает тематической автономностью;
- 2) диалогический шаг, который обладает информативной автономностью;
- 3) высказывание, которое обладает коммуникативной автономностью [7, 19].

Диалогический блок представляет собой тематически однородный отрезок диалога, обладающий автономным смыслом и являющийся максимальной текстовой единицей, выделяемой при анализе диалога.

Минимальной информативной единицей диалогического блока является диалогический шаг. Каждый диалогический шаг содержит новую информацию о решении конкретной коммуникативной задачи, которая является составной частью динамической части развития темы диалога. Взаимодействие высказываний в диалогических шагах регулируется лексико-синтаксическим механизмом реплицирования и, следовательно, может рассматриваться в качестве формально-языковой опоры при понимании. Реплики диалога связаны между собой. Представляется, что связность реплик может быть выявлена на нескольких уровнях, таких как:

- коммуникативная целостность;
- коммуникативная интенция;
- логико-семантическая соотнесенность;
- грамматическая корреляция;
- лексическая корреляция;
- просодическая корреляция [9].

Первые три фактора обязательны, остальные – факультативны. Последние три фактора являются внешними и формально выражающими связь между репликами диалога. К лексическим показателям связности относятся «дословный повтор, синонимические и антонимические виды повтора, транспозитивный повтор, субституция и ряд других» [11]. Они обеспечивают наиболее прочное внешнее сцепление реплик.

Опорным элементом диалогического текста выступает вопросительное высказывание. Это можно объяснить тем, что основной механизм взаимодействия реплик в диалоге выражается в их смене по принципу «стимул – реакция» и вопросительное высказывание является стимулирующим, инициирующим компонентом диалога. Оно содержит запрос

неизвестной информации, желание заполнить информационную лакуну и узнать мнение и отношение собеседника к обсуждаемой теме. Поэтому вопросительные высказывания и считают движущей силой диалогического общения.

Взаимодействие вопросительной (стимулирующей) и ответной (реагирующей) реплик выявляется на нескольких уровнях. Во-первых, она выражается с помощью формальных показателей: фонетических, лексических, грамматических, структурно-синтаксических, которые служат внешними выразителями связности реплик.

Во-вторых, связность реплик проявляется на семантическом уровне, т. е. реплики оказываются связанными общим содержанием, общей темой. Первый говорящий вводит новую тему обсуждения, задает ей определенное направление, второй участник коммуникации подхватывает инициативу своего собеседника, реагирует на представленный в исходной реплике стимул и тем самым развивает данную тему.

Определение семантики вопросительного высказывания зачастую осуществляется через формальное описание вопросно-ответного соответствия. Если слушающий понял вопрос, т. е. осознал, какого рода информацию должен предоставить, то он может правильно построить семантико-синтаксическую структуру ответной реплики.

В-третьих, вопрос и ответ имеют прагматическую связность, которая проявляется в адекватном реагировании на стимул, содержащийся в иницирующей реплике. Это может выражаться в предоставлении в ответной реплике информации, соответствующей иницирующей реплике, либо в осуществлении запрашиваемого действия.

Вопросительные высказывания обычно выполняют функцию запроса информации. Реакция на вопросительное высказывание может быть следующих типов: ответный речевой ход, отказ от ответного речевого хода и невербальное действие. В зависимости от природы факторов, влияющих на механизм порождения ответных реплик, можно выделить два типа диалогических единств: «1) диалогические единства, характеризующиеся большей или меньшей степенью предсказуемости порождения определенных семантико-функциональных типов ответных реплик-высказываний, и 2) диалогические единства, в составе которых ответные реплики-реакции имеют непредсказуемый характер» [5, 24]. Первая группа реплик-реакций включает ответные высказывания, которые являются ответом на реплику-стимул, и поэтому их структура обусловлена этой репликой. Во вторую группу входят ответные реплики, не являющиеся ответом на стимульную реплику, а их появление обусловлено экстралингвистическими факторами.

В нашей работе подвергаются исследованию особенности взаимодействия стимула с реакцией, представленной ответным речевым ходом. Ответный речевой ход может быть представлен двумя большими группами: высказываниями, являющимися ответом на вопрос, и высказываниями, не являющимися ответом на вопрос. Ответом на вопрос считаются высказывания, частично или полностью заполняющие информационную лакуну вопроса. «Отказом от ответа являются высказывания, не заполняющие информационную лакуну, не реализующие интенцию инициатора общения и обладающие низкой кооперативностью» [1]. Порождение подобного рода ответов на заданный стимул происходит под влиянием нелингвистических факторов, в том числе и чисто психологических, индивидуальных, поскольку «участники общения производят не просто обмен информационными сообщениями, но и влияют на собственные взаимоотношения – устанавливают, поддерживают, видоизменяют, разрывают и т. д.» [8, 113]. Как известно, ответ представляет собой деятельность коммуниканта, реагирующего на запрос, и зависит от его интенции и установки, межличностных отношений и обстоятельств коммуникации, общей стратегии его поведения.

Рассмотрим некоторые виды ответов, которые позволяют формализовать семантику вопроса:

- прямой и не прямой ответы. Прямой ответ сам является ответом, не прямой – содержит следствие, которое служит ответом;
- полный и неполный ответы. Один и тот же вопрос в зависимости от ситуации общения может пониматься как требующий полного ответа, и тогда неполный ответ будет квалифицироваться как сокрытие истины, как нарушение правил вежливости и т. д. Существует также ряд вопросов, которые рассчитаны на неполный ответ, поскольку они содержат «подразумеваемый квантор общности» [10, 235];
- ответы на общий, специальный и альтернативный вопросы. Как известно, общие вопросы предполагают «подтверждение или отрицание пропозиционального содержания вопроса, то есть ответов «да» или «нет» (или эквивалентной реплики, повторяющей тему вопроса)» [6, 316]. Специальные вопросы требуют спецификации того частного элемента, который выражен вопросительным местоимением, местоименным словосочетанием, наречием или специальным фразеологизмом с вопросительным значением. К этим двум классам можно добавить также альтернативный (разделительный) вопрос, который в ответе предполагает выбор одной из двух или нескольких альтернатив, представленных в вопросительном высказывании;
- ответы, соблюдающие или не соблюдающие предметную область вопроса. Ответы подобного рода касаются только специальных вопросов. Допустимым является только такой ответ, который соблюдает набор допустимых по смыслу вариантов ответа;
- ответы, соблюдающие и не соблюдающие исходное предположение вопроса. Данные ответы касаются только специальных вопросов. Соблюдение исходного предположения – это соблюдение всех возможных альтернатив;
- ответы информативные и неинформативные для спрашивающего. Ответы могут не удовлетворять спрашивающего, если содержат информацию, которая ему непонятна или недостаточно ясно описана.

Таким образом, если слушающий понял вопрос (т. е. понял, какого именно рода информацию он должен предоставить в ответе) и его интенции и установки направлены на ее предоставление (хотя, может быть, он этой информацией и не располагает), то семантико-синтаксическая структура ответной реплики позволяет с большей или меньшей степенью вероятности определить, какой был задан вопрос: общий, частный или альтернативный.

Однако не всегда ответные реплики позволяют определить языковую форму вопросительного высказывания. Так, ответы «да» или «нет» свидетельствуют только о том, что был задан общий вопрос, однако количество возможных вариантов вопроса настолько велико, что точное определение языковой формы представляется невозможным. Ответ на альтернативный вопрос содержит одну из выбранных альтернатив. Подобный ответ также создает сложности в восстановлении вопроса, поскольку не всегда представляется возможным определение тех альтернатив, которые содержались в вопросе. А вот структурно-семантическая форма частного вопроса может прогнозироваться с достаточной уверенностью, поскольку в ответе содержится спецификация того элемента, который был выражен в вопросе вопросительным местоимением. Поэтому представляется, что структурно-семантическая связность частного вопроса и соответствующего ответа является максимально взаимообусловленной.

В вопросительном высказывании может наблюдаться доминирование стимулирующей потенции. Такое высказывание не имеет контактной связи с предшествующим диалогическим шагом. Оно либо начинает новую тему разговора, либо вводит новую подтему в рамках обсуждаемой темы. Приведем пример (вопрос с доминантой стимула подчеркнут):

(1) Антошин. Кто-то хлопнул дверью.

Женя. Это у тебя галлюцинации. Послушай, какая прекрасная тема. (Подпекает пластинке.)

Антошин. Нет, все-таки ты не в себе. Почему?

Женя. Когда я не в себе, то всегда мажу губы. А сегодня я ненакрашенная.

Антошин. Где же мама?

Женя. Мама ушла.

Антошин. Куда ушла?

Женя. Да ерунда. Мама ушла, и не думай про это. Думай про что-нибудь другое.

Антошин (повышает голос). Ты можешь по-человечески объяснить, что здесь произошло? Ты нервничаешь, двери наши хлопают, мама ушла...

Женя. Да ерунда. Мама ушла к другому [2, 12].

В примере (1) вопросительное высказывание начинает новую тему, т. е. является стимулом для развития беседы. Причем предшествующий диалогический шаг является фоном, поскольку в нем отец и дочь обсуждают странное, по мнению отца, поведение его дочери. Данная информация не имеет контактной связи с вопросом, который вводит новую тему. Вопросительная реплика взаимосвязана, прежде всего, с ответной репликой и с последующим диалогическим шагом, который развивает начатую тему.

Рассмотрим восстановленные информантами варианты вопроса в примере (1). Они представлены в таблице 1.

Таблица 1

- А где мама?	50 %
- Где мама?	10 %
- Почему?	20 %
- А что случилось?	10 %
- Мама в подвале?	10 %

Анализ полученных вариантов вопроса свидетельствуют о том, что пропущенный вопрос восстанавливался как с доминантой стимула, так и с равновесием реакции и стимула. Это объясняется тем, что в данном контексте может быть выделено два возможных направления интерпретации пропущенного вопроса:

1) вопрос вводит новую тему, которая не связана с предшествующим диалогическим шагом, и в таком случае в вопросе доминирует стимул (варианты «А где мама?», «Где мама?», «Мама в подвале?»);

2) вопрос является реакцией на предшествующий диалогический шаг и уточняет его, и тогда в вопросе достаточно равновесно представлены реакция и стимул (варианты «Почему?», «А что случилось?»).

Информанты восстанавливали пропущенный вопрос, выбрав одно из данных направлений интерпретации контекста. Полученные результаты свидетельствуют, что 70 % информантов выбрали первое направление интерпретации контекста, а 30 % ин-

формантов – второе. Данные также показывают, что интерпретация любого диалогического шага проводится с опорой на окружающий контекст. Таким образом, мы можем говорить об относительном доминировании стимулирующей потенции вопросительного высказывания.

Вопросно-ответные единства существуют в диалогическом тексте не изолированно, они вступают во взаимодействие с окружающими вопросно-ответными единствами, предшествующими и последующими. Предшествующий диалогический шаг может быть непосредственно связан с вопросительным высказыванием в том случае, если вопрос является реакцией на него. И в то же время вопрос содержит запрос новой информации, т. е. является стимулом для следующей ответной реплики и тем самым относительно равновесно сочетает в себе реагирующие и стимулирующие потенции. Приведем пример (вопрос с равновесным взаимодействием реакции и стимула подчеркнут):

(2) *Антошин*. У нее зуб на зуб не попадал. Она сказала так... (*Дрожащим голосом.*) «Если бы вы пришли еще на час позже, у меня бы началось крупозное воспаление».

Женя. А ты ей сказал: «Пошли в ресторан!»

Антошин. В ресторан не попадешь. Я ей сказал: «Сейчас купим чего-нибудь покрепче и согреемся!» И мы быстро пошли.

Женя. Куда?

Антошин. В гастроном.

Женя. А после?

Антошин. А после она спросила: «Где мы будем греться? В подворотне?» [2, 45].

В примере (2) вопросительная реплика «Куда?» семантически и структурно связана с предшествующим диалогическим шагом, так как содержит уточнение информации, которая была предъявлена в предшествующей реплике.

Интересным представляется исследование особенностей взаимодействия вопросительного высказывания с предшествующим диалогическим шагом и ответной репликой. Методика проведения исследования была той же самой, что и в примере 1. Рассмотрим полученные результаты.

(3) *Мария Дмитриевна*. Ты уже не хочешь жениться на Гале?

Лукашин. Я встретил другую женщину!

Мария Дмитриевна. Где?

Лукашин. В Ленинграде.

Мария Дмитриевна. Когда?

Лукашин. Сегодня ночью.

Мария Дмитриевна. И потому ты расстаешься с Галей?

Лукашин. Да! [3, 62].

Все информанты восстановили пропущенный вопрос «Где?», и таким образом наблюдается стопроцентное «попадание» вариантов вопроса в авторское вопросительное высказывание. Наличие предшествующего диалогического шага и информативного ответа ограничило поиск вида запроса. Совершенно ясно, что в вопросе содержится запрос о месте знакомства. Параллелизм конструкции двух вопросно-ответных единств, следующих друг за другом, приводит к тому, что все информанты восстановили пропуск в виде короткого вопроса, включающего только одно вопросительное местоимение.

Рассмотрим еще один пример вопросительного высказывания, которое относительно равновесно сочетает в себе реагирующие и стимулирующие потенции.

(4) *Новосельцев (с вызовом)*. Мне не тяжело. Я сильный. (*Вежливо.*) Как вы провели вчерашний вечер после моего ухода?

Калугина (в тон). Очень хорошо, благодарю вас. Мне позвонил мой приятель и заехал за мной на собственной машине.

Новосельцев. А какая у него машина?

Калугина. Новая «Волга» [4, 156].

Варианты вопроса, восстановленные информантами, представлены в таблице 2.

Таблица 2

- На какой машине?	60 %
- На какой же?	20 %
- На какой?	20 %

Как видно из полученных вариантов вопроса, их грамматическая форма не соответствует форме ответной реплики. Восстановленные вопросы соответствуют форме предшествующей реплики «на собственной машине», которая непосредственно предшествует вопросу. Устное диалогическое общение позволяет такое несоответствие, поскольку ответ «Новая «Волга»» вполне удовлетворяет запрос. Даже если нарушается языковая форма, смысловая связь сохраняется, и такая языковая форма становится приемлемой. Хотя мы не наблюдаем структурно-семантической взаимосвязанности вопроса и ответа, однако данные варианты вопроса в этом диалогическом отрывке вполне приемлемы. Варианты не являются максимально успешными, но отражают прагматическую связанность реплик.

Можно предположить, что для вопроса, носящего уточняющий характер, важен не только предшествующий диалогический шаг, но и языковая форма его выражения. Форма вопроса подобного рода часто является зеркальным отражением той формы, которая предшествовала ему. Уточняющий вопрос в большей степени является реакцией, чем стимулом, и поэтому в центре внимания информантов находится содержание запроса, а не форма его выражения.

Для проверки данного вывода было проведено дополнительное исследование. Из этого же диалогического блока был вырезано интересное нас вопросно-ответное единство. Было пропущено это же вопросительное высказывание, оставлен только ответ. Данный экспериментальный отрывок был предъявлен 5 информантам, ранее не работавшим с этим отрывком. Рассмотрим восстановленные варианты вопроса:

(5) *Новосельцев*. _____

Калугина. Новая «Волга».

Варианты вопроса, восстановленные информантами, представлены в таблице 3.

Таблица 3

- Какая машина?	60 %
- Какая у тебя машина?	20 %
- Какая?	20 %

Полученные варианты вопроса свидетельствуют, что в случае исключения предшествующего диалогического шага информант ориентируется при восстановлении пропуска только на ответ. Поэтому в центре внимания находятся как содержание запроса, так и языковая форма его выражения. Полученные варианты показывают, что информанты

восстанавливают пропущенный вопрос в той грамматической форме, которая соответствует ответу. Следовательно, можно сказать, что произошло улучшение вариантов вопроса в плане его синтаксического оформления. Информанты восстановили грамматически более корректный вопрос. Но все-таки они не поняли, что речь идет о третьем лице. Кстати, исключение предконтекста не привело к общему улучшению восстановления пропущенного вопроса. Таким образом, можно отметить, что, когда мы полностью исключаем предшествующий диалогический шаг, наблюдается непонимание вопроса.

Резюме. Итак, можно сделать вывод, что взаимодействие иницирующей реплики и реплики-реакции может проявляться на нескольких уровнях, одним из которых является структурно-семантическая связность вышеназванных реплик. Вопросительные высказывания, в которых доминирует стимулирующая потенция, связаны в первую очередь с ответной репликой и с последующим диалогическим шагом. Притом предшествующий диалогический шаг служит скорее фоном для ее языкового формирования. Предшествующий диалогический шаг может оказывать большое влияние на связность иницирующей реплики и реплики-реакции и даже приводить к ее нарушению. Особенно это может проявляться в вопросительных высказываниях, которые сочетают в себе иницирующую и реактивную потенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белецкая, О. Д. Когнитивно-коммуникативная интерпретация вопросно-ответных единств : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. Д. Белецкая. – Тверь, 1999. – 19 с.
2. Брагинский, Э. В. Игра воображения / Э. В. Брагинский // Игра воображения. Комната. – М. : Искусство, 1982. – С. 3–74.
3. Брагинский, Э. В. Ирония судьбы, или с легким паром / Э. В. Брагинский, Э. А. Рязанов // Ирония судьбы, или с легким паром. – М. : Советский писатель, 1983. – С. 5–64.
4. Брагинский, Э. В. Сослуживцы / Э. В. Брагинский, Э. А. Рязанов // Ирония судьбы, или с легким паром. – М. : Советский писатель, 1983. – С. 127–190.
5. Бузаров, В. В. Круговорот диалогической речи, или взаимодействие грамматики говорящего и слушающего / В. В. Бузаров. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2001. – 167 с.
6. Булыгина, Т. В. Диалогические функции некоторых типов вопросительных предложений / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – Т. 41. – № 4. – 1982. – С. 314–326.
7. Кормилина, Н. В. Роль коммуникативных опор в понимании драматургического диалога : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. В. Кормилина. – Ульяновск, 2004. – 26 с.
8. Курьян, М. Л. Функционирование стратегии обращения в дружеской межличностной коммуникации / М. Л. Курьян // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2013. – № 1 (77). – С. 112–118.
9. Михайлов, Л. М. Коммуникативная грамматика немецкого языка : учеб. для институтов и факультетов иностр. яз. / Л. М. Михайлов. – М. : Высшая школа, 1994. – 256 с.
10. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) / Е. В. Падучева. – М. : Наука, 1985. – 271 с.
11. Цирельсон, Н. Ю. Взаимодействие иницирующих реплик и реплик-реакций в диалоге (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. Ю. Цирельсон. – М., 2002. – 20 с.

УДК 81'33, 81'42

ДИСКУРСИВНЫЙ МАРКЕР *LIKE* В МОЛОДЕЖНОМ ОНЛАЙН-ДИСКУРСЕ

DISCOURSE MARKER *LIKE* IN ONLINE YOUTH COMMUNICATION

Е. М. Мурашковская

E. M. Murashkovskaya

ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова», г. Москва

Аннотация. Целью исследования является определение функций дискурсивного маркера *like* в онлайн-дискурсе на аутентичном языковом материале, а именно в высказываниях носителей английского языка в возрасте 16–23 лет на англоязычных форумах, в блогах и социальных сетях. Богатый материал исследования позволяет выделить следующие функции этого дискурсивного маркера: 1) заполнение паузы-хезитации; 2) акцентирование внимания на информации; 3) «смягчение»; 4) переход к новой теме; 5) комментирование информации; 6) выражение понимания/непонимания, симпатии и других чувств; 7) уточнение информации. В работе также доказана полифункциональность дискурсивного маркера *like* в молодежном онлайн-дискурсе.

Abstract. The paper focuses on identifying the functions of discourse marker *like* in the online youth communication based on authentic linguistic material, namely utterances of English-speaking teenagers and young adults aged 16 – 23 taken from forums, blogs and social networking sites. The following functions of this discourse marker are revealed: 1) filling in hesitation pauses; 2) emphasizing; 3) «softening», 4) switching to a new topic. 5) commenting on the information, 6) expressing comprehension/incomprehension, liking and other feelings, 7) asking for clarification. Thus, multifunctioning of the discourse marker *like* is proved and illustrated.

Ключевые слова: анализ дискурса, онлайн-дискурс, молодежная коммуникация, дискурсивный маркер, *like*, функции.

Keywords: discourse analysis, online discourse, youth communication, discourse marker, *like*, functions.

Актуальность исследуемой проблемы. В условиях ускоряющегося научно-технического прогресса, глобализации и постоянных перемен в социальной и экономической сферах жизни стремительно развивается новый вид человеческого общения – *онлайн-коммуникация*.

Онлайновую коммуникацию можно определить как любое общение в компьютерных сетях, осуществляемое посредством информационно-коммуникационных ресурсов Интернета.

Теперь, когда в большинстве стран мира существует открытый доступ в Интернет, коммуникация вышла на новый уровень и приобрела большой потенциал для теоретических и прагматических лингвистических исследований. «Язык – средство общения между людьми, и он неразрывно связан с жизнью и развитием того речевого коллектива, который

им пользуется как средством общения» [7, 23]. Следовательно, можно утверждать, что язык виртуальной коммуникации как новой сферы человеческого общения обладает «принципиально новыми структурными, стилистическими и графическими свойствами» [6, 261].

«Так как эта интеракция происходит онлайн посредством информационно-коммуникационных технологий, на речь устанавливаются определенные ограничения, происходит своеобразная оптимизация речи к условиям онлайн-общения, которая сопровождается определенным выбором языковых единиц, их сочетаемостью, сокращением длины высказываний, что обусловлено экономией речевых усилий» [5, 124–125]. Принцип экономии в языке был сформулирован французским лингвистом А. Мартине, который пишет: «Термин „экономика“ включает все: и ликвидацию бесполезных различий, и появление новых различий, и сохранение существующего положения. Лингвистическая экономия – это синтез действующих сил» [4, 130]. При этом принцип экономии проявляется на всех уровнях языка. «Результат проявления принципа экономии на разных уровнях всегда один и тот же: это сокращение речевой цепи, а следовательно, и экономия усилий и времени» [1, 138]. Экономия времени чрезвычайно важна для виртуальной коммуникации, где обмен репликами происходит молниеносно.

Исследование *дискурсивных маркеров* англоязычной онлайн-молодежной коммуникации (в этом исследовании – это коммуникация, осуществляемая исключительно носителями английского языка в возрасте от 16 до 23 лет – пользователями таких коммуникационных ресурсов Интернета, как аутентичные форумы, блоги и социальные сети) лежит в области популярного сегодня *анализа дискурса*. Определение дискурсивных маркеров, взятое за основу в данном исследовании, сформулировано А. А. Кибриком так: дискурсивные маркеры – слова или словосочетания, кодирующие значения, отличные от пропозиционального содержания (или от истинностной оценки) [2, 3]. Преимущество данного определения – указание на собственное значение дискурсивных маркеров и на то, что это значение отличается от содержания самого высказывания. При этом не уточняется, в чем именно заключено смысловое отличие высказывания и маркера, поскольку дискурсивные маркеры способны выполнять несколько различных функций, что обусловлено разнообразными параметрами их употребления (этот факт подтверждают многочисленные исследования таких западных специалистов, как Д. Шифрин [10], В. Фрайзер [9]). Следует также отметить, что описание дискурсивных маркеров «обычно требует рассмотрения значительно более „длинных“ контекстов, чем в случае других единиц» [3, 10], и сбора большого количества примеров, иллюстрирующих те или иные особенности их функционирования.

Материал и методика исследований. Объектом настоящего исследования является англоязычная онлайн-молодежная коммуникация, осуществляемая исключительно носителями языка, а источниками исследования – такие коммуникационные ресурсы, как аутентичные форумы, чаты, блоги и социальные сети. Мы рассмотрели относительно новое явление, встречающееся в англоязычной молодежной коммуникации, – слово *like*.

В ходе исследования были использованы следующие методы:

1) описательный, состоящий из этапов:

а) сбора большого количества примеров употребления дискурсивного маркера *like* в коммуникативных ресурсах Интернета;

б) наблюдения и выявления различных особенностей, проявляемых указанным дискурсивным маркером в собранных примерах;

в) классификации данных примеров соответственно функциям, выполняемым дискурсивным маркером *like*;

- г) обобщения по данным примерам;
- д) выводов, представленных в виде таблицы;

2) метод контекстуально-прагматической интерпретации при рассмотрении ситуации употребления дискурсивного маркера *like*, связанной с местом, временем, тематикой и участниками общения;

3) метод контекстуального анализа, раскрывающий особенности функционирования дискурсивного маркера *like* в онлайн-молодежной коммуникации.

Результаты исследований и их обсуждение. Дискурсивный маркер *like* является одним из самых сложных из-за большого количества функций самого слова *like*. Помимо того, что *like* выступает как дискурсивный маркер, его можно использовать в качестве предлога, как это показано в примере (1), имени прилагательного (2), союза (3), наречия (4), имени существительного (5), глагола (6) и суффикса (7).

(1) He was *like* a son to me.

(2) Cooking, ironing and *like* chores.

(3) Nobody can sing that song *like* he did.

(4) It's nothing *like* as nice as their previous house!

(5) Scenes of unrest the *like(s)* of which had never been seen before in the city.

(6) I *like* chocolate very much.

(7) He said I went "(mumbling)" or something *like* stroke-*like*. (Важно заметить, что в работе сохранена исходная орфография и грамматика всех высказываний).

Важным фактором для изучения маркера *like* является возраст людей, употребляющих его. Поскольку сферой изучения дискурсивных маркеров в данном исследовании является онлайн-коммуникация: форумы, блоги, социальные сети и чаты, – возраст отобранных «испытуемых» колеблется от 16 до 23 лет. Речь этой возрастной группы довольно разнообразна и зависит от многих факторов: степени образованности, социального статуса, места, которое подросток занимает в так называемой «компании», и характера самой «компании».

Однако интересен и тот факт, что дискурсивный маркер *like* в 73 % случаев употребляется людьми только вышеуказанной возрастной группы [8]. Это дает нам основание говорить, что *like* несомненно считается одним из важных дискурсивных маркеров молодежной коммуникации как в устном, так и в онлайн-дискурсе.

Очевидно, что дискурсивные маркеры обладают рядом функций, причем один маркер может иметь сразу несколько функций, проявление которых обусловлено контекстом. В связи с этим необходимым представляется рассмотреть те функции, которыми обладает дискурсивный маркер *like* в онлайн-молодежной коммуникации.

Дискурсивный маркер *like* встречается как на текстовом, так и на межличностном уровнях дискурса. На текстовом уровне такие маркеры регулируют поток информации, а на межличностном уровне – взаимоотношения участников общения.

Сначала рассмотрим те функции, которые дискурсивный маркер *like* выполняет на текстовом уровне в онлайн-молодежной коммуникации.

(8) So... *like* if I want to be cool and trendy should I use them?

Пример (8) был взят из чата, где общение происходит в быстром темпе, люди обмениваются репликами в течение нескольких секунд и, значит, не имеют возможности долго подбирать нужные слова. В таком случае дискурсивный маркер *like* выступает как средство заполнения паузы, нужной для более четкого формулирования высказывания, регулируя поток информации, которую автор высказывания хочет передать собеседнику.

Интересно заметить, что в данном случае тот, кто выразил свое мнение в этом примере, заполнил паузу не только маркером *like*, но и добавлением многоточия, употребление которого в такой позиции не характерно для английского языка. Случаев употребления дискурсивного маркера *like* с этой функцией множество (23 % от собранного в ходе исследования материала), что, к сожалению, указывает на тенденцию неумения подростков выражать свои мысли быстро и четко.

В устном дискурсе можно встретить маркер *like*, используемый при так называемом фальстарте, т. е. когда в ходе передачи информации участник дискурса решает высказаться по-другому и начинает мысль заново:

(9) I'll go to *like* – I'd rather go to the ball with Linda and dance, then waste my time with Jane.

Однако в такой функции *like* не встречается в онлайн-коммуникации. Причиной этого является тот факт, что в ходе написания сообщения автор высказывания всегда может воспользоваться опцией «стереть» или «удалить».

(10) I met her in September an' it was *like* the best time of my life, *u no*.

В примере (10) можно увидеть еще одну текстовую функцию дискурсивного маркера *like*. Здесь он употребляется с целью акцентировать внимание собеседника на последующей информации, которая особенно важна с точки зрения отправителя сообщения.

Стоит отметить, что *u no* в данном случае обозначает *you know*; такое сокращение, целью которого является экономия времени и усилий, встречается в онлайн-коммуникации довольно часто. Оно также характерно для мобильной коммуникации подростков, т. е. для написания текстовых сообщений sms, где таким путем экономится не только время, но и деньги.

Дискурсивный маркер *like* может также выступать в роли так называемого «смягчителя» информации/оценки. Приведем несколько примеров, в которых проявляется данная функция:

(11) She is *like* not that smart.

(12) He was *like* really handsome and I was *like* looking *like* stupid standing there and *like* watching him.

Следует заметить, что в случаях употребления *like* в значении «смягчителя» после дискурсивного маркера чаще всего стоит прилагательное (в представленных примерах это *smart*, *handsome*, *stupid*), дающее как положительную, так и отрицательную оценку какому-либо предмету или живому существу. При этом маркер *like* направлен на смягчение именно этой оценки и регулирует поток информации, которую передает автор.

Встречаются также случаи, в которых дискурсивный маркер *like* употребляется с целью начать новую тему, предоставить собеседнику обновленную или добавочную информацию.

(13) A: So, they went abroad for five weeks an' that's awesome. It's gonna be my best holidays, *u know*.

B: *Like*, my neighbors and I got on fire.

A: Again? No way.

В примере (13) очевидно, что участник дискурса переводит разговор с темы каникул друга на свою ссору с соседями, никак при этом не комментируя высказывание собеседника. Важно заметить, что такой переход от одной темы к другой был совершен почти в начале дискурса, что говорит о том, что собеседнику [B] непременно хотелось поделиться своими переживаниями по поводу проблемы. В данном случае употребление *like*

предвосхищает переход на новую тему, делая его не столь заметным и обидным для собеседника [А], который реагирует незамедлительно. Таким образом, используя дискурсивный маркер *like*, собеседник [В] явно регулирует поток информации, задавая новую тему для общения.

Дискурсивный маркер *like* с такой функцией встречается нечасто и занимает преимущественно начальную позицию в предложении. Это объясняется тем, что *like* не самый подходящий для ввода новой темы или информации дискурсивный маркер. Несмотря на то, что коммуникативная цель в примере (13) была достигнута, собеседника [В] могли посчитать грубым и эгоистичным. Важно помнить, что использование *like* в такой функции будет в большей степени зависеть от характера отношений между участниками *дискурса*.

Like как дискурсивный маркер также имеет ряд функций и на межличностном уровне общения. Он может использоваться для комментирования информации, выражения понимания этой информации и чувств, которые она вызывает.

(14) A: There was some food.

B: *Like* you were eating cereal all the time?

A: No, there were some hotdogs on Fridays.

В примере (14) собеседник [В] использует *like*, чтобы уточнить, правильно ли он понял информацию. При этом этот маркер позволяет создать вопросительную интонацию в предложении, что оправдывает постановку вопросительного знака.

(15) A: It really hurts so much.

B: *Like* I know what you mean.

Дискурсивный маркер *like* употребляется для выражения симпатии к собеседнику и согласия с его точкой зрения, как это показано в примере (15).

На межличностном уровне дискурсивный маркер *like* (впрочем, как и другие маркеры) помогает участникам дискурса регулировать свое взаимодействие, в связи с этим общение, лишенное дискурсивных маркеров, выглядит неестественным, странным и даже недружелюбным [9].

Однако стоит заметить, что один и тот же маркер может иметь сразу несколько функций в различных контекстах. Рассмотрим пример полифункциональности дискурсивного маркера *like* в молодежной онлайн-коммуникации на текстовом уровне:

(16) Britney was *like*... being weird today. Did you notice that?

В примере (16) дискурсивный маркер *like* имеет две функции. С одной стороны, он заполняет гезитационную паузу, с другой стороны, выступает в роли «смягчителя». Отправитель сообщения пытается подобрать нужные слова, чтобы лучше выразить свои эмоции, одновременно он хочет заранее смягчить свое высказывание. Дело в том, что сообщение взято из темы на музыкальном форуме, посвященной Бритни Спирс, и люди, высказывающиеся в данной рубрике, являются фанатами певицы. Очевидно, отправитель сообщения не мог позволить себе высказаться критически по отношению к Бритни, поэтому он сразу попытался придать характеристике певицы смягченный вид, еще не придумав саму характеристику.

Таким образом, функциональные особенности дискурсивного маркера *like* можно представить в виде таблицы. В таблице 1 можно увидеть уровни употребления дискурсивного маркера *like* (текстовый и межличностный), функции, соответствующие определенному уровню, и способность данного маркера регулировать либо поток информации, либо взаимодействие участников дискурса.

Функции дискурсивного маркера *like* в молодежном онлайн-дискурсе

Уровень употребления	Функции
Текстовый уровень (соотносится с планом содержания)	- заполнение паузы-хезитации; - акцентирование внимания на информации; - «смягчение»; - переход к новой теме
Межличностный уровень (соотносится с планом выражения)	- комментирование информации; - выражение понимания/непонимания, симпатии и других чувств; - уточнение информации

Такое многообразие функций дискурсивного маркера *like* обусловлено множеством речевых ситуаций его употребления и экстралингвистических факторов.

Резюме. Как было отмечено выше, употребление *like* во многом зависит от возраста участников дискурса, огромную роль при этом играют тема общения и общий уровень грамотности и образованности собеседников.

Дискурсивный маркер *like* является одной из самых сложных и одновременно интересных для изучения единиц дискурса. Многие исследователи посвятили свои работы анализу функций данного маркера, его позиции в предложении, частотности его употребления и роли в современном дискурсе. Однако употребление *like* меняется со временем, дискурсивный маркер приобретает одни функции и теряет другие, при этом иногда становится сложным выявить саму причину его употребления в отдельных высказываниях.

Все это и составляет огромный потенциал дискурсивного маркера *like*, расширяет и углубляет сферу его исследования, ставит новые цели перед учеными-лингвистами и повышает интерес к анализу данного дискурса в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головач, О. А. Принцип экономии в лингвистике / О. А. Головач // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2011. – № 3 (17). – С. 137–139.
2. Кибрик, А. А. Лекция «Дискурсивные маркеры» 2009 г. / А. А. Кибрик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/courses/discourse/New/14-discourse-markers.pps>
3. Киселева К. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / К. Киселева, Д. Пайара. – М. : Метатекст, 1998. – 447 с.
4. Мартине, А. Основы общей лингвистики / А. Мартине // Новое в лингвистике. Выпуск 3. – М. : Прогресс, 1963. – С. 366–566.
5. Мурашкова, Е. М. Тема-рематические отношения в молодежной онлайн-коммуникации (на материале английского языка) / Е. М. Мурашкова // Вестник Московского университета. Серия 19 : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 1. – С. 124–131.
6. Сигарева, Н. В. Особенности речевой деятельности в виртуальном пространстве / Н. В. Сигарева // Studia Linguistica. Язык и текст в проблемном поле гуманитарных наук : сб. науч. тр. – СПб. : Политехника-сервис, 2008. – № 17. – С. 261–266.
7. Тер-Минасова, С. Г. «Мысль изреченная есть ложь...» / С. Г. Тер-Минасова // Ценности и смыслы. – 2012. – № 1 (17). – С. 22–33.
8. Corpus of Contemporary American English (COCA) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://corpus.byu.edu/coca/>
9. Fraser, B. Types of English Discourse Markers / B. Fraser // Acta Linguistica Hungaria. – 1988. – № 38. – P. 19–33.
10. Schiffrin, D. Discourse Markers: Language, Meaning, and Context. – Handbook of Discourse Analysis / Edited by D. Schiffrin, D. Tannen, and H. E. Hamilton. – Oxford : Blackwell publishers, 2001. – P. 54–75.

УДК 81.111'42

**ДИСКУРСИВНЫЕ СЛОВА И ОСОБЕННОСТИ ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
В СРЕДНЕАНГЛИЙСКОМ ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

**DISCOURSE MARKERS AND PECULIARITIES OF THEIR FUNCTIONING
IN THE MIDDLE ENGLISH DIALOGIC DISCOURSE**

Е. В. Николаева

E. V. Nikolaeva

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. Данная работа посвящена особенностям функционирования речевых элементов языка в диалогическом дискурсе среднеанглийского периода. В работе показано, что дискурсивные слова способны интерпретировать содержание как входящих в состав высказывания компонентов, так и высказывание в целом, то есть эксплицитно или имплицитно выражать реакцию говорящего на текущую ситуацию.

Abstract. The article is devoted to peculiarities of discourse markers functioning in the Middle English dialogic discourse. Discourse markers are components of the utterance connected with the speaking subject who is presented in the utterance as a speaker, the subject of awareness and intellect, a representative of some epoch and culture. The paper has revealed the ability of discourse markers to interpret the content of the components included into the utterance as well as the whole utterance that is show the speaker's attitude towards the current situation explicitly or implicitly.

Ключевые слова: *дискурсивные слова, функции дискурсивных слов, среднеанглийский диалогический дискурс, языковая личность.*

Keywords: *discourse markers, functions of discourse markers, Middle English dialogic discourse, language personality.*

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность разрабатываемой проблематики определяется ее связью с антропоцентризмом, а также отсутствием описания механизмов взаимосвязи и взаимодействия рассматриваемых языковых единиц в дискурсе, их связи с ментальными состояниями субъекта речи и значений в различных видах коммуникативного взаимодействия. Актуальным следует считать также рассмотрение функционирования данных языковых единиц в диалогическом дискурсе в историческом аспекте, что позволяет описать становление этого явления в период интенсивного формирования английской национальной языковой нормы.

Проблемы, связанные с функционированием тех или иных дискурсивных слов, представлены в работах А. Н. Васильевой, Г. Е. Крейдлина, В. В. Виноградова, Т. М. Николаевой, И. М. Кобозевой, Е. А. Стародумовой, Т. П. Третьяковой, Т. В. Маркеловой, С. В. Кодзасова, И. Б. Левонтиной, Н. А. Емельяновой, А. А. Шахматова, Н. Ю. Шведовой и многих других исследователей.

Материал и методика исследований. Материалом для исследования послужили художественные произведения авторов среднеанглийского периода. Решение поставленных задач обеспечивается применением комплексной методики интерпретативного анализа, включающей приемы лингвистического наблюдения, сопоставления, обобщения, дефиниционного анализа, контекстуального толкования.

Результаты исследований и их обсуждение. Дискурсивные слова – это компоненты высказывания, непосредственно связанные с порождающим их субъектом, который представлен в высказывании одновременно в качестве субъекта речи, субъекта сознания и мышления, представителя определенной эпохи и культуры. В настоящее время отмечается повышенный интерес к дискурсивным словам в исследованиях различных языков. В большей степени это связано с тем, что антропоцентрический подход в первую очередь направлен на изучение мира субъективного, ментального опыта человека [9, 162].

Общепризнанным в лингвистике является тот факт, что из всех существующих классов слов дискурсивные слова являются самым неоднородным по составу классом. В современной лингвистике до сих пор нет единого мнения о корпусе дискурсивных слов, определении их статуса и функций в силу их лексической отвлеченности, грамматической многомерности и коммуникативной многофункциональности. В современной лингвистической литературе к ним относят частицы, вводные слова, союзы, междометия, стереотипные высказывания и пр. и обозначают их как дискурсивные маркеры, дискурсивные частицы, дискурсивные коннективы, прагматические частицы, прагматические маркеры, коммуникемы и др.

Выделяют несколько основных подходов к изучению данного класса языковых единиц: семантический, прагматический, функциональный, коммуникативный, текстовый, стилистический.

В рамках семантического подхода рассматривается вопрос о наличии или отсутствии у данных языковых единиц лексического значения. Отсутствие номинативной функции у дискурсивных слов обусловило формирование точки зрения, согласно которой эти единицы лишены лексического значения и им присуще только значение грамматическое (см. работы И. И. Мещанинова, А. М. Пешковского, А. А. Потебни, В. В. Виноградова, А. А. Шахматова).

К. Л. Киселева и Д. Пайар вводят понятие дискурсивной семантики и считают, что дискурсивные слова являются языковыми единицами, которые придают особый дискурсивный статус некоторому фрагменту дискурсивной последовательности, составляющему сферу действия дискурсивного слова [4, 9].

В настоящее время существует значительное количество работ, авторы которых полагают, что дискурсивные слова обладают обобщенным значением – значением релевантности, но каждая отдельно взятая языковая единица специфична, и это проявляется в определенном окружении в конкретном высказывании [4], [5]. Данная особенность обусловила появление различных критериев, положенных в основу их изучения: исследуется либо отдельный тип дискурсивных слов, либо отдельная конкретная языковая единица.

Так, исследуя функции частиц в высказывании, Т. М. Николаева ввела понятие скрытой семантики. Автор предлагает учитывать 6 параметров для раскрытия семантики этих языковых единиц: 1) определение отношения говорящего к сообщаемому; 2) сообщение и норма; 3) сообщаемое и генерализация; 4) внесение характеристик в основную ситуацию; 5) выявление других объективных факторов; 6) сообщение об отношении высказывания к контексту [8, 84].

Прагматический подход к изучению данного класса языковых явлений возник сравнительно недавно. Необходимость этого подхода вызвана тем, что коммуникативная цель высказывания не всегда может быть достигнута без введения в высказывание разного рода дискурсивных слов. Прагматика рассматривает дискурсивные слова как единицы, которые актуализируют прагматическое значение высказывания. В рамках этого подхода к изучению данных единиц подчеркивается их роль в организации высказывания, функции в передаче коммуникативных характеристик сообщения. Последователи прагматического подхода отмечают, что индивидуальная специфика дискурсивных слов заключается только в их прагматических особенностях. В этой связи исследователи полагают, что именно прагматическое значение и составляет содержание дискурсивных слов [11]. Учеными была выдвинута мысль о том, что основная прагматическая функция дискурсивных слов состоит в их способности отражать отношение к организации процесса коммуникативного воздействия, играть роль прагматически оценочного координатора, задающего прескрипционно выражаемую ситуативную оценку. В рамках этой функции выделяют несколько частных функций, которым соответствуют значения, формирующие скрытую семантику дискурсивных слов: создание определенной атмосферы разговора; установление контакта и привлечение внимания адресата, поддержание контакта; оказание воздействия на ход разговора; компенсация нарушения говорящим принципа кооперации; указание адресату на нарушение им условий успешности речевого акта или принципа кооперации.

Обращаясь к коммуникативной функции дискурсивных слов, ученые предлагают разделить термин «коммуникативный» на две составляющие – иллокутивную и динамическую [11, 30]. Соответственно различают две коммуникативные функции дискурсивных слов: коммуникативно-прагматическую и коммуникативно-синтаксическую. Суть коммуникативно-синтаксической функции заключается в том, что дискурсивные слова участвуют в формировании коммуникативной структуры высказывания, а именно в его тема-рематическом членении. Ряд исследователей отмечают, что, например, частицы являются одним из основных средств выражения актуального членения. Частица указывает на тот или иной компонент высказывания, выделяет его и сосредоточивает на нем внимание собеседника. Большая часть частиц выполняет функцию актуализации, выделения смысловых компонентов высказывания и тематического единства, но осуществляют они эту функцию по-разному: одни указывают на тему и ремю в высказывании, другие всегда выделяют или тему, или ремю [6].

В рамках стилистического подхода исследователи выделяют следующие оппозиции: разговорная речь – кодифицированный литературный язык; диалогическая речь – монологическая речь; монологическая письменная речь – разные функциональные стили и типы речи.

Особенности употребления отдельных дискурсивных слов в разговорной речи были описаны еще в середине прошлого века. Так, А. Н. Васильева отмечает, что «они играют большую роль, создавая особый колорит непосредственности, оживления и выразительности» [2, 3].

Исследователи, разрабатывающие функциональный подход, постулируют положение о том, что класс дискурсивных слов – это, прежде всего, класс функциональный. Их непосредственная функция в дискурсе заключается в том, что, «с одной стороны, они обеспечивают связность текста и, с другой стороны, самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, позицию

говорящего: то, как говорящий интерпретирует факты, о которых он сообщает слушающему, как он их оценивает с точки зрения важности, правдоподобности, вероятности и пр.» [1, 5].

В основе данного подхода лежит идея варьирования смысла, передаваемого дискурсивными словами под влиянием факторов контекста и интенции отправителя информации. Дискурсивные слова управляют процессом коммуникативного воздействия, определяя последовательность прочтения речевого высказывания тем, что выражают мнения, соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего.

Последователи текстового подхода рассматривают семантику дискурсивных слов с точки зрения их текстовых функций, т. е. как специфические средства межфразовой связи [3], [7], [11]. Высказывания с дискурсивными словами могут рассматриваться как фразы, содержащие коннектор (единицу, которая используется для раскрытия коммуникативно-функционального шага или действия, являющегося основой для появления ответного шага или действия со стороны адресата). Коннектор указывает на связь данной ситуации с более широким событийным окружением. В самом общем виде текстовая функция дискурсивных слов определяется как анафорическая или катафорическая. Это положение дало основание рассматривать дискурсивные слова в качестве метатекстовых элементов. Заметим, что когда говорящий использует в дискурсе метатекстовые единицы, он вкладывает в них гораздо большее содержание, чем сумма лексических значений фразовых составляющих. Например, дискурсивная фраза *you know* имплицитно подразумевает следующее: *Вы понимаете, что я, возможно, выражаю мысль недостаточно ясно, но вы, безусловно, знаете, что я имею в виду...*, а дискурсивные операторы *sort of*, *kind of* включают субъектный смысл: *Прошу извинить меня за использование, быть может, не самого точного слова...* [3, 72].

В «Словаре структурных слов» под редакцией В. В. Морковкина дискурсивные слова как средства текстовой связи рассматриваются в качестве группы структурных слов. Структурными авторами словаря называют такие слова, которые формируют реляционную, синтаксическую и модальную структуру текста. Ядро категории структурных слов составляют служебные слова (предлоги, частицы, союзы), которые объединены тем, что отражают область основных языковых и внеязыковых отношений, в том числе синтаксических (предлоги, союзы, связочные и полусвязочные глаголы, связки), модальных (частицы, вводные слова), указательных (местоимения, некоторые частицы), эмоциональных, эмоционально-волевых, этикетных (междометия) и других отношений [10, 6].

Применительно к настоящей работе наиболее актуальным является прагматический подход в рассмотрении дискурсивных слов, так как под искомыми словами понимаются единицы языка/речи, которые отражают процесс речевого взаимодействия говорящего и слушающего, эксплицитно управляют процессом общения, служат для выражения субъективного отношения говорящего к сообщаемому, организуют и направляют ход коммуникации, обеспечивают ее успешность. Следует заметить, что в среднеанглийском диалогическом дискурсе функционируют такие дискурсивные слова, как частицы, междометия, вводные слова, союзы, предлоги, различные стереотипные высказывания [7, 19]. Эти языковые единицы идентифицируют присутствие субъекта речи в текущей ситуации, его отношение к сообщаемому, выражают самые разнообразные рациональные, логические, эмоциональные, межсубъектные и др. состояния и отноше-

ния. Они «нагружены» интерпретативным смыслом, передаваемым ими имплицитно в виде пресуппозиций и импликаций. Обладая достаточно «бедным» лексическим значением, они передают чрезвычайно «богатую», содержательную информацию и разнообразные прагматические смыслы: модальные, оценочные, выделительные, усилительные, экспрессивные, метатекстовые и др. Например:

1) 400: *"If no loue is, O god, what fele I so?/401: And if loue is, what thing and which is he? (Troilus and Criseyde).* – Если нет любви, о Господи, что тогда я чувствую? Если любовь есть, то что и кто это?

В этом фрагменте дискурсивная единица *O god*, представляющая собой стереотипное высказывание, передает прагматический смысл отчаяния говорящего, а дискурсивное слово *and* осуществляет текстовую когезию.

2) *"Goddot!" quath Grim, "this ure eir, / That shal louerd of Denemark! (Havelok the Dane).* – Господи, это наш наследник, который станет правителем Дании!

В данном примере стереотипное высказывание *Goddot* актуализирует радость субъекта речи – рыбака Грима, а дискурсивная единица, выраженная союзом *That*, осуществляет метатекстовую функцию пояснения. Однако в реплике его супруги стереотипное высказывание предстает как маркер, вербализующий помимо радости еще и чувство облегчения:

"Goddoth!" quath Leve, "I shal thee fete /Bred an chese, butere and milk, Pastees and flaunes - al with swilk / Shole we sone thee wel fede, / Louerd, in this mikel need (Havelok the Dane). – Господи! Я накормлю тебя хлебом и сыром, маслом и молоком, пирогами с мясом и сырными пирогами и всем тому подобным, вскоре мы тебя хорошо (досыта) накормим, господин, утолим эту великую нужду.

3) 517: *Now, thanked be god, he may gon in the daunce / 518: Of hem that loue list fiebli for to auaunce (Troilus and Criseyde).* – А теперь, слава Господу, он может ходить в унынии оттого, что любовь посмеялась над ним.

В последнем примере *Now* обладает метатекстовым смыслом, с одной стороны, так как организует композицию высказывания, и модальным – с другой, поскольку акцентирует внимание на происходящем. А стереотипное высказывание *thanked be god* вербализирует злорадство говорящего.

Таким образом, исследуемые единицы языка отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, показывают, как говорящий интерпретирует факты, о которых он сообщает слушающему.

Дискурсивные слова являются классом слов с уникальными формальными и прагматическими возможностями. Например, междометия как дискурсивные элементы языка составляют его живой и богатый пласт для непосредственного эмоционального выражения переживаний, ощущений, аффектов, волевых изъявлений [12, 159]. Они являются элементами, функционирующими в качестве сигналов для слушателя, облегчающими интерпретацию высказывания на базе различных контекстуальных подсказок. При этом особенностью функционирования исследуемых единиц языка, как показывает материал исследования, является тот факт, что одни и те же единицы могут выражать совершенно разные оттенки эмоциональных реакций субъекта:

1) *"Alas," quod he, "who causeth al this fare? (Troilus and Criseyde).* – Ого, что послужило причиной этого? – прагматический смысл удивления;

2) 132: *Alas, alas, and wele-wo! / 133: lucifer, whi fell thou so? (The Towneley plays).* – Да это ложь! Люцифер, и почему же тогда ты упал (с небес)? – возмущение;

3) 148: *Alas, ther is noght els to say* / 149: *bot we ar tynt for now and ay* (The Towneley plays). – Увы, больше нечего добавить, но мы низвергнуты отныне – печаль;

4) 4098: *Lo, wher he gooth! ye, lat the children pleye.* / 4099: *They gete hym nat so lightly, by my croun* (The Canterbury Tales). – Вон куда он убежал! Да пусть дети порезвятся. Нелегко им будет поймать его (убежавшего мерина), клянусь – злорадство.

Все эти реакции представляют собой эмоциональный отклик на события или факты текущей ситуации общения. В корпусе среднеанглийских диалогических дискурсов был обнаружен целый спектр частиц и дискурсивных слов, так или иначе соотносимых с текущей ситуацией общения и актуализирующих реакции субъекта речи на происходящее или факты, объекты и явления действительности:

1) *Ta now þu grymme tole to þe, / And let se how þou snokez.* (Sir Gawain and the Green Knight). – Но довольно нести всякий вздор, покажи свое мастерство – сочетание частиц показывает нетерпение говорящего, его желание скорее приступить к делу;

2) 584: *Now frend," quod he, "if euere loue or trouthe* / 585: *Hath ben, or is, bitwixen the and me,* / 586: *Ne do thou neuere swich a crueltee* / 587: *To hiden fro thi frend so gret a care.* (Troilus and Criseyde). – Послушай, друг, если когда-либо была меж нами любовь к истине или она есть и сейчас, не будь ты жесток, не скрывай от своего друга такого большого горя – привлечение внимания говорящего к особо важному для него факту;

3) *What, is þis Arthures hous,' quof þe habel þenne, / 'Pat al þe rous rennes of þurȝ ryalmes so mony?* (Sir Gawain and the Green Knight). – Неужели это двор короля Артура, о котором рассказывают в разных королевствах? – искреннее недоумение;

4) *Bigog,' quof þe grene knyȝt, 'Sir Gawan, me likes / Pat I schal fange at þu fust þat I haf frayst here.* (Sir Gawain and the Green Knight). – Бога ради, для меня истинное удовольствие, поверьте, от вас получить то, о чем просил я – согласие;

5) *Looke that ye doe as ye haue sayd, / Of all that there is hold you apayd, / For here is welthe at wyll* (The York plays). – Смотрите, делайте то, что сказали. Все, что там есть, создано для вашего удовольствия, ибо здесь богатства есть для вашей радости – предостережение;

7) *Why, what-kynne thyng art thou / That telles this tale to me?* (The York plays). – Ну и какого ты рода (кто ты такой), что говоришь мне это? – удивление вкупе с презрением.

Таким образом, как показывают вышеприведенные примеры, дискурсивные слова и частицы представляют собой спонтанную, немедленную реакцию говорящего на текущие события. Вместе с тем они позволяют глубже понять позиции собеседников, особенности интерпретации обсуждаемых фактов, мнений и чувств.

Резюме. Дискурсивные слова неразрывно связаны с текущей коммуникативной ситуацией. Они отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего и характерно маркируют положение говорящего в интеракции. Выделенные нами дискурсивные слова выражают различные эмоциональные состояния говорящего, объективируют его внутренние состояния, мнения относительно событий, фактов, явлений, объектов текущей ситуации общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов, А. Н. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / А. Н. Баранов, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина. – М. : Помовский и партнеры, 1993. – 115 с.

2. Васильева, А. Н. Частицы разговорной речи / А. Н. Васильева. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1964. – 187 с.
3. Емельянова, Н. А. Дискурсивные слова как средство организации устного общения в английском языке / Н. А. Емельянова // Философские науки. – 2001. – № 5. – С. 70–77.
4. Киселева, К. Л. Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство / К. Л. Киселева, Д. Пайар. – М. : Азбуковник, 2003. – 207 с.
5. Кобозева, И. М. Проблемы описания частиц в исследованиях 80-х годов / И. М. Кобозева // Прагматика, семантика. Серия: Теория и история языков: сб. научно-аналитических обзоров АН СССР. – М. : Наука, 1991. – С. 147–176.
6. Копыленко, И. М. О коммуникативных функциях частиц : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. М. Копыленко. – Алма-Ата, 1981. – 23 с.
7. Николаева, Е. В. Субъектные компоненты речи в диалогическом дискурсе среднеанглийского периода : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Николаева. – СПб., 2008. – 23 с.
8. Николаева, Т. М. Функции частиц в высказывании / Т. М. Николаева. – М. : Наука, 1985. – 168 с.
9. Резник, Ю. М. Общая антропология: к определению границ предметной области / Ю. М. Резник // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2011. – № 3 (71). Ч. 1 – С. 162–170.
10. Словарь структурных слов русского языка / Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – М. : Лазурь, 1997. – 422 с.
11. Стародумова, Е. А. Частицы русского языка (разноаспектное описание) / Е. А. Стародумова. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 292 с.
12. Темирбекова, О. А. Из истории исследования междометий / О. А. Темирбекова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2012. – № 1 (73). Ч. 1. – С. 156–160.

УДК 378.225

ПРОЕКТИРОВАНИЕ МОДЕЛИ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ХИМИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

DESIGNING THE PROCESS OF PROFESSIONAL COMPETENCES DEVELOPMENT FOR WOULD-BE CHEMISTRY TEACHERS BY MEANS OF INFORMATION TECHNOLOGIES

И. А. Адаев

I. A. Adaev

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. Важным средством повышения эффективности процесса формирования профессиональных компетенций у будущих учителей химии являются информационные технологии. Данный процесс представлен в виде структурно-функциональной модели, описывающей логику взаимодействия участников педагогического процесса в образовательной среде. При ее разработке были учтены требования федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 050100 Педагогическое образование (квалификация (степень) «бакалавр»). Структурно-функциональные компоненты модели включают в себя целевой, содержательный, результативно-оценочный компоненты.

Abstract. The development of would-be Chemistry teachers' professional competences includes information technologies as a way to increase the efficiency of the process. The process of development is represented in the form of structural-functional model which describes the logic of interaction between the educational environment and the participants of the training process. The model is based on the requirements of the Federal State Educational Standard of Higher Professional Education for the specialty 050100 «Pedagogical Education» (qualification (degree) «Bachelor»). The model consists of the goals, content, results and evaluation blocks.

Ключевые слова: профессиональные компетенции, будущий учитель химии, информационные технологии, структурно-функциональная модель.

Keywords: *professional competences, would-be teacher of Chemistry, informational technologies, structural-functional model.*

Актуальность исследуемой проблемы. Происходящие в стране социально-экономические преобразования вызвали необходимость модернизации системы высшего профессионального образования. Об этом свидетельствуют многие нормативные документы, в частности, приоритетный национальный проект «Образование», направленный на достижение качества образования, отвечающего современным требованиям, таким как интернетизация российского образования, появление электронных образовательных ресурсов нового поколения, распространение современных технологий в различных сферах производства и общественной жизни. Сегодня работодатели к выпускнику вуза предъявляют более жесткое требование – наличие высокого уровня сформированности готовности к ведению профессиональной деятельности. Поэтому основной задачей модернизации системы высшего профессионального образования является создание условий для подготовки специалистов, отвечающих новым требованиям рынка. Такие специалисты должны, прежде всего, владеть профессиональными компетенциями и обладать способностью к саморазвитию. Следовательно, исследование проблемы формирования профессиональных компетенций у будущих учителей химии с использованием информационных технологий является весьма актуальным в настоящее время.

Материал и методика исследований. Для проектирования процесса формирования профессиональных компетенций у будущих учителей химии с использованием информационных технологий нами были использованы метод педагогического моделирования и опыт разработки модели, выполненной О. Г. Максимовой с соавторами [8]. Характерными чертами моделирования как метода исследования являются целостное изучение процесса и возможность выявления потенциальных недостатков на стадии проектирования. Данный метод предполагает построение и раскрытие структуры и содержания модели процесса формирования профессиональных компетенций у будущих учителей химии. Реализация этой модели направлена на создание педагогической системы как совокупности взаимосвязанных целей, задач, принципов, организационных форм, методов, приемов и средств, необходимых для создания благоприятной среды, способствующей формированию профессиональных компетенций у будущего учителя химии с использованием информационных технологий.

Результаты исследований и их обсуждение. Организация и осуществление профессиональной подготовки специалистов с позиций компетентного подхода позволяют выпускнику быстрее адаптироваться к меняющимся рыночным условиям. Современное общество ставит перед системой высшего образования задачу подготовки квалифицированных педагогов, способных обеспечить высокое качество образования в школе [7], [9].

Проблемой оптимизации обучения с использованием информационных технологий в последние годы занимались такие отечественные ученые, как М. М. Абдуразаков [1], Е. Н. Белова [2], К. М. Беркимбаев [3], С. А. Зайцева [6], М. И. Рагулина [10], О. М. Спирин [12], О. В. Чернецова [14] и др. Необходимо отметить, что за последние годы интерес к данной проблеме как среди теоретиков, так и среди практиков значительно возрос. В настоящее время особенно интенсивно разрабатываются вопросы подготовки будущих учителей химии к использованию компьютерных технологий в процессе обучения учащихся общеобразовательных школ, повышения качества профессиональной

подготовки учителя в вузе с использованием информационных технологий [11], формирования компетенций у выпускников педвузов [4], [5], [13]. Исследования ведутся с учетом особенностей профиля подготовки педагогических работников, однако до сих пор не предложена научно обоснованная модель процесса формирования у студентов педагогического вуза профессиональной компетентности, целостно использующая потенциал информационных технологий и реализующая основные идеи компетентностного подхода. Как показало изучение материалов исследований в области теории и методики обучения химии, до сих пор не ставились и не решались задачи создания модели процесса формирования профессиональных компетенций у будущих учителей химии с использованием информационных технологий.

Результаты теоретического исследования позволили нам разработать структурно-функциональную модель процесса формирования профессиональных компетенций у будущих учителей химии с использованием информационных технологий. Основой разработки модели являлся системный анализ процесса научно-исследовательской деятельности будущих учителей химии. Применение системного подхода для проектирования данной модели позволило обеспечить целостность процесса профессиональной подготовки и оптимизировать его, а также рассматривать образовательный процесс как единую систему со сложной структурой взаимосвязей ее элементов.

Проектирование модели осуществлялось с учетом требований следующих документов:

- федерального государственного образовательного стандарта третьего поколения по направлению подготовки 050100 Педагогическое образование;
- основной образовательной программы ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева»;
- рабочей программы по дисциплине «Теория и методика обучения химии»;
- профессиональной программы учителя химии и др.

Федеральный государственный образовательный стандарт определяет следующие профессиональные компетенции будущего учителя химии, обучающегося по направлению подготовки 050100 Педагогическое образование:

- способность реализовывать учебные программы базовых и элективных курсов в различных образовательных учреждениях (ПК-1);
- готовность применять современные методики и технологии, в том числе и информационные, для обеспечения качества учебно-воспитательного процесса на конкретной образовательной ступени конкретного образовательного учреждения (ПК-2);
- способность использовать возможности информационно-образовательной среды для обеспечения качества учебно-воспитательного процесса (ПК-4);
- готовность использовать систематизированные теоретические и практические знания для определения и решения исследовательских задач в области образования (ПК-11);
- способность использовать в учебно-воспитательной деятельности основные методы научного исследования (ПК-13).

В процессе профессиональной подготовки студент должен овладеть этими компетенциями, каждая из которых, в свою очередь, является системой знаний, умений, навыков, личностных качеств и профессиональной направленности личности.

Отправная точка и системообразующий элемент любого процесса – цель. Целью предложенной нами модели будет формирование у бакалавров, обучающихся по направ-

лению подготовки 050100 Педагогическое образование, профессиональных компетенций с использованием информационных технологий. Эта цель обуславливает выбор всех других структурных компонентов модели процесса формирования у будущих учителей химии профессиональных компетенций с использованием информационных технологий.

Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

- формировать систему знаний о значении науки в жизни человека и общества, методах исследования в педагогике и химии, значении информационных технологий в жизни современного человека и общества;

- формировать умение работать с источниками информации, анализировать и обобщать информацию;

- выработать способность определять уровень знаний и умений школьников с использованием информационных технологий, применять методы научного исследования в деятельности учителя химии;

- воспитать положительную мотивацию к использованию информационных технологий в учебно-методической работе и др.

Методологическую основу процесса формирования профессиональных компетенций у будущих учителей химии составили компетентностный, личностно-деятельностный подходы, а также такие принципы, как:

- доступность (соответствие преподаваемого материала уровню знаний и умений, переход от простого к сложному);

- научность (достоверность преподаваемого материала, систематичность повторения пройденного материала, применение научных методов в процессе обучения);

- профессиональная направленность (выбор преподаваемого материала в соответствии с будущей профессиональной деятельностью, соотнесение результатов образовательного процесса с государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования по данной специальности);

- технологичность (воспроизводимость, предсказуемость процесса формирования);

- оптимальное сочетание форм, методов и средств обучения;

- необходимость и достаточность отбора инновационных средств и активных методов обучения с позиций целесообразности и необходимости их применения в образовательном процессе.

Основными направлениями содержания работы вуза по формированию профессиональных компетенций у будущих учителей химии является теоретическая (усвоение студентами соответствующих знаний), практическая (формирование умений и навыков организационной, учебно-методической и научно-исследовательской деятельности) и личностная подготовка (формирование профессионально значимых качеств личности). В рамках исследования из комплекса организационных форм работы мы выбрали следующие: лекционные, семинарские и практические занятия, лабораторные работы, практикумы, педагогическую практику, научно-исследовательскую и самостоятельную работу студентов. Эти формы сгруппированы по численности студентов (индивидуальные, диады, триады, групповые, коллективные) и по месту проведения (аудиторные, внеаудиторные, выездные, экскурсионные).

Разработанная нами модель предполагает применение методов активного обучения, таких как:

- словесные (проблемная лекция, лекция-пресс-конференция, дискуссии по проблемным ситуациям);

- объяснительно-иллюстративные (сочетание показа преподавателем техники исполнения химического опыта с комментариями студентов);
- практические (творческие задания по методике обучения химии в средней школе, выполняемые студентами с использованием информационных технологий; проектирование и методическое решение педагогических ситуаций и задач; демонстрация и тренинг исследовательских навыков);
- поисково-исследовательские (организация самостоятельного поиска и исследования студентами изучаемых проблем и явлений с использованием информационных технологий).

Для повышения эффективности процесса формирования профессиональных компетенций у будущих учителей химии необходимо внедрение в образовательный процесс информационных технологий. Это позволит сформировать у студентов информационную культуру, что в условиях современного общества крайне необходимо специалисту любого профиля. Кроме того, в нашей модели информационные технологии (программное обеспечение, интерактивный курс для самостоятельного освоения, Интернет) являются важным средством обучения.

Как показало теоретическое исследование, информационные технологии направлены на организацию таких способов деятельности студентов, как активный и мотивированный поиск информации в условиях неопределенной ситуации, дивергентное и конвергентное мышление, обнаружение проблемы и выработка гипотезы, наблюдение и эксперимент, анализ полученных результатов, оценка и прогнозирование на их основе развития ситуации.

Диагностический компонент модели включает в себя критерии (когнитивный, деятельностный и личностный) и показатели уровня сформированности у будущих учителей химии профессиональных компетенций в области учебно-методической и научно-исследовательской деятельности.

Когнитивный (знаниевый) критерий характеризуется степенью усвоения студентами знаний, необходимых им в профессиональной деятельности. Здесь можно выделить знание общих основ педагогики, методики преподавания химии, методологии научных исследований и др.

Деятельностный критерий определяется степенью овладения будущими учителями химии умениями и навыками, необходимыми для успешного выполнения основных профессиональных функций. Данный критерий включает в себя следующие показатели: умение работать с источниками информации, анализировать и обобщать полученную информацию, делать выводы; умение оценивать себя как исследователя; умение прогнозировать результаты своей деятельности; способность определять уровень знаний и умений школьников, осуществлять индивидуальный подход и дифференциацию процесса обучения; умение проводить входной, промежуточный и итоговый контроль знаний учащихся; готовность организовывать проектно-исследовательскую деятельность школьников; умение применять методы научного исследования в преподавании химии и др.

Личностный критерий в области учебно-методической и научно-исследовательской деятельности учителя химии характеризуется, в первую очередь, стойким интересом к ведению различных видов профессиональной деятельности учителя как в области химии, так и в области педагогики. Стойкий интерес к работе с детьми как свойство личности влияет на поведение, поступки, характер будущего учителя. В нашем случае его поведение будет характеризоваться ярко выраженной наблюдательностью по отношению к

учащимся, явлениям социальной жизни и природы, а также стремлением выяснить причины наблюдаемых педагогических явлений, определить способы воздействия на учащихся и др. Интерес к ведению учебно-методической и научно-исследовательской деятельности является составной частью профессиональной позиции учителя химии, которая выражается в любви к преподаваемому предмету, понимании значения химии в жизни человека, общества и в природе, желании быть в курсе новых научных исследований, видеть перспективы преподаваемой науки и т. д.

Вышеперечисленные критерии, безусловно, не отражают всей полноты характеристик, которыми должен обладать будущий учитель химии, тем не менее они являются наиболее значимыми для нашего исследования.

Для успешной реализации модели необходимы определенные педагогические условия. На наш взгляд, основными педагогическими условиями, обеспечивающими ее эффективное функционирование в вузе, могут быть:

- совершенствование профессиональной подготовки будущих учителей химии через взаимосвязь основных компонентов (когнитивный, деятельностный и личностный) процесса формирования профессиональных компетенций с использованием информационных технологий в ходе реализации основной образовательной программы;

- разработка и реализация спецкурса «Информационные технологии в подготовке учителей химии»;

- разработка дистанционного курса для студентов «Учебно-методическая и научно-исследовательская деятельность учителя химии»;

- создание образовательной среды, способствующей формированию профессионально значимых личностных качеств и мотивации для ведения учебно-методической и научно-исследовательской деятельности.

Результатом реализации данной модели должен быть высокий уровень сформированности профессиональных компетенций у будущих учителей химии.

Резюме. Модель процесса формирования профессиональных компетенций у будущих учителей химии представлена в виде системы цели, задач, принципов, форм, методов и средств подготовки, а также контроля уровня готовности студентов к профессиональной деятельности, который реализуется средствами диагностики по выявленным нами критериям и показателям уровня сформированности у будущих учителей профессиональных компетенций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуразаков, М. М. Структура, содержание и основные возможности новой информационно-коммуникационной образовательной среды / М. М. Абдуразаков, Ж. Х. Азиева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2013. – № 8 (15). Ч. 3. – С. 84–87.
2. Белова, Е. Н. Использование возможностей информационных технологий для развития творческой активности студентов педагогического вуза / Е. Н. Белова // Казанская наука. – 2013. – № 11. – С. 265–267.
3. Беркимбаев, К. М. Электронный учебник как средство совершенствования профессиональной подготовки будущих учителей / К. М. Беркимбаев, А. Х. Сарыбаева, А. Ташимова, А. Миндетбаева // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 8. – С. 13–15.
4. Бермус, А. Г. Проблемы и перспективы реализации компетентностного подхода в образовании [Электронный ресурс] / А. Г. Бермус // Интернет-журнал «Эйдос». – 2005. – 10 сентября. – Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-12.htm>.
5. Гавронская, Ю. Ю. Интерактивное обучение химическим дисциплинам студентов педагогических вузов на основе компетентностного подхода / Ю. Ю. Гавронская. – СПб. : Изд-во РГПУ им А. И. Герцена, 2008. – 223 с.

6. Зайцева, С. А. Информационные и коммуникационные технологии в подготовке современного учителя / С. А. Зайцева // Научный поиск. – 2012. – № 1. – С. 36–41.
7. Лавина, Т. А. К вопросу о формировании компетентности учителя в области информационных и коммуникационных технологий в условиях непрерывного педагогического образования / Т. А. Лавина // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2011. – № 4 (72). Ч. 2. – С. 72–75.
8. Максимова, О. Г. Модель процесса формирования творческих способностей курсантов вузов МВД РФ в условиях дополнительного образования / О. Г. Максимова, С. В. Милица // Образование и саморазвитие. – 2013. – № 3 (37). – С. 67–71.
9. Максимова, О. Г. Проблема подготовки научно-педагогических кадров для высшей школы в условиях модернизации образования / О. Г. Максимова, О. А. Тимофеева // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2013. – № 12 (77). – С. 173–179.
10. Рагулина, М. И. Система подготовки будущего учителя в информационно-образовательной среде вуза / М. И. Рагулина // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. – С. 3–10.
11. Смирнова, Г. И. Повышение качества профессиональной подготовки учителя в вузе средствами современных информационных технологий : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Г. И. Смирнова. – Краснодар, 2009. – 23 с.
12. Спирин, О. М. Критерии и показатели качества информационно-коммуникационных технологий обучения / О. М. Спирин // Информационные технологии и средства обучения. – 2013. – Т. 33. – № 1. – С. 3.
13. Табачук, Н. П. Развитие информационной компетенции студентов в образовательном процессе гуманитарного вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Н. П. Табачук. – Хабаровск, 2009. – 22 с.
14. Чернецова, О. В. Использование информационных и коммуникационных технологий в профессиональной подготовке учителя (зарубежный опыт) / О. В. Чернецова // Инновации на основе информационных и коммуникационных технологий. – 2013. – Т. 1. – С. 14–15.

УДК 378.016:81

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ ИНОЯЗЫЧНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

PECULIARITIES OF PROFESSIONAL TRAINING OF BACHELORS OF FOREIGN-LANGUAGE PEDAGOGICAL EDUCATION

Е. Ю. Варламова

E. Yu. Varlamova

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. В статье дается характеристика особенностей осуществления профессиональной подготовки студентов, обучающихся на факультетах иностранных языков в вузах. Специфика профессионального обучения бакалавров иноязычного педагогического образования рассматривается в единстве с требованиями, предъявляемыми к студентам в условиях модернизации общеевропейской системы высшего профессионального образования. Черты, характеризующие профессиональную подготовку бакалавра, определяются на основе подхода к бакалавриату как первому циклу многоуровневого высшего образования.

Abstract. The article characterizes the peculiarities of professional training of students at the faculties of Foreign Languages at institutes of higher education. The specificity of professional training of bachelors is considered in unity with the requirements to students in the conditions of modernisation of the European Higher Education Area (EHEA). The features of professional training of bachelors of foreign-language pedagogical education are defined on the basis of the approach to Bachelor's degree as to the First cycle qualification of the multilevel system of higher education.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, профессиональное образование, иноязычное педагогическое образование, бакалавр, многоуровневое высшее образование.

Keywords: professional training, professional education, foreign-language pedagogical education, Bachelor, multilevel system of higher education.

Актуальность исследуемой проблемы. Сравнительно недавно в России была введена система многоуровневого высшего образования, что было обусловлено влиянием различных факторов, относящихся к общественно-политической, социальной, образовательной и другим сферам жизни современного общества. Это повлекло за собой изменения в требованиях, предъявляемых к профессиональной подготовке студентов в высших учебных заведениях, а также разработку и внедрение новых государственных образовательных стандартов. Все эти события породили ряд проблем, касающихся осуществления процесса профессионального обучения, путей реализации требований к бакалаврам, обозначенных в федеральных государственных образовательных стандартах. Решение данных проблем должно основываться на определении особенностей профессиональной подготовки бакалавров.

Целью данной статьи является определение тех особенностей профессиональной подготовки бакалавров, которые должны учитываться в иноязычном педагогическом образовании с целью его оптимизации.

Материал и методика исследований. Были использованы материалы психолого-педагогических научных исследований ученых, а также документы, сопровождающие Болонский процесс. Применен комплекс методов психолого-педагогического исследования, включающий сравнение, сопоставление, анализ нормативной документации.

Результаты исследований и их обсуждение. В условиях перехода России к многоуровневой системе высшего образования можно говорить об изменениях в области преподавания иностранного языка как учебной дисциплины в вузе, а также в области профессионального обучения иностранному языку бакалавров. Особенности профессиональной подготовки бакалавров иноязычного педагогического образования определяются исходя из общих требований к ним в системе высшего образования, а также требований к преподаванию иностранного языка в вузе на профессиональном уровне, осуществляемому специальными (языковыми) факультетами вузов.

Обратившись к Болонской декларации и последующим документам Болонского процесса (среди которых Левенское коммюнике Конференции европейских министров, 2009; Будапештско-Венская декларация о Европейском пространстве высшего образования, 2010; Бухарестское коммюнике Конференции министров Европейского пространства высшего образования, 2012), мы определили общие требования, предъявляемые к выпускнику-бакалавру в условиях модернизации общеевропейской системы высшего профессионального образования:

- бакалавр должен успешно завершить первый цикл обучения в вузе и получить востребованную на европейском рынке труда степень;
- у бакалавра должна быть сформирована готовность к осуществлению видов профессиональной деятельности, обозначенных в государственных образовательных стандартах, а также готовность к поступлению в магистратуру и продолжению профессионального образования на втором цикле профессионального обучения;
- сформированные у бакалавра личностные качества и образования (академическая мобильность, гражданская активность, сочетание знаний, умений и необходимых компетенций) должны соответствовать его квалификации и обеспечивать возможность самореализации выпускника во всех видах профессиональной деятельности на национальном, региональном и глобальном уровнях [5], [6], [9], [10].

На основе анализа изложенных требований к выпускникам-бакалаврам и их сопоставления с требованиями к бакалаврам в федеральных государственных образовательных стандартах является возможным формулирование особенностей профессиональной подготовки бакалавров иноязычного педагогического образования.

Первая особенность проявляется в **нацеленности процесса профессиональной подготовки на формирование значимых образований и необходимых компетенций**. Профессиональное образование нацелено на формирование у бакалавров определенных компетенций, которые рассматриваются в качестве условия эффективного осуществления выпускниками профессиональной деятельности в будущем. Исследованию данных компетенций посвящены работы А. А. Вербицкого, А. Б. Гулиянц, Э. Ф. Зеер, И. А. Зимней, Ю. В. Ткачевой и др. Учеными определены следующие профессиональные компетенции: *основные* (проявляющиеся в процессе осуществления деятельности в рамках определенного типа профессии: «человек – человек», «человек – знак» и др.); *ключевые* (универ-

сальные) (характеризующие профессиональную деятельность человека в целом, в рамках определенного вида профессии: учителя, переводчика и др.); *базовые* (отражающие специализацию профессиональной деятельности); *специальные (предметные, функциональные)* (относящиеся к характеристике конкретной предметной области профессиональной деятельности, соответствующие осуществлению человеком профессиональных функций в рамках специализации профессии) [2], [4], [7], [8], [13].

Профессиональная подготовка бакалавров иноязычного педагогического образования имеет свои особенности и нацелена на формирование у них следующих компетенций, обеспечивающих эффективность осуществления профессиональной деятельности средствами иностранного языка: языковой, речевой, социокультурной, лингводидактической, личностной [1].

Все компетенции формируются в комплексе, системно и последовательно. Однако особое значение в профессиональной подготовке бакалавра – будущего учителя иностранного языка приобретает развитие у него лингводидактической компетенции, применение методов и форм, обеспечивающих сформированность компонентов данной компетенции. К ним относятся:

- знания и умения реализации учебных программ базовых и элективных курсов по иностранному языку в различных образовательных учреждениях;
- знание понятийного аппарата методики обучения иностранным языкам, а также методических теоретических положений (типологии и классификации основных иноязычных упражнений);
- владение когнитивными стратегиями и технологиями проведения урока иностранного языка;
- опыт применения современных методик и технологий обучения иностранному языку;
- умение планировать и проводить учебные занятия по иностранному языку с учетом специфики обучающихся и образовательной среды;
- умение разрабатывать серии и комплексы упражнений в рамках конкретных обучающих моделей;
- умение организовывать сотрудничество обучающихся, направленное на изучение иностранного языка;
- владение профессиональной иноязычной дидактической речью для решения учебных, воспитательных, познавательных и развивающих задач;
- умения критически оценивать и переосмысливать качество собственной методической деятельности, анализировать используемые приемы и упражнения с точки зрения их уместности и эффективности;
- умение сформировать у обучающихся культуру речевого общения на иностранном языке.

Вторая особенность проявляется в том, что профессиональное обучение бакалавров нацелено на ***последовательное формирование общенаучных и общепрофессиональных основ для дальнейшего образования личности студента в магистратуре***. В профессиональном обучении бакалавров возрастает роль формирования у студентов компетенций, обеспечивающих эффективность выполнения самостоятельной учебной и научно-исследовательской деятельности.

В своих утверждениях мы основываемся на исследованиях образовательной компетентности Е. П. Белозерцева, А. Д. Гонеева, А. Г. Пашкова, В. А. Сластенина и др. [11];

компетентности познавательной деятельности И. А. Зимней [8]; учебно-познавательной и самообразовательной компетенций И. А. Гиниатуллина [3], А. В. Хуторского [14]; компетенций самообразования И. С. Сергеева и В. И. Блинова [12]. Ученые отмечают, что содержанием данного образования выступают знание основ организации исследовательской деятельности, умение применять соответствующие методы и средства для достижения целей учебно-познавательного характера. Данная компетенция является инструментарием для осуществления студентами самостоятельной деятельности.

В нашем исследовании относительно профессиональной подготовки бакалавров иноязычного педагогического образования используется термин «лингвопознавательная компетенция». Мы считаем целесообразным обозначить эту компетенцию как лингвопознавательную в силу иноязычного профиля подготовки бакалавров педагогического образования, так как предполагается организация и осуществление бакалавром познавательной деятельности, связанной с поиском и обработкой информации средствами иностранного языка. Данная компетенция, проявляющаяся в самостоятельной лингвопознавательной деятельности, является основой для развития умений и навыков организации научно-исследовательской деятельности в процессе дальнейшего обучения в магистратуре.

Следующая – третья – особенность профессионального обучения выражается в том, что в профессиональной подготовке учитываются требования работодателей к современному выпускнику-бакалавру. Следовательно, профессиональное обучение студентов **основывается на тесном сотрудничестве вуза и работодателей**. Совместно с работодателями вузы осуществляют деятельность по профориентации бакалавров перед выбором ими профиля обучения в магистратуре, а также формированию у них представлений об особенностях осуществления профессиональной деятельности, связанной с использованием сформированных в вузе знаний, умений и навыков. В свою очередь, работодатели, оказывая помощь вузам в профессиональной подготовке бакалавров и магистров, могут рассчитывать на сотрудничество с этими учреждениями в решении вопросов организации и осуществления повышения квалификации своих работников, бывших выпускников вузов. В этом случае научные инновации и нововведения найдут свое применение и дальнейшее развитие в профессионально-производственной сфере.

В иноязычном педагогическом образовании возрастает роль сотрудничества вузов со школами (гимназиями, лицеями и др.), осуществляющими обучение учащихся иностранным языкам. Данное сотрудничество предполагает:

- заключение договоров между вузами и школами о прохождении студентами педагогической практики различного характера (непрерывной, пассивной и др.) под руководством учителей иностранных языков и преподавателей-методистов вузов;
- организацию и проведение совместных научно-практических конференций, дискуссий и других научных мероприятий, посвященных обсуждению вопросов преподавания иностранных языков в вузе и школе;
- решение проблем взаимодействия вуза и школы, касающихся поступления абитуриентов в вуз (особенностей подготовки учащихся школ к сдаче ЕГЭ по иностранному языку) и трудоустройства выпускников-бакалавров в школы с целью преподавания ими иностранных языков и др.

Изложенные особенности не являются исчерпывающими для характеристики профессиональной подготовки бакалавров иноязычного педагогического образования. Их дополнение и признание значимости будут способствовать поиску технологий и приме-

нению методик, соответствующих специфике исследуемого направления подготовки студентов, а также решению проблемы преподавания иностранного языка в вузе в условиях реформирования российской системы высшего образования.

Резюме. Анализ изложенного материала позволяет сделать вывод о том, что профессиональная подготовка бакалавров в системе иноязычного педагогического образования имеет свои особенности, которые должны являться основой для определения соответствующих методов, форм и средств обучения студентов в условиях многоуровневости российского образования. Это сделает процесс профессиональной подготовки бакалавров в вузе эффективным, а также будет способствовать успешной реализации в России целей создания Зоны европейского высшего образования, провозглашенных в документах, сопровождающих Болонский процесс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варламова, Е. Ю. Лингводидактическая компетентность как составляющая профессиональной компетентности бакалавров по направлению подготовки «Лингвистика» / Е. Ю. Варламова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2013. – № 1 (77). Ч. 2 – С. 8–14.
2. Вербицкий, А. А. Контекстное обучение в компетентностном формате. (Компетентностный подход как новая образовательная парадигма) / А. А. Вербицкий // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2011. – № 6. – С. 67–73.
3. Гиниатуллин, И. А. Самостоятельная учебная деятельность по овладению иностранным языком на специальном факультете / И. А. Гиниатуллин. – Свердловск : Издательство ГПУ, 1990. – 95 с.
4. Гуляниц, А. Б. Формирование ключевых компетенций учителя иностранного языка средствами организационно-деятельностной игровой технологии : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / А. Б. Гуляниц. – М., 2013. – 28 с.
5. Декларация о Европейском пространстве высшего образования (Будапешт – Вена, 12 марта, 2010 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bologna.ntf.ru/DswMedia/declaration_2010_rus.pdf
6. Декларация о Европейском пространстве для высшего образования (Совместное заявление европейских министров образования, г. Болонья, 19 июня 1999 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bologna.ntf.ru/DswMedia/bolognadeclaration1999_rus.pdf
7. Зеер, Э. Ф. Стратегические ориентиры инновационного развития профессионального образования / Э. Ф. Зеер // Образование и наука. – 2009. – Т. 2. – № 6. – С. 3–12.
8. Зимняя, И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании [Электронный ресурс] / И. А. Зимняя. – М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – Режим доступа: nashaucheba.ru/docs/46/45983/conv_1/file1.pdf
9. Коммюнике «Болонский процесс 2020 – европейское пространство высшего образования в новом десятилетии» (г. Левен, 2009 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bologna.ntf.ru/DswMedia/communique_leven_2009_rus.pdf
10. Коммюнике европейских министров образования «Максимальное использование нашего потенциала: консолидация Европейского пространства высшего образования» (г. Бухарест, Румыния) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ncra.ru/bucharest_com.pdf
11. Педагогика профессионального образования : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е. П. Белозерцев, А. Д. Гонеев, А. Г. Пашков и др. ; под ред. В. А. Сластёнина. – 4-е изд., стер. – М. : Академия, 2008. – 368 с.
12. Сергеев, И. С. Как реализовать компетентностный подход на уроке и во внеурочной деятельности / И. С. Сергеев, В. И. Блинов. – М. : АРКТИ, 2007. – 130 с.
13. Ткачева, Ю. В. Профессиональная компетентность бакалавра филологического образования в контексте многоуровневой подготовки учителя иностранного языка / Ю. В. Ткачева // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – № 1. – С. 180–184.
14. Хуторской, А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно ориентированной парадигмы образования / А. В. Хуторской // Сборник ИОСО РАО. – М. : ИОРСО РАО, 2002. – 139 с.

УДК 811.11'25

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL COMPETENCES OF TRANSLATORS TO BE

Е. Н. Васильева, Е. Н. Громова, Н. С. Курникова

E. N. Vasilyeva, E. N. Gromova, N. S. Kurnikova

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. В статье дается характеристика базовой, специфической и специальной составляющих переводческой компетенции как компонентов общей профессиональной компетентности будущего переводчика, рассматриваемой как целостное интегрированное понятие, содержание которого определяется на основе анализа требований современных государственных образовательных стандартов. Реализация компетентностного подхода позволяет достичь главной цели образования – способности и готовности человека к эффективной и продуктивной деятельности в различных профессионально значимых ситуациях.

Abstract. The article characterizes the basic, specific and inherent components of would-be translator's competence which is considered to be a comprehensive notion whose contents is described in accordance with the requirements of modern state educational standards. The realization of the competence-based approach allows to achieve the main educational goal – the ability and readiness to perform efficiently and productively in different professional situations.

Ключевые слова: *компетентностный подход, профессиональная компетенция, подготовка будущих переводчиков.*

Keywords: *competence-based approach, professional competence, professional training of translators.*

Актуальность исследуемой проблемы. В настоящее время государство и общество, осознавая растущую потребность в высококвалифицированных кадрах, пытаются найти пути повышения качества подготовки специалистов. В современных условиях качество профессиональной подготовки будущего специалиста трактуется в рамках компетентностного подхода, который является одним из ориентиров стратегии модернизации российского образования. Данный подход в подготовке специалистов понимается не как простая передача знаний, умений и навыков от преподавателя к студенту, а как формирование у будущих выпускников профессиональной компетентности. Целью данной статьи является изучение возможности формирования профессиональных компетенций у будущих переводчиков в высшем учебном заведении.

Материал и методика исследований. В статье применялся анализ научной литературы по проблеме исследования, государственных образовательных стандартов, учебных планов, учебных программ факультета иностранных языков.

Результаты исследований и их обсуждение. Сегодня в рамках Болонского процесса компетентностный подход рассматривается, по мнению В. И. Байденко, как «инструмент усиления социального диалога высшей школы с миром труда, средство углубления их сотрудничества и восстановления в новых условиях взаимного доверия» [2, 10].

Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) определяют требования к специалисту именно на основе компетентностного подхода. Как справедливо отмечает М. С. Медведева, требования современного общества к выпускнику далеки от «механической передачи» готовых знаний и умений и переходят в область овладения обучающимися необходимым видом деятельности [8, 127].

Реализация компетентностного подхода в соответствии с ФГОС ВПО должна предусматривать широкое применение в процессе обучения активных и интерактивных форм проведения занятий (деловых и ролевых игр, разбора конкретных ситуаций, психологических тренингов и др.) в сочетании с самостоятельной работой студентов с целью формирования и развития профессиональных навыков у обучающихся.

Переводческая компетенция представляет собой сложную многомерную категорию, включающую те квалификационные характеристики, которые позволяют переводчику осуществлять акт межъязыковой и межкультурной коммуникации: особое «переводческое» владение двумя языками (как минимум рецептивное владение исходным языком и репродуктивное – языком перевода), при котором языки проецируются друг на друга; способность к «переводческой» интерпретации исходного текста; владение технологией перевода; знание норм данного стиля и жанра текста; знание переводческих норм, определяющих стратегии языка перевода; определенный минимум фоновых знаний, необходимых для адекватной интерпретации исходного текста, в частности, «знание предмета» для успешного перевода в рамках специализации переводчика [11, 150].

Исследователи и специалисты в области обучения переводу выделяют различные компоненты переводческой компетенции. Целостная концепция переводческой компетенции была разработана отечественным теоретиком перевода В. Н. Комиссаровым. Он утверждает, что «в процессе создания профессиональной переводческой компетенции формируется своеобразная языковая личность, которая обладает рядом отличий от "нормальной", непереводческой личности. Эти отличия выявляются во всех главных аспектах речевой коммуникации: языковом, текстообразующем, коммуникативном, личностном и профессионально-техническом» [6, 326].

Н. Н. Гавриленко [5] определяет переводческую компетентность как явление неоднородное, интегрирующее в себе ряд составляющих (компетенций), которые соотносятся с четырьмя основными сторонами деятельности переводчика в сфере профессиональной коммуникации (межкультурным общением в определенной профессиональной сфере, собственно профессиональной деятельностью переводчика, профессиональной переводческой средой и личностью профессионала). В соответствии с этим выделяют следующие составляющие данной компетентности:

- *межкультурная коммуникативная* – готовность и способность (в соответствии с социальными и культурными нормами общения в области науки и техники) понимать на иностранном языке и создавать на русском языке устные или письменные высказывания и специальные дискурсы (*лингвистическая, прагматическая, социолингвистическая компетенции*);

- *специальная* – готовность и способность выполнять на профессиональном уровне перевод профессионально ориентированных текстов (*базовая, предметная, дискурсивная, социокультурная, стратегическая, технологическая, информационно-технологическая компетенции*);

- *социальная* – совместная профессиональная деятельность переводчика с заказчиком, участниками встречи, сотрудниками фирмы, предприятия; владение приемами профессионального общения, общепринятыми в данной профессии; социальная ответственность за результаты своего труда и т. д.;

- *личностная* – обладание соответствующими профессионально важными для выполнения деятельности переводчика качествами личности [5].

В процессе подготовки будущих переводчиков необходимо учитывать тот факт, что в условиях обучения в вузе представляется невозможным подготовить будущего переводчика к работе на определенном рабочем месте. Соответственно, в процессе обучения в вузе у будущего переводчика в результате синтеза знаний и практических навыков должен сформироваться необходимый комплекс компетенций, которые в дальнейшем будут совершенствоваться исходя из условий конкретного рабочего места. Впоследствии профессионально значимые переводческие компетенции ложатся в основу профессионального мышления и позволяют достичь главной цели подготовки специалиста, а именно сформировать его профессиональную компетентность.

Осмысление переводческого процесса как профессиональной деятельности, ее сложного функционального состава и выявление профессионально значимых компетенций, необходимых для профессионального владения языками, позволяют определить стратегию повышения эффективности учебно-образовательного процесса путем повышения удельного веса базовой лингвистической подготовки.

К *базовой составляющей переводческой компетенции* относятся знания, умения и навыки, в той или иной мере необходимые переводчику независимо от вида перевода (письменный/устный; последовательный, синхронный и др.), которым он занимается, и жанра переводимого текста (научно-технический, деловой, газетно-публицистический или иной текст).

На наш взгляд, формирование базовой составляющей переводческой компетенции возможно в рамках таких разделов единого теоретико-практического курса подготовки переводчиков, как «Технология перевода» и «Теория перевода».

Опыт кафедры английской филологии и переводоведения ЧГПУ им. И. Я. Яковлева показывает, что целесообразно начинать преподавание перевода со специального раздела «Технология перевода». На этом этапе обучения ставятся следующие задачи:

- познакомить студентов с основными принципами перевода, с требованиями к переводчику и к результатам его труда;

- дать студентам представление об основных приемах перевода, о видах переводческих трансформаций и условиях, в которых они могут или должны применяться;

- сформировать у студентов умения применять основные приемы перевода.

Обучение технологии перевода можно рассматривать как начальный этап обучения переводу и как переходный этап от теории перевода к его практике. В этом разделе углубляются и материализуются теоретические положения о переводе, дается более глубокое, «операциональное» понимание перевода, вырабатываемое в процессе самостоятельного решения разнотипных переводческих задач, а также в процессе применения основных теоретических постулатов для решения конкретных задач. В то же время этот этап перехода от теории в практическую плоскость является этапом вооружения будущих переводчиков знанием типичных переводческих трудностей и способов их преодоления. По своему содержанию это в основном проблемные переводческие задания, конечной целью которых является выработка умений преодолевать определенные типичные переводческие трудности, решать типовые переводческие задачи, возникающие перед переводчиком в процессе перевода, т. е. задания, которые по преимуществу нацелены на развитие операциональных умений.

Задания могут выполняться письменно или устно со зрительной опорой. Выбор конкретного вида задания в конечном итоге остается за преподавателем. Примеры таких заданий представлены в учебно-методическом пособии Л. К. Латышева и В. И. Провоторова [7, 36]. Например, студентам предлагается определить, что стало причиной преобразования семантико-структурного облика оригиналов: различия языковых систем, языковых норм или узусов, – на материале коротких высказываний на языке оригинала и их адекватных переводов на русский язык, структурно и семантически значительным образом отличающихся от оригиналов. Целью такого задания является конкретизация и визуализация специфики воздействия на перевод таких факторов, как соотношение двух языковых систем, двух языковых норм и двух узусов.

Следующее задание строится на материале высказываний на иностранном языке, содержащих специально выделенные фразеологические единицы. Данный тип задания предполагает перевод высказываний таким образом, чтобы они максимально соответствовали русскому узусу, а также выявление студентами наиболее близких к оригиналу и наиболее далеких от него в семантико-структурном плане переводов.

Целью третьего типа заданий является выработка умения различать функциональные стили, видеть специфику их языкового выражения. Это можно сделать на материале небольших текстов на родном языке, сгруппированных попарно, содержание которых практически идентично друг другу. Их различие состоит в разных функциональных стилях: один текст написан в разговорном стиле, другой – в стиле публицистики и прессы; один – в художественном стиле, другой – в стиле официально делового общения. Студенты должны определить, к какому функциональному стилю относятся конкретные тексты, в каких отношениях находятся отправитель и адресат текста (официальных, нейтральных, близких и т. д.), указать конкретные языковые приметы, позволяющие сделать такого рода выводы (например, сниженная лексика, простой синтаксис, повторы, эллиптические конструкции, неоконченные фразы – приметы разговорного, бытового стиля и т. д.) [7, 36].

Специалисты в области подготовки переводчиков в Нижегородском лингвистическом университете отмечают, что при работе с упражнениями необходимо иметь в виду следующее. С методической точки зрения при выполнении каждого упражнения можно ограничиваться обсуждением именно того явления, которое составляет суть этого упражнения. Каковы бы ни были задачи, решаемые на занятии, в итоге перевод каждого предложения должен соответствовать всем нормам переводящего языка. Постоянное

внимание к значимости каждого слова, каждой формы – непереносимое условие успешного обучения [9, 35]. При этом внимание к значимости каждого слова и каждой формы не должно перерасти в представление о том, что перевод состоит в передаче самих форм или даже значений отдельных слов. Сформулированное к этому времени в курсе теории перевода положение о том, что единицей перевода является текст, на практических занятиях должно не только постоянно подкрепляться, но и развиваться, дополняться объяснениями того, что переводу подлежат не формы, не значения как таковые, а смысл. Важно, чтобы это требование прозвучало уже на самом первом занятии и встало в ряд наиболее значимых профессиональных требований.

К *специфическим составляющим переводческой компетенции* относятся знания, умения и навыки, необходимые в каком-то одном или в нескольких родственных видах перевода (письменном, зрительно-устном, абзацно-фразовом, последовательном, синхронном) [7, 8].

В действительности переводческая деятельность осуществляется в одной из форм письменного или устного перевода. Каждая из этих форм перевода имеет определенную специфику, которая требует соответствующих навыков и умений.

К специфическим умениям письменного переводчика Л. К. Латышев и В. И. Проторов относят: 1) умение пользоваться словарями и справочниками, 2) умение анализировать исходный текст на предпереводческом этапе и 3) умение редактировать свой перевод [7, 98].

Умение пользоваться словарями и справочниками отражено в перечне профессиональных компетенций (ПК-10). Как показывает практика подготовки переводчиков, студенты часто уделяют недостаточное внимание работе со словарями и справочниками. В деятельности письменного переводчика умение пользоваться словарем является основополагающим, и овладеть им отнюдь не просто. Многие переводческие ошибки студенты совершают именно при работе с двуязычным словарем. В этом случае переводчик всегда должен помнить об опасности выбрать неадекватный эквивалент из нескольких вариантов, предлагаемых в словарной статье, а также о том, что необходимого эквивалента может не оказаться вовсе. Приобретение данного навыка требует времени и специальной тренировки, а именно выполнения специальных упражнений на подстановку, а также тщательной работы со словарем. Как отмечает О. В. Петрова, студентам необходимо прививать вкус к работе со словарями. В связи с этим формулируется и организационное требование – на занятиях по переводу в аудитории обязательно должны присутствовать словари разных типов. На начальном этапе это англо-русский, толковый английский и лингвострановедческий словари [9, 34].

Об *умении анализировать исходный текст на предпереводческом этапе* (ПК-9) и его значимости следует сказать особо, поскольку профессиональный переводчик начинает собственно перевод уже на этапе анализа исходного текста.

И. С. Алексеева в своей работе подробно описывает составляющие предпереводческого анализа текста. Данный анализ начинается со сбора внешних сведений о тексте, в ходе которого определяются: автор текста (редколлегия, журналист, ученый и т. д.) и его реципиент (дети, взрослые, пенсионеры, специалисты и т. д.); состав информации (когнитивная, эмоциональная, эстетическая) и ее плотность; коммуникативное задание текста (сообщить важные сведения, убедить в своей правоте, наладить контакт и т. д.); речевой жанр (интервью, научный доклад и т. д.) [1, 149]. Формированию данного умения должно уделяться пристальное внимание, и работа над любым связным текстом на

занятии и при подготовке домашнего задания начинается с этого анализа. На начальном этапе обучения письменному переводу стоит выполнить специальные задания, направленные на отработку данного навыка. По своему типу это в основном задания, нацеленные на выработку умений переводить исходный текст не как конгломерат отдельных языковых элементов, а как целостный образ, т. е. на выработку умений решать отдельные языковые трудности с помощью языка конкретного текста [3, 3].

Рассмотрим специфическое умение *редактировать перевод* (ПК-12, ПК-13), которое является основой такого необходимого этапа работы письменного переводчика, как редактирование своего перевода. В процессе редактирования устраняются определенные недочеты в оформлении переводного текста, вытекающие из специфики процесса письменного перевода.

Важность данного этапа работы над переводом объясняется тем, что когда переводчик выполняет письменный перевод, он способен удерживать в зоне внимания и сопоставлять относительно небольшие отрезки исходного и переводного текстов. При этом могут возникнуть разного рода нестыковки, которые требуют корректуры, т. е. возврата и пересмотра переводческих решений. В процессе редактирования переводчик воспринимает созданный текст в целом. Это дает возможность исправить недочеты в построении тема-рематической цепочки, убрать повторы и т. д.

Как отмечает В. С. Слепович, редактирование перевода является непростым процессом, требующим не только знания грамматики, лексических вариантов слов и владения языковой нормой в целом, но и чувства слога [10, 259].

Развитие умений, необходимых при редактировании текстов, происходит в аудитории в процессе проверки и обсуждения домашних заданий по письменному переводу. Итогом такого обсуждения обычно бывает следующее задание: переписать исправленный перевод и исправить еще какие-то, возможно, оставшиеся без внимания, недочеты. Иногда полезно предлагать студентам задание по редактированию переводов их товарищей с последующим обсуждением исправлений на занятии.

К *специальным составляющим переводческой компетенции* относятся ее части, необходимые при переводе текстов определенного жанра и стиля: научно-технических, деловых, художественных и т. д. [7, 8]. Следовательно, специальная составляющая переводческой компетенции подразумевает знание предмета высказывания и владение соответствующей терминологией – лексическими единицами, обозначающими понятия соответствующей предметной области (ПК-3, ПК-6).

По мнению специалистов в области перевода, для специального переводчика более эффективным является познание соответствующей предметной области с одновременным усвоением терминологии сразу на двух языках.

Л. К. Латышев и В. И. Провоторов в своей работе выделяют наиболее известные способы познания предметной области и усвоения терминологии. Они рекомендуют начинать занятие с чтения текста на иностранном языке, относящегося к изучаемой предметной области. К тексту (4500–5000 печ. зн.) прилагается список терминов на иностранном языке с переводом на русский язык. Некоторые термины могут быть снабжены развернутым комментарием. Текст переводится на русский язык на занятии или дома, после чего рекомендуется выполнить ряд заданий на закрепление новой терминологии.

Введение в предметную область и терминологию может завершаться терминологическим диктантом – преподаватель диктует на иностранном или русском языке или попеременно термины, в то время как обучаемые сразу письменно их переводят.

Тематику подготовки специальных переводчиков каждый вуз определяет самостоятельно, исходя из потребностей общества в целом и своего региона. На сегодняшний день наиболее востребованы технические переводчики. В контексте обсуждаемой проблемы рассмотрим формирование специальной составляющей профессиональной компетенции переводчика в процессе обучения техническому переводу.

Обучение техническому переводу на переводческом отделении факультета иностранных языков ЧГПУ им. И. Я. Яковлева осуществляется на пятом курсе в соответствии с учебной программой по переводу первого иностранного языка. Программа по техническому переводу построена по логическому принципу с постепенным усложнением проблематики технических материалов [4, 80].

Опираясь на опыт обучения техническому переводу в НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, рекомендуется начинать занятие с ответов на вопросы студентов по домашнему заданию. Преподаватель должен предвидеть подобные вопросы и быть готовым дать дополнительные разъяснения по материалу занятия или терминологии. В ходе работы над переводом текста, подготовленным в качестве домашнего задания, преподаватель предлагает студентам дать синонимичные варианты как целого предложения, так и отдельных словосочетаний. Письменный перевод на практических занятиях в классе нецелесообразен. Когда преподаватель уверен в глубоком понимании студентами материала изучаемой темы, в качестве домашнего задания можно рекомендовать выполнение письменных заданий по переводу с родного языка на иностранный. При завершении очередной темы как форму текущего контроля целесообразно использовать письменный перевод в виде контрольного текста. Однако более результативной является практика проведения заключительных занятий в форме конференции по материалам темы [9, 52–54].

Резюме. В заключение отметим, что формированию у будущих переводчиков выделенных компетенций необходимо уделять достаточное внимание и время на практических занятиях по переводу. Отработка определенного алгоритма работы над переводом вселяет в обучающихся уверенность в своих силах, а выполнение заданий, направленных на усвоение терминологии и познание предметной области, позволяет преподавателю разнообразить занятия и поддержать интерес к дальнейшему совершенствованию навыков перевода у студентов.

Необходимо особо подчеркнуть, что основная идея компетентного подхода заключается в том, что результат образования – это не отдельные знания, умения и навыки, а готовность и способность специалиста к продуктивной и эффективной переводческой деятельности в различных профессионально значимых ситуациях. Этот подход предполагает формирование у человека потребностей в непрерывном пополнении и обновлении знаний, развитии и совершенствовании умений и навыков, их закреплении и превращении в компетенции, которые формируются в процессе учебной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеева, И. С.* Профессиональный тренинг переводчика : учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей / И. С. Алексеева. – СПб. : Союз, 2003. – 288 с.

2. *Байдено, В. И.* Выявление состава компетенций выпускников вузов как необходимый этап проектирования ГОС ВПО нового поколения : методическое пособие / В. И. Байдено. – М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. – 72 с.
3. *Брандес, М. П.* Предпереводческий анализ текста / М. П. Брандес, В. И. Провоторов. – Курск : Росси, 1999. – 224 с.
4. *Васильева, Е. Н.* Формирование специальных умений и навыков письменного переводчика в процессе обучения техническому переводу / Е. Н. Васильева // Актуальные вопросы филологии и лингводидактики : сб. науч. ст. по материалам III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2008. – С. 78–83.
5. *Гавриленко, Н. Н.* О школе [Электронный ресурс] / Н. Н. Гавриленко. – Режим доступа : <http://www.gavrilenko-nn.ru>.
6. *Комиссаров, В. Н.* Современное переводоведение : учебное пособие / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2002. – С. 424.
7. *Латышев, Л. К.* Структура и содержание подготовки переводчиков в языковом вузе : учебно-методическое пособие / Л. К. Латышев, В. И. Провоторов. – М. : НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 136 с.
8. *Медведева, М. С.* Моделирование процесса подготовки будущих учителей к работе в условиях смешанного обучения / М. С. Медведева // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2013. – № 1 (77). Ч. 2. – С. 125–131.
9. *Петрова, О. В.* Модель предпереводного анализа текста / О. В. Петрова // Методические основы подготовки переводчиков: нижегородский опыт / под общ. ред. В. В. Сдобникова. – Н. Новгород : НГЛУ, 2007. – С. 34–42.
10. *Слепович, В. С.* Настольная книга переводчика с русского языка на английский / В. С. Слепович. – 2-е изд. – Минск : ТетраСистемс, 2006. – 304 с.
11. *Толковый переводоведческий словарь.* – 3-е изд., перераб. – М. : Флинта ; Наука, 2003. – 320 с.

УДК 005.321:[378.016:811.11] – 057.17

**ФОРМИРОВАНИЕ У БУДУЩИХ МЕНЕДЖЕРОВ СФЕРЫ УПРАВЛЕНИЯ
ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОМУ
РАЗВИТИЮ В ХОДЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

**FORMATION OF WOULD-BE MANAGERS' POSITIVE MOTIVATION
TO PROFESSIONAL AND PERSONAL DEVELOPMENT THROUGH LEARNING
FOREIGN LANGUAGES**

А. Е. Ильин

A. E. Ilyin

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы развития профессионально значимых личностных качеств будущих менеджеров сферы государственного и муниципального управления с использованием потенциала предмета «Иностранный язык», раскрывается взаимосвязь между созданием положительной мотивации к изучению иностранных языков у студентов-управленцев и повышением эффективности процесса их профессионально-личностного развития в вузе.

Abstract. The article considers the problems of development of professionally significant personal qualities of would-be managers of the sphere of state and municipal administration with the use of potential of the subject «Foreign Language». The author shows the interrelation between the creation of positive motivation for learning foreign languages at higher educational institution and the increase of efficiency of the process of would-be managers' professional and personal development.

Ключевые слова: *иностранный язык, положительная мотивация, мотивы, цели, потребности, интерес, профессионально-личностное развитие.*

Keywords: *foreign language, positive motivation, motives, purposes, requirements, interest, professional and personal development.*

Актуальность исследуемой проблемы. Систематическая и целенаправленная деятельность берет начало и осуществляется индивидом в силу того, что им самим или кем-то извне создаются некие мотивы, определяющие, насколько эффективно будет происходить процесс, направляющие его ход и характер действий, ведущих к достижению поставленных целей, и в конечном итоге являющиеся показателем успешности проделанной работы.

Опыт работы в вузе позволяет предположить, что эффективность профессионально-личностного развития будущих менеджеров сферы управления связана с положительной мотивацией его субъектов к самому процессу и его результату и зависит от уровня ее сформированности не меньше, чем от способностей обучаемых, уровня их интеллекта и других немаловажных факторов.

Присутствие у субъекта деятельности положительной мотивации объясняет направленность и последовательность его действий по достижению конечного результата, придает им организованный и устойчивый характер [1].

Учебный процесс в высшем учебном заведении является такой формой организации совместной деятельности преподавателя и студента, где правильно заданные мотивы и цели позволяют наиболее быстро и эффективно усвоить теоретические знания, провести работу по формированию соответствующих умений и навыков, а также развить у обучаемого с наибольшей долей его сознательного участия профессиональные и личностные качества, нужные в будущем для успешного решения различных профессиональных задач. В связи с этим актуальной является проблема формирования у будущих менеджеров сферы государственного и муниципального управления положительной мотивации к развитию профессиональных и личностных качеств с использованием потенциала дисциплины «Иностранный язык».

Материал и методика исследований. В работе применялись теоретические методы исследования (изучение трудов таких авторов, как Л. М. Белик, А. В. Запорожец, А. Г. Ковалев, К. Н. Корнилов, В. Н. Куницына, О. Г. Максимова и др.; анализ государственных нормативных документов и рабочих программ по дисциплине «Иностранный язык»).

Результаты исследований и их обсуждение. Проблеме формирования мотивации посвящены труды Е. П. Ильина [4], И. Н. Кузнецова, А. Н. Леонтьева [8], А. К. Марковой [9], А. Маслоу [10] и др.

Е. П. Ильин, анализируя роль мотивов деятельности в процессе обучения, говорит о том, что система мотивов является довольно сложной и состоит из двенадцати структур и подструктур, которые образуют три основные части, или блока. Им выделяются блоки потребностей, «внутреннего фильтра» и целей. Эти блоки определяют выполнение индивидом того или иного действия, являются основанием для построения стратегии поведения по решению какой-либо задачи [4].

Важнейшим основанием, определяющим начало деятельности и направляющим ее в процессе осуществления, является наличие потребностей. Их можно определить как один из видов отношений индивида или группы с окружающей средой, как состояние, передающее зависимость личности или социальной группы от различных условий их существования. Потребности представляют собой фактор развития и источник деятельности [11]. В. И. Куницына трактует потребности как некое положение личности, которое является результатом определенной нужды в данных конкретных условиях. Потребности относятся к числу основных условий существования индивида как личности, направляют и ускоряют ход ее развития [7].

По классификации А. Маслоу потребности делятся на низшие, или физиологические, которые в ходе учебного процесса не могут иметь решающего влияния, и высшие. Среди последних выделяются потребности в самоактуализации, самоуважении, социальных связях и другие, которые могут стать определяющими в процессе обучения [10]. Кроме того, потребности можно разделить на внешние и внутренние. Важными при формировании положительной мотивации к процессу обучения можно назвать потребность учиться, потребность в умственном развитии, а также собственные влечения, желания, интересы, идеалы и цели индивида, относящиеся к осознанным побуждениям [1].

Среди внутренних потребностей, определяющих мотивацию человека к совершенствованию того или иного действия, одно из ведущих мест занимает интерес. В настоящее вре-

мя целью учебно-познавательной деятельности в вузе является не только передача теоретических знаний от обучающего к обучаемому, но в большей степени формирование у будущего профессионала определенных умений и навыков, развитие качеств личности обучаемого, которые позволят ему с успехом выполнять любые задачи, входящие в сферу его профессиональной деятельности.

Многообразие сфер, в которых можно рассматривать интерес как явление, связанное с процессом и результатом деятельности, обуславливает его сложность и многогранность, а также объясняет возможные различные точки зрения на данное понятие. Так, А. Г. Ковалев определяет интерес в связи с деятельностью как некое положительное эмоциональное состояние, связанное с предстоящим процессом ее выполнения [5]. А. В. Запорожец рассматривает данное явление как склонность обращать внимание на те или иные объекты окружающей действительности [3]. А. Н. Леонтьев трактует его как определенную направленность познавательного характера [8]. В дальнейшем применительно к образовательному процессу вуза мы будем понимать под интересом определенное психофизическое состояние обучаемого, обеспечивающее его сознательное и активное участие в процессе обучения, а также определяющее наличие или отсутствие у него мотивов к достижению определенного результата обучения.

Рассматривая проблему формирования у будущих менеджеров сферы управления положительной мотивации к профессионально-личностному развитию с использованием потенциала иностранных языков, необходимо остановиться на такой важной составляющей мотивационной сферы индивида, как цели, или целевые установки. Цели могут быть временными и постоянными, краткосрочными и долгосрочными, однако именно цель является тем организующим звеном деятельности, которое превращает отдельные, не связанные друг с другом действия в систему по достижению определенного результата [1].

К. Н. Корнилов в своих трудах определяет цель, влияющую на эффективность деятельности, как одну из наиболее важных ее составляющих. Целевые установки имеют непосредственную связь с желаниями и побуждениями индивида и вместе с ними формируют общую основу его мотивационной сферы [6]. Выбор цели может происходить как по инициативе самой личности, так и определяться внешними условиями, однако и в том, и в другом случае избранная целевая установка должна иметь для участника деятельности субъективную значимость.

Положительная мотивация является одним из ведущих факторов, организующих и направляющих действия личности по достижению определенного результата в учебно-познавательном процессе. Личностно значимые мотивы, реализующиеся в виде таких психологических составляющих, как желания, замыслы, стремления и т. д., стимулируют индивида к развитию профессионально значимых и личностных качеств в процессе обучения в вузе. Практика показала, что положительная мотивация к изучению того или иного предмета мобилизует обучаемого и придает его действиям необходимое направление, организует и регулирует ход и результат процесса профессионально-личностного развития будущего профессионала.

Работа по развитию профессиональных и личностных качеств будущих менеджеров сферы государственного и муниципального управления в основном ведется в процессе изучения профильных дисциплин, однако предметы гуманитарного цикла, входящие в основную образовательную программу высшей школы, также обладают необходимым для этого потенциалом.

Преподаватель иностранного языка при соблюдении определенных организационно-педагогических условий может формировать и развивать у студентов качества, необходимые для успешного выполнения управленцем-менеджером профессиональных обязанностей, поэтому направленность преподавания этой дисциплины в вузе на профессионально-личностное развитие студентов-управленцев вносит значительный вклад и в формирование определенных компонентов профессиональной компетентности.

Исследования ученых и наше собственное исследование показали, что изучение иностранных языков в вузе может обогатить теоретические знания будущего менеджера-управленца в профессиональной сфере (знания основ организационно-управленческой деятельности и норм делового общения); развить необходимые качества личности будущего профессионала (дисциплинированность, исполнительность, трудолюбие, творческий подход к порученному делу и др.); сформировать умения и навыки в сфере деловой коммуникации, наличие которых является немаловажной чертой успешного специалиста-управленца. Однако вышеперечисленные компоненты профессиональной компетентности зачастую не могут в достаточной степени развиваться на занятиях по иностранному языку, причиной чему является отсутствие у обучаемых мотивации к изучению иностранного языка и развитию профессионально значимых и личностных качеств в процессе изучения этой дисциплины. Формирование положительной мотивации к учению должно входить в организационно-управленческую функцию преподавателя высшей школы, которая осуществляется с целью организации целостного и всестороннего педагогического процесса, организуемого в условиях современного вуза. В процессе обучения и воспитания, охватывающем как учебные занятия, так и внеаудиторную работу студента, происходит формирование профессионально значимых и важных личностных качеств будущего менеджера-управленца, т. е. становление обучаемого как профессионала [12, 174].

Положительная мотивация к изучению дисциплины «Иностранный язык» и профессионально-личностному развитию в процессе изучения данного предмета может быть сформирована у будущих менеджеров сферы государственного и муниципального управления путем выявления мотивов, которые в учебно-познавательной деятельности осознаются студентом-управленцем как ведущие и первостепенные (интерес к профессии, общение с людьми, самосовершенствование, получение в будущем высокооплачиваемой работы, самореализация и др.), и приближения к ним целей изучения иностранных языков в высшей школе. Для этого необходимо провести диагностическое исследование, в ходе которого будут выявлены субъективные высшие потребности обучаемых, которыми они руководствуются в процессе получения высшего образования, и соотнести с ними основные цели обучения иностранным языкам, определив как основные те, результатом достижения которых будет удовлетворение вышеуказанных личных потребностей.

Е. В. Гунина и Д. О. Волошина указывают на то, что немаловажной потребностью для будущих менеджеров-управленцев в процессе обучения в вузе является получение интеллектуального удовлетворения и самореализация [2, 41], чему в большей степени может способствовать овладение иностранным языком и его составляющими, которые могут использоваться для достижения успеха в избранной профессии. Изучение иностранного языка, основанное на максимальном приближении учебного материала к сфере профессиональной деятельности, способствует повышению интереса обучаемых к расширению профессиональных знаний, появлению стремления совершенствоваться в профессиональном и личностном плане.

Также важным при формировании положительной мотивации к изучению определенного предмета является процессуальный мотив, который проявляется в положительном отношении студентов к определенным видам деятельности. При выборе средств обучения должны пользоваться приоритетом те, которые вызывают у обучаемых положительные эмоции и интерес (технические средства обучения, интернет-ресурсы, аудио- и видеоматериалы, печатные материалы СМИ, наглядные пособия и др.). Правильно выбранные формы и средства аудиторной и внеаудиторной работы также способствуют развитию у обучаемых желания постоянно развиваться и самосовершенствоваться в профессиональном плане. В немалой степени этому будет способствовать усиление профессиональной направленности обучения иностранному языку на факультете управления, обучение иностранному языку с учетом содержания дисциплин профессионального цикла. Кроме того, необходимо соблюдать индивидуальный подход в обучении, придерживаться коммуникативно-деятельностного принципа обучения иностранному языку, поэтапно формировать у управленцев-менеджеров профессионально значимые умения и навыки.

Резюме. Формирование положительной мотивации к профессионально-личностному развитию в процессе изучения дисциплины «Иностранный язык» является одной из первостепенных задач профессиональной подготовки будущих менеджеров сферы государственного и муниципального управления. Решение этой задачи в ходе обучения студентов иностранным языкам на основе сформированных положительных мотивов к данному аспекту учебно-познавательного процесса позволит преподавателю высшей школы организовать обучение с наибольшей эффективностью, а обучаемому даст возможность развивать необходимые профессионально-личностные качества и в дальнейшем совершенствоваться в избранной профессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белик, Л. М. Педагогические условия управления мотивацией овладения речевой деятельностью иностранными студентами-нефилологами : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Л. М. Белик. – Ставрополь, 2003. – 23 с.
2. Гунина, Е. В. Изучение мотивации учения у студентов педагогического и непедагогического направления, обучающихся в педагогическом вузе / Е. В. Гунина, Д. О. Волошина // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2013. – № 1 (77). Ч. 2. – С. 39–43.
3. Запорожец, А. В. Психология действия / А. В. Запорожец. – М. : Моск. психол.-соц. ин-т ; Воронеж : МОДЭК, 2000. – 736 с.
4. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы : учебное пособие / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2000. – 508 с.
5. Ковалев, А. Г. Психология личности / А. Г. Ковалев. – М. : Просвещение, 1965. – 289 с.
6. Корнилов, К. Н. Психология / К. Н. Корнилов. – М. : Просвещение, 1965. – 605 с.
7. Куницына, В. Н. Потребности и мотивы личности / В. Н. Куницына // Психология. – М. : Проспект, 2001. – 358 с.
8. Леонтьев, А. Н. Потребности, мотивы и эмоции / А. Н. Леонтьев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 40 с.
9. Маркова, А. К. Формирование мотивации обучения / А. К. Маркова, Т. А. Матис, А. Б. Орлов. – М. : Просвещение, 1990. – 192 с.
10. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб. : Евразия, 1999. – 316 с.
11. Новейший философский словарь / под ред. А. А. Грицанова. – М. : Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
12. Тимофеева, О. А. Проблема подготовки научно-педагогических кадров для высшей школы в условиях модернизации образования / О. А. Тимофеева, О. Г. Максимова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2013. – № 1 (77). Ч. 2. – С. 173–179.

УДК 37.02

**СИСТЕМА НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ:
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ВЗРОСЛЫХ УЧАЩИХСЯ**

**LIFE-LONG EDUCATION SYSTEM:
SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF ADULT STUDENTS**

Е. В. Корсакова

E. V. Korsakova

*ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена», г. Санкт-Петербург*

Аннотация. В статье освещаются вопросы обучения взрослых в рамках системы непрерывного образования; анализируются проблемы обучаемости взрослых; рассматриваются психологические особенности взрослого контингента учащихся и их возрастная динамика, а также социальные особенности взрослых учащихся и их влияние на эффективное построение образовательного процесса.

Abstract. The article deals with the issues of contemporary education, with the life-long education system for adults; the article also highlights the wide range of ideas concerning the problem of the adult ability to study; considers psychological characteristics of adult students and their age dynamics, social particularities and their influence onto effectiveness of educational process.

Ключевые слова: современное образование, система непрерывного образования, проблема обучаемости взрослых, социально-психологические особенности контингента взрослых.

Keywords: modern education, life-long education system, problem of the adult ability to study, social and psychological characteristics of adult students.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность реализации концепции непрерывного образования взрослых обусловлена необходимостью их постоянного профессионального роста в рамках глобального информационного сообщества. Для построения эффективного образовательного процесса преподавателю необходимо обладать знаниями о социальных и психологических особенностях учащихся с целью повышения их образовательной мотивации и вовлечения в образовательный процесс.

Материал и методика исследований. Был проведен анализ педагогической, психологической, методической литературы, а также осуществлено целенаправленное наблюдение за процессом обучения взрослых слушателей курсов иностранных языков для выявления социально-психологических особенностей этого контингента и сопоставления полученных данных с результатами предыдущих исследований. Обобщение результатов наблюдения, проведенного в рамках преподавания иностранных языков на языковых курсах для взрослых слушателей, позволило представить подробное описание особенностей взрослых учащихся в системе дополнительного (непрерывного) образования.

Результаты исследований и их обсуждение. Современное образование находится на этапе глобального реформирования вследствие коренных изменений социально-политической ситуации в мире, динамичных изменений, обусловленных тенденциями развития постиндустриального, информационного общества. В условиях научно-технического прогресса на этапе перехода мирового сообщества к информационному обществу и усиления роли международного сотрудничества происходят большие изменения в науке, культуре и иных сферах жизнедеятельности человека. Каждый член социума независимо от сферы деятельности в повседневной жизни оказывается под влиянием информационных потоков, поступающих из внешнего мира, которые требуют эффективной обработки и переработки. Объем знаний непрерывно увеличивается, что обуславливает необходимость постоянного профессионального роста и совершенствования личности, включенности специалиста в систему непрерывного образования взрослых.

В ответ на современный образовательный заказ разрабатывается множество разнообразных программ обучения взрослых слушателей [3], [7]. Для эффективного включения взрослого человека в образовательный процесс необходимо создание благоприятных условий обучения, что не представляется возможным без глубокого знания и понимания социально-психологических характеристик взрослых учащихся и всеобъемлющего их учета в образовательном процессе.

Великий педагог К. Г. Ушинский отмечал, что для того чтобы учить, нужно знать своих учащихся. В свете личностно ориентированного обучения человек рассматривается «как эпицентр культуры, как высшая духовная ценность» и признается «и целью, и результатом, и главным критерием оценки качества образования» [2, 14], что определяет права личности на реализацию собственных образовательных потребностей в процессе обучения на всем его протяжении.

В соответствии с содержательно-смысловой возрастной периодизацией развития личности можно определить, что взрослые учащиеся – это люди, которые находятся на этапе молодости или зрелости, причем взрослый человек – это «сформированная личность, способная к самостоятельному и ответственному принятию решений в соответствии с нормами и требованиями общества» [6, 12].

«Позиция взрослости» в образовательном процессе предполагает осознанность информационного запроса, понимание смысла и целей получения образования, умение контролировать себя, добровольное включение в образовательный процесс, способность к рефлексии, осознанию содержания, процесса и результатов обучения, критичность, открытость и децентрированность мышления, способность понимать и принимать множественность взглядов на мир, умение находить и предъявлять собственные приоритеты относительно содержания обучения, способность организовывать собственную учебную деятельность, самостоятельность в достижении образовательных результатов, умение учиться в системе межсубъектных отношений, стремление к самостоятельному получению знаний и их осмыслению [4].

Проблема обучаемости взрослых являлась темой обсуждения многих исследователей, причем возможность успешного обучения взрослых людей ставилась под сомнение многими теоретиками и практиками педагогической науки (Я. А. Коменский, К. Д. Ушинский, Л. С. Выготский). Я. Коменский, полагая, что «только то прочно, что усваивается в раннем детстве» [5, 286], отрицал возможность эффективного обучения взрослых. В психологии 20-х годов XX века зрелость человека определялась как «возраст, характеризующийся психологической окаменелостью» (Э. Кларепед). Спустя некоторое время в пе-

дагогической и психологической науках появляются диаметрально противоположные суждения о том, что взрослый человек является наиболее благоприятным объектом обучения (С. Пако, В. Овенс, К. Ховланд), что с возрастом способность взрослых к обучению не утрачивается и свойство обучаемости сохраняется в необходимом объеме.

В 1970-х годах Б. Г. Ананьевым было проведено крупное исследование [1] психического развития взрослых, начиная с периода юности (18 лет) и до 55 лет, где прослеживалась динамика развития психических функций: внимания, памяти, мышления, интеллекта в целом. В результате исследования было установлено, что уровень функционального развития интеллекта взрослого человека (по методике Векслера и пр.) остается достаточно высоким на всех этапах его возрастной эволюции, что свидетельствует о высоких потенциалах *обучаемости* взрослых. Было установлено, что постоянная умственная работа, включенность личности в образовательную и самообразовательную деятельность оказывают положительное воздействие на сохранение высокого уровня психофизиологических функций, причем отмечается комплексность воздействия общественно-экономических, социально-психологических, общесоматических факторов. В настоящее время объем поступающих личностно и профессионально значимых знаний и информации, требующей усвоения, непрерывно растет, но объем информации, которую физически может усвоить взрослый человек, с развитием общества не изменяется, поэтому в процессе обучения необходим всемерный учет особенностей и возрастных изменений психических функций учащихся.

Среди *психологических особенностей* учащихся можно условно выделить собственно психологические и психолингвистические особенности, причем психологические особенности отражают возрастную динамику психических функций, а психолингвистические особенности – механизмов порождения речи.

Внимание является основным психологическим условием успешности учения. Взрослые слушатели, как правило, обладают развитым произвольным вниманием и при наличии необходимой установки и мотивации способны к концентрации внимания на учебном материале в течение всего занятия, поэтому необходимо тщательно продумывать установки к деятельности, для того чтобы процесс обучения имел высокую личную значимость для каждого учащегося, соответствовал его познавательным запросам и потребностям и способствовал поддержанию образовательной мотивации.

В рамках системы дополнительного образования следует иметь в виду тот факт, что учащиеся обычно включаются в учебный процесс после рабочего дня в состоянии сенсорного и умственного утомления, что может сказываться на работе внимания; для поддержания внимания и сосредоточенности учащихся требуется разнообразие форм и довольно частая смена видов и режимов работы; работа внимания, так же, как и познавательная деятельность взрослого человека, имеет избирательный характер, вследствие чего преподавателю необходимо проводить целенаправленную методическую работу по направлению внимания учащихся на наиболее важные аспекты.

Мышление как психологический механизм, который осуществляет преобразование получаемой информации на вербально-логическом уровне с помощью языка, знаков, символов [9, 50], отражает бытие в его связях и отношениях, в его многообразных опосредованиях [8, 309]. В течение всего жизненного цикла мышление остается активным, но наблюдается возрастное смещение ведущего вида мышления и происходят изменения в его структуре. В 18–25 лет преобладает образное и вербальное мышление, к 30 годам его опережает практическое мышление, после 30 и до 40 лет способность к образному

мышлению начинает превышать способность к вербальному, после 40 и до 55 лет происходит снижение доли практического мышления, способность к образному мышлению совпадает со способностью к вербально-логическому, после 50 лет вербальное мышление начинает превалировать над образным [4, 47–48].

Возрастные изменения в структуре мышления во многом определяются и субъективными факторами, например, такими как уровень образования, поэтому в рамках образовательного процесса следует учитывать возрастные особенности мышления и индивидуальные особенности учащихся, опираться на принцип сознательного усвоения материала на всех этапах деятельности, работать над активизацией различных видов мышления.

Память рассматривается как «психическая функция удержания в сознании и переработки прошлого опыта и представляет собой сложный процесс запоминания, сохранения, последующего воспроизведения и узнавания того, что человек воспринимал, переживал и делал» [9, 41]. Уровень развития памяти, как и уровень развития мышления, имеет непосредственную связь с наличием и характеристиками предшествующего образовательного и профессионального опыта. Работа по развитию памяти обуславливает качество мнемонической функции индивида, и активная умственная работа, «стимулирующая мнемонические функции, сказывается на индивидуально-типических особенностях памяти и приводит к достижению более высоких показателей развития памяти в целом» [6].

Возрастная динамика мнемонической функции может быть представлена следующим образом: с 27 лет снижается способность вербального сохранения и с 35 лет – вербального запечатления информации, в 34–35 и 45–50 лет общие возможности памяти снижаются по сравнению с более ранним возрастом. Для долговременного сохранения в памяти усвоенного материала взрослым слушателям необходимо многократное и постоянное повторение, причем способ семантизации лексических и грамматических явлений должен соответствовать их природе, а способ контроля усвоенных знаний – способу семантизации.

В соответствии с личностно ориентированным подходом в процессе обучения необходимо учитывать индивидуальные особенности личности, в том числе и особенности темперамента и характера. В деятельности взрослого человека *темперамент* как «динамическая характеристика психической деятельности индивида» [8, 613], которая определяет скорость протекания психических процессов, динамические особенности «реакций» личности, проявляется в неразрывной связи с *характером* – в «свойствах личности, которые накладывают определенный отпечаток на все ее проявления и выражают специфическое для нее отношение к миру, и прежде всего к другим людям» [8, 620].

Знания о возрастной динамике развития психических функций имеют большое значение, поскольку предоставляют возможность компенсации одних психических свойств другими.

Социальные особенности взрослых представляются особо значимыми, поскольку человек живет в социуме и социум оказывает большое влияние на формирование образовательных потребностей и образовательной мотивации личности. Опыт социализации во многом обуславливает формирование жизненной позиции взрослого, его отношение к деятельности, в частности, к образовательной. Факторами, оказывающими чрезвычайно важное влияние на отношение взрослых к образованию, являются: а) характер позиции взрослого в обучении; б) практический опыт; в) особенности структуры мотивации учебной деятельности.

Охарактеризуем эти факторы подробнее.

1. Позиция взрослого в образовательном процессе.

Общая позиция взрослого человека как активного субъекта общественно-трудовой деятельности находит свое проявление и в его отношении к обучению. Активное участие взрослых в групповой работе является более действенным способом обучения, чем пассивное вовлечение индивида в учебный процесс, построенный на информационно-рецептивной основе. Активная позиция, заинтересованность в получении положительного результата обеспечивают эффективность процесса усвоения знаний, формирования навыков и умений, компетенций и компетентностей.

2. Жизненный опыт.

Наличие жизненного опыта является одним из основных факторов, обуславливающих процесс обучения взрослых слушателей, который может оказывать как положительное, так и интерферирующее влияние на образовательный процесс, причем образовательный опыт играет особо важную роль. Жизненный опыт взрослого человека положительно влияет на качество усваиваемых знаний, содействует более глубокому пониманию изучаемого содержания, повышает оценку его значимости при условии, что данное содержание отвечает потребностям и запросам взрослого. Отрицательное влияние на процесс обучения могут оказывать психологические барьеры, сформированные в иной деятельности: неудачный образовательный опыт, страхи неуспешности, неадекватная самооценка, сформированные стереотипы.

3. Мотивация к учебной деятельности.

Сильная практическая мотивация является одним из основных факторов успешного обучения взрослых. Степень вовлеченности личности в деятельность играет решающую роль в формировании личностного смысла образования взрослого человека. Мотивы деятельности определяют усилия, которые затрачивает учащийся на овладение знаниями, причем деятельность взрослого человека главным образом движима практическими целями, в связи с чем обучение должно быть направлено на достижение определенных целей, соотносимых с образовательными, информационными запросами обучающихся, как ситуативными, профессионально-направленными, так и перспективными, ориентированными на развитие личности, интеллекта.

Различия познавательных потребностей мужчин и женщин сопровождаются различиями в мотивации образовательных потребностей. На первом месте как для мужчин, так и для женщин стоит мотив улучшения материального положения. Следующим по значимости для мужчин выступает стремление к профессиональным достижениям, общественному уважению, т. е. внешняя ориентация – ориентация на внешний мир, в то время как для женщин – стремление к самоуважению, саморазвитию, творческая познавательная активность, т. е. внутренняя ориентация – ориентация на собственный внутренний мир [3, 48–49].

Резюме. Современные психологическая и педагогическая науки отрицают суждения о прямой зависимости эффективности образовательного процесса от возрастных характеристик обучаемых, рассматривая влияние совокупности общественно-экономических, социально-психологических, соматических и других факторов на образовательный процесс. Для эффективного и методически корректного построения образовательного процесса необходимо проведение детального анализа и всеобъемлющего учета различных факторов, оказывающих влияние на образовательные потребности учащихся, образовательную мотивацию и образовательный процесс в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьев, Б. Г.* Развитие психофизиологических функций взрослых людей / Б. Г. Ананьев. – М. : Педагогика, 1977. – 200 с.
2. *Бондаревская, Е. В.* Ценностные основания личностно ориентированного воспитания / Е. В. Бондаревская // Педагогика. – 1995. – № 4. – С. 29–36.
3. *Иванов, Д. Е.* Моделирование системы повышения квалификации педагогических кадров в условиях модернизации российского образования / Д. Е. Иванов // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2012. – № 1 (73). Ч. 1. – С. 50–55.
4. *Колесникова, И. А.* Основы андрагогики / И. А. Колесникова. – М. : Академия, 2003. – 240 с.
5. *Коменский, Я.* Избранные педагогические сочинения : в 2 т. Т. 1 / Я. Коменский. – М. : Педагогика, 1982. – 656 с.
6. *Кулюткин, Ю. Н.* Психология обучения взрослых / Ю. Н. Кулюткин. – М. : Просвещение, 1985. – 128 с.
7. *Мазкова, И. Г.* Непрерывное образование социально-педагогических кадров: феноменологический аспект / И. Г. Мазкова, С. Н. Толстикова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2012. – № 2 (74). Ч. 2. – С. 85–90.
8. *Рубинштейн, С. Л.* Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – 2-е изд. – М. : Педагогика, 2000. – 424 с.
9. *Степанова, Е. М.* Усвоение системы русского языка в краткосрочном коммуникативном курсе / Е. М. Степанова // Краткосрочное обучение русскому языку иностранцев. – М. : МГУ, 1983. – 187 с.

УДК 371.8.06

**РЕГИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ «РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА
В СРЕДНЕЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ»
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)**

**REGIONAL MODEL «IMPLEMENTATION OF MULTICULTURAL DIALOGUE
AT SECONDARY SCHOOL» (THE REPUBLIC OF KOMI)**

Е. В. Лыткина

E. V. Lytkina

ФГБОУ ВПО «Коми государственный педагогический институт», г. Сыктывкар

Аннотация. Статья посвящена изучению региональных особенностей формирования толерантности подростков в условиях поликультурного воспитания на примере Республики Коми. В ней проанализированы опыт работы учреждений образования и культуры и процесс развития институтов гражданского этнокультурного общества, дана авторская региональная модель «Реализация поликультурного диалога в средней общеобразовательной школе» (на примере Республики Коми).

Abstract. The article contains the materials devoted to studying the regional features of tolerance development at teenagers under conditions of multicultural education of the Republic of Komi, analyzes the experience of the institutions of education and culture and the process of development of institutions of a civil ethno-cultural society, presents the author's regional model «Implementation of multicultural dialogue at secondary school» (the Republic of Komi).

Ключевые слова: *регион, воспитание, толерантность, среда, стереотип, поликультурность, модель.*

Keywords: *region, education, tolerance, environment, stereotype, polyculture, model.*

Актуальность исследуемой проблемы. Одним из важных факторов формирования толерантности в условиях поликультурного воспитания является использование этнокультурных традиций народов того региона, где оно осуществляется. В данной статье речь пойдет о Республике Коми. Это многонациональный регион, в котором действует несколько социальных субъектов, активно проводящих свою политику по отношению к образованию, в частности, национальные группы, конфессиональные общины, муниципальные власти, общественные движения и т. п. В связи с этим важными являются вопросы сохранения единого образовательного пространства с учетом этнокультурных особенностей народов, проживающих на территории Республики Коми, и формирования у подрастающего поколения толерантности в условиях поликультурного воспитания.

Материал и методика исследований. Исследование проводилось с 2009 по 2013 г. В нем участвовало 198 человек: педагогические коллективы, учащиеся 5–7 общеобразовательных и экспериментальных (с углубленным изучением немецкого языка) классов МАОУ «СОШ № 21 с углубленным изучением немецкого языка» г. Сыктывкара Республики Коми.

В процессе исследования был использован комплекс теоретических (изучение и анализ философской, психолого-педагогической литературы по проблеме исследования) и эмпирических методов исследования (наблюдение, беседы, изучение особенностей освоения учащимися национальной культуры, в том числе анализ материалов о регионализации концепции обновления учебно-воспитательной системы, изучение программных документов, фактических материалов работы школ и инновационных технологий, разработка спецкурса по формированию толерантности подростков в условиях поликультурного воспитания «Республика Коми нас объединила», апробация методических рекомендаций, обработка результатов эксперимента).

Параллельно разрабатывалась региональная модель системы формирования у подростков толерантности, в структуру модели вносились дополнения, способствующие межведомственному взаимодействию.

Результаты исследований и их обсуждение. Проблема толерантности на сегодняшний день является одной из самых актуальных в России – стране многонациональной и многоконфессиональной, с множеством проблем в межкультурных отношениях.

Один из наиболее распространенных концептов неконфликтного взаимодействия людей в поликультурном социуме – идея толерантности. В нашу страну эта идея пришла во второй половине 1990-х гг. На сегодняшний день наблюдается пристальное внимание многих исследователей, таких как А. Г. Асмолов [1], Г. Л. Бардиер [2], Л. М. Захарова [4], М. Б. Кожанова [5], А. В. Рыбаков [9] и др., к обозначенной нами проблеме.

Научное исследование затрудняет неопределенность понятийного аппарата толерантности, неоднозначность использования методов изучения данного феномена, отсутствие единой системы анализа объективных и субъективных факторов и условий развития толерантности.

К сожалению, нетерпимость через СМИ и социальное окружение детей все чаще проникает в школу. Расизм, профашистские настроения, культурная дискриминация становятся распространенными явлениями в детской среде. Каждый год в школу приходит все больше детей разных национальностей, из семей с разным социальным статусом, разными материальными возможностями. Предметом нетерпимости в школе может выступать как национальная, религиозная, этническая, социальная, половая принадлежность ребенка, так и особенности его внешнего вида, интересы, увлечения, привычки.

Изучение региональных особенностей формирования толерантности у подростков [7], анализ работы учреждений образования и культуры, институтов гражданского этнокультурного общества позволили разработать авторскую региональную модель «Реализация поликультурного диалога в средней общеобразовательной школе» (рис. 1).

Модель дает возможность представить национально-региональное своеобразие социальных субъектов Республики Коми, их взаимодействие в контексте формирования межэтнического согласия, построения толерантных отношений и профилактики этнического сепаратизма, а также выделить ведущие социально-педагогические направления работы школы и функции образовательно-воспитательного процесса в регионе.

Описывая границы модели, мы отмечаем, что можно говорить о воспитательной среде региона, города, поселка. Мы избрали предметом нашего исследования воспитательную среду МАОУ «Средняя общеобразовательная школа № 21 с углубленным изучением немецкого языка» г. Сыктывкара Республики Коми, внутри которой организована поликультурная воспитательная среда.

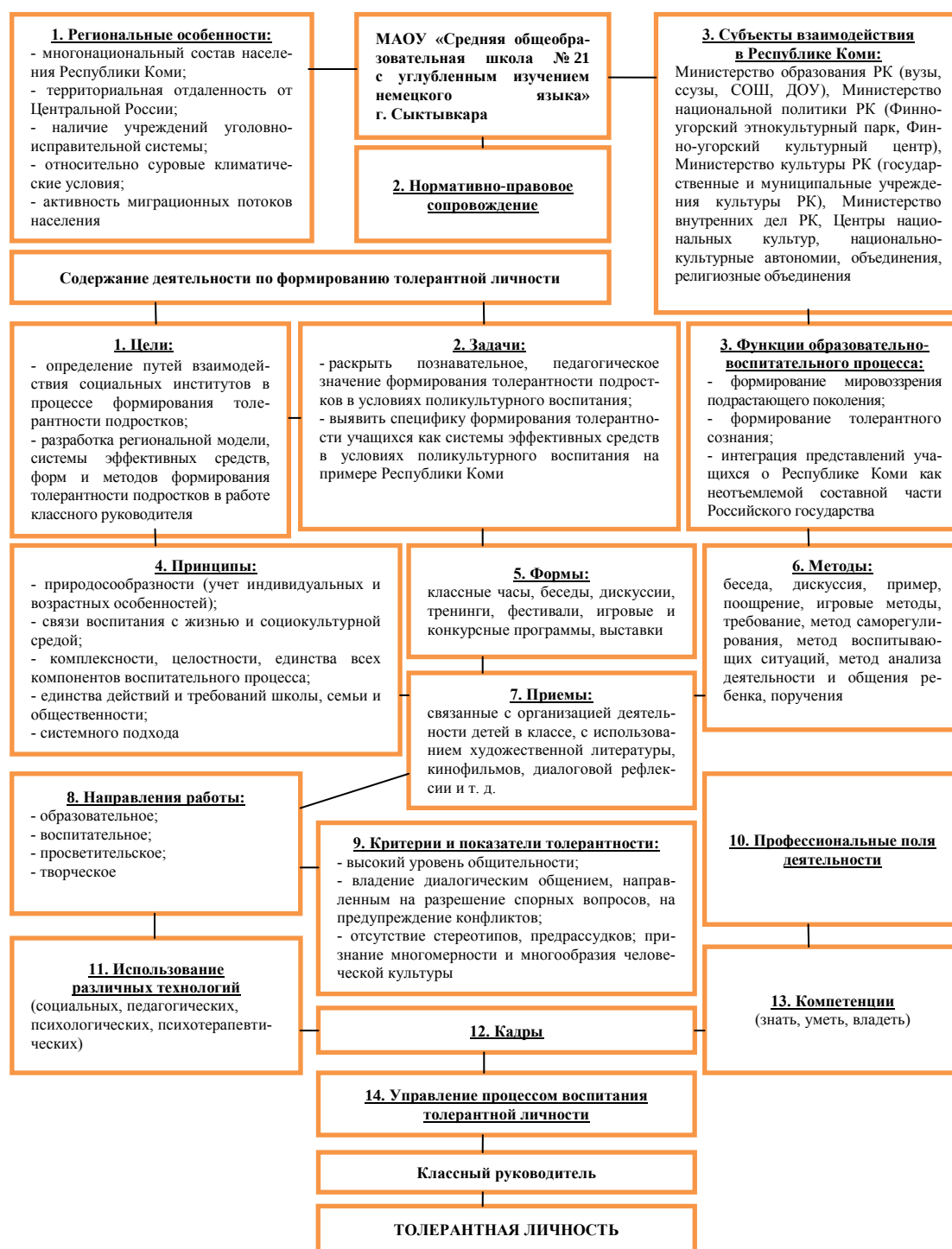

Рис. 1. Авторская региональная модель «Реализация поликультурного диалога в средней общеобразовательной школе» (на примере Республики Коми)

Модель делает возможным представление положительного опыта по созданию правовых основ взаимодействия государства и общества в части защиты национальных интересов граждан. С этой целью в Республике Коми сформирована региональная правовая база, достигнуты определенные результаты в развитии национальных систем образования, создана сеть детских этнопедагогических центров. В настоящее время реализуются долгосрочные республиканские и ведомственные целевые программы, работает ряд учебных заведений с углубленным изучением языка, культуры и истории народов республики.

Модель интегрирует содержание и профессиональные поля деятельности по формированию у подростков толерантности, нормативно-правовое сопровождение этой деятельности, субъектов взаимодействия. Деятельность, направленная на формирование толерантности подростков, реализуется через систему различных форм, методов, приемов, технологий [6, 72–73]. В основу данной модели положены следующие подходы:

- региональный, позволяющий учитывать специфику целостной социально-экономической системы Республики Коми. Этот подход способствует объединению всех воспитательно-профилактических возможностей, повышению уровня и качества профессионализма обучаемых, позволяет учитывать наличие и взаимосвязь субъектов, нормативно-правовую базу;

- средовой, дающий возможность использовать среду в педагогическом процессе. Данный подход объединяет воздействие всех воспитательных инструментов общества в рамках окружающей среды, в результате чего может появиться региональная воспитательная система [8];

- личностный, способствующий удовлетворению потребностей и интересов ребенка. При использовании данного подхода педагог нацелен на развитие в каждом ученике уникальных личностных качеств;

- культурологический, рассматривающий поликультурное воспитание сквозь призму понятия культуры. Данный подход обусловлен объективной связью человека с культурой как системой ценностей. Задача классного руководителя состоит в приобщении учащихся к культурному потенциалу и формированию на этой основе толерантности и межкультурной грамотности в целях предупреждения образовательной и культурной депривации, а также конфликтов на межнациональной почве;

- системный, в совокупности рассматривающий все звенья процесса формирования толерантности подростков. В содержательном отношении авторская региональная модель представлена как совокупность взаимодействующих компонентов [3].

Координатором процесса формирования толерантности подростков является классный руководитель, который организует учебно-воспитательную работу в определенном классе, решает ряд частных задач, связанных с формированием отношений учащихся со сверстниками.

Резюме. Анализ методической литературы и документов, опыта работы школ показал, что деятельность классного руководителя с учащимися, проявляющими интолерантность, не отличается системностью и скоординированностью. В регионе не проводятся масштабные исследования по данной проблематике. В системе подготовки и переподготовки специалистов психолого-педагогического профиля специальные учебные курсы не предусмотрены. На местах не хватает хорошо подготовленных специалистов для проведения работы по данному направлению, а также учебных пособий, методических и иных материалов, четких выводов и рекомендаций.

Школа – важнейший институт социализации. Положение подростка в системе межличностных взаимоотношений – существенная предпосылка формирования толерантной личности. Неудовлетворенность в общении с одноклассниками сказывается не только на успеваемости, но и на поведении, что может стать причиной делинквентного поведения, поэтому деятельность по формированию толерантности подростков следует осуществлять в тесном сотрудничестве с родителями и семьями обучающихся.

Социально-педагогическая работа с подростками, построенная на основных положениях вышеуказанной региональной модели, и реализация программы по формированию толерантности «Республика Коми нас объединила» показали свою эффективность. 92 % учащихся общеобразовательных и 97 % учащихся экспериментальных классов признали себя толерантным человеком, назвали правильные критерии и показатели толерантности. Данные показатели выросли по сравнению с начальным этапом на 74 (было 18 %) и 65 % (было 32 %) соответственно.

Таким образом, в Республике Коми сегодня актуализируется влияние всех социальных субъектов, институтов педагогического процесса на формирование толерантности школьников в общеобразовательном учреждении в условиях поликультурного воспитания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов, А. Толерантность – культура XXI века / А. Асмолов // Век толерантности. – 2004. – № 7. – С. 78–82.
2. Бардиер, Г. Л. Социальная психология толерантности / Г. Л. Бардиер. – СПб. : СПбГУ, 2005. – 119 с.
3. Бережнова, Л. Н. Полиэтническая образовательная среда / Л. Н. Бережнова. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. – 203 с.
4. Захарова, Л. М. Этнопедагогическая направленность воспитания детей в истории отечественной педагогики / Л. М. Захарова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2010. – № 3 (67). Т. 1. – С. 47–54.
5. Кожанова, М. Б. Теоретические основы поликультурного образования будущих педагогов / М. Б. Кожанова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2011. – № 4 (72). Ч. 2. – С. 61–66.
6. Кукушин, В. С. Теория и методика воспитательной работы : учебное пособие / В. С. Кукушин. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – Ростов н/Д. : МарТ ; Феникс, 2010. – 352 с.
7. Лыткина, Е. В. Практический опыт формирования толерантности подростков в условиях поликультурного воспитания / Е. В. Лыткина // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2014. – № 1 (81). – С. 132–136.
8. Методика воспитательной работы : учебник для студентов учреждений среднего профессионального образования / под ред. В. П. Сергеевой, В. А. Недоспасава. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Академия, 2011. – 368 с.
9. Рыбаков, А. В. Патриотическое воспитание школьников на основе культурных традиций народов полиэтнического региона / А. В. Рыбаков // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2013. – № 1 (77). Ч. 2. – С. 153–156.

УДК 373.1.02:372.8

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ ТЕХНОЛОГИИ НА ОСНОВЕ МАРИЙСКИХ НАРОДНЫХ РЕМЕСЕЛ

DEVELOPMENT OF CREATIVE ABILITIES AT PUPILS ON BASIS OF THE MARI FOLK CRAFTS AT SHOP CLASSES

Т. И. Полевщикова

T. I. Polevshchikova

ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет»,
г. Йошкар-Ола

Аннотация. В статье рассматривается необходимость использования на уроках технологии марийских народных ремесел с целью развития творческих способностей школьников. Дается обоснование актуальности предлагаемого материала. Раскрывается понятие «творчество», которое чаще всего связывается с понятием *творческих способностей* и рассматривается как личностная характеристика, состоящая из нескольких составляющих. Выделены необходимые условия развития творческих способностей школьников. В ходе исследования определены показатели уровня развития творческих способностей школьников на уроках технологии.

Abstract. This article discusses the necessity of involving the Mari folk crafts to develop creative abilities at pupils at shop classes. The substantiation of the relevance of the proposed material is given. The article reveals the notion of creativity that is often associated with creative abilities and regards it as an individual characteristic which consists of several components. The necessary conditions for the development of creative abilities at students are revealed. The study identifies the indicators of the level of development of creative abilities of students at shop classes.

Ключевые слова: *технология, творческие способности, марийские народные ремесла.*

Keywords: *technology, creative abilities, Mari folk crafts.*

Актуальность исследуемой проблемы. Введение в общеобразовательные школы России предметной области «Технология» явилось результатом поиска принципиально новых подходов к трудовой подготовке молодежи, к формированию широко образованной личности и адаптации ее к складывающимся социально-рыночным условиям. Это обуславливает необходимость повышения качества подготовки школьников, формирования у них готовности к самостоятельной творческой деятельности, воспитания потребности в творческом труде, реализации потенциальных возможностей [1], [4], [7].

Вместе с тем, несмотря на достаточно широкий спектр научно-педагогических исследований по проблеме подготовки творческой, конкурентоспособной личности, творческий потенциал выпускников общеобразовательных школ остается недостаточно высоким. Именно в школе идет закладка фундамента творческой деятельности ребенка, в вузе – ее развитие, а в профессиональной деятельности происходит ее совершенствование [3].

Большую помощь в развитии творческих способностей школьников на уроках технологии может оказать изучение марийских народных ремесел. Все вышесказанное подчеркивает актуальность нашего исследования.

Материал и методика исследований. Работа базируется на изучении марийских народных ремесел как основы для исследования традиций, новаций и норм в современной культуре, которая участвует в образовании нового человека, формируя его социальный опыт.

Были использованы следующие методы исследования: теоретический анализ научной литературы по проблеме исследования, анализ результатов деятельности учителей технологии и учащихся, наблюдение, беседы, анкетирование, обобщение педагогического опыта, педагогический эксперимент, методы статистической обработки экспериментальных данных и др.

Результаты исследований и их обсуждение. На протяжении многих веков декоративно-прикладное искусство и народные ремесла являлись одним из средств духовно-творческого воспитания детей, обладающим значительной силой воспитательного воздействия. Исследователи доказали благотворность влияния различных видов рукоделия на развитие фантазии детей, образного мышления, на активизацию процесса их творчества, а также на эстетическое воспитание в целом. Во время творческого процесса изготовления художественных изделий осуществляется глубокое изучение теоретических основ конкретного художественного ремесла, развивается интерес к творчеству мастеров народных промыслов. Тем самым реализуется важный педагогический принцип тесной связи теории с практикой.

Понятие *творчество* чаще всего связывается с понятием *творческих способностей* и рассматривается как личностная характеристика, которая состоит из нескольких составляющих: способности, любознательности, активности, воображения, внимания, наблюдательности, мотивации и трудолюбия. Творчество – это личностное качество, базирующееся на развитии высших психических функций. Когда творчество как навык включается во все виды деятельности, поведения, общения, контакта со средой, тогда оно позволяет, с одной стороны, находить в знакомом и близком новые аспекты, а с другой стороны, встречаться с новым и неизвестным, создавая из него с помощью имеющегося знания новые эмоции.

Многие исследователи определяют творчество через свойства личности, ее *способности*. Способности к творчеству нужно воспитывать и развивать в направленной деятельности. Центральное место в творчестве занимает способность человека к постановке новых вопросов. Корни этой способности лежат в природной *любопытности* ребенка и в тех ситуациях общения и деятельности, в которых осуществляется его развитие [3].

Выделяются две крайние группы школьников – активные, творческие и пассивные, нетворческие. У первых наблюдается рост избирательности интересов их исследовательского и подлинно творческого характера. У вторых активность резко снижена, интересы носят шаблонный, нетворческий характер. Творческая *активность* детей позволяет сохранить и значительно повысить интерес к учебе. Проявление и развитие творческой активности школьников во многом зависит от окружения, в котором подросток находится в школе. Одной из основных проблем современной школы является формирование познавательной активности школьников.

Следующей составляющей творческих способностей является *воображение*. Творческим воображением называют самостоятельное создание новых образов. Творческая деятельность воображения находится в прямой зависимости от богатства и разнообразия прежнего опыта человека. Чем богаче опыт, тем больше материал, которым располагает его воображение.

Необходимо привлечь внимание школьников к учебному материалу, удерживать его. *Внимание* – это ядро системы познавательных процессов. Все познавательные процессы начинаются с внимания. Развитие внимания до его высших творческих форм, пробуждающих фантазию и воображение, заключается в особенности видеть новое, неизведанное, интересное и удивляться всему, что способствует развитию творчества – открытию и созиданию нового знания. Важна и *наблюдательность* – способность замечать предметы и явления. Знакомясь с творческим трудом, школьники познают себя: направленность своих интересов и способностей, черты характера и свои возможности, приобретают первичные специальные знания и навыки. Они овладевают различными формами творческой деятельности по интересам, знакомятся с людьми творческих профессий [1].

Учитель, желающий развить в ученике неудержимую тягу к творчеству, обязательно должен быть во всех своих проявлениях «изобретателем», человеком, которому для существования творчество необходимо как воздух. Первый способ развития творческих способностей основан на том, что творчество заразительно. Способ второй – это непрерывно предлагать задачи, преодолевать препятствия, выполнять работу при дефиците какого-либо ресурса (например, времени, материалов и т. д.). Но главное правило – задать тон учебной жизни и учебному процессу. Исследования показали, что именно стремление к познанию или познавательная потребность в наибольшей мере ответственны за уровень развития творческих и умственных способностей детей. Для развития творческого потенциала личности ребенка необходимо систематически обращаться к эмоциональным переживаниям. Возможность выразить свое эмоциональное состояние дает ощущение реализованности собственной индивидуальности.

Диагностику успешности процесса обучения необходимо осуществлять с помощью повседневного наблюдения, заданий и задач, выставления отметок в соответствии с критериями: особенностями самостоятельного мышления, творческого воображения, теоретического и художественного мышления, критического анализа, владения приемами умственного и практического труда, практического приложения знаний, приложения культуры потребностей и интересов [2], [5], [6].

Наше исследование развития творческих способностей школьников в процессе организации занятий по технологии осуществлялось на основе марийских народных ремесел, где художественная культура народа мари выступает как базис для изучения традиций, новаций и норм в современной культуре.

При выявлении и оценке уровня развития творческой личности школьников мы руководствовались следующими критериями: наличием творческой активности и творческого мышления, наличием специальных знаний, умений и навыков. Мы обнаружили, что действующая программа школ республики по технологии не полностью учитывает использование национальных особенностей марийских народных ремесел. Отбор произведений марийских народных ремесел для изучения школьниками должен определяться постепенным усложнением задач эмоционального восприятия, а также предоставлением широких возможностей для развития творческой активности школьников, для формирования личности ребенка в целом.

В зависимости от материальных возможностей школьных мастерских, учебно-творческих задач и способностей школьников должна выстраиваться логика освоения определенных видов марийских народных ремесел. Соответственно смене форм эстетического познания должна быть смена видов художественно-практической работы. В связи с этим необходимо разработать серии художественно-творческих задач, практических работ с материалом, усложняющимся в пооперационной деятельности в различных видах народных ремесел.

Таким образом, была выстроена логическая структура последовательности изучения марийских народных ремесел, внедрялась в учебный процесс дидактически обоснованная система самостоятельных художественно-творческих заданий, имеющих тенденцию к усложнению, предполагающих разный уровень понимания творческих принципов повтора, вариации, импровизации. С этой целью нами были разработаны специальные задания для организации самостоятельной творческой работы школьников.

Основным содержанием художественно-практического направления процесса организации занятий по изучению марийских народных ремесел является следующее:

- формирование у учащихся умений воспринимать художественный образ предметов декоративно-прикладного искусства;
- формирование у школьников навыков работы с различными материалами (тканями, берестой, глиной, соломкой и др.);
- освоение школьниками технологий изготовления предметов декоративно-прикладного искусства;
- вооружение школьников специальными знаниями и умениями самостоятельно изучать марийские народные ремесла мастеров прошлого.

При организации занятий по рукоделию в зависимости от содержания теоретического материала были использованы в определенной последовательности различные формы их проведения. Применение разнообразных форм организации занятий было предусмотрено также с целью развития творческих способностей школьников, для чего применялись традиционные и инновационные формы организации учебного процесса в школе.

Моделирование процесса развития творческих способностей школьников в процессе организации занятий по изучению марийских народных ремесел на уроках технологии позволило нам теоретически наметить показатели развития их творческих способностей, которые определяются специфичностью решаемой нами научной проблемы. Это следующие показатели:

- понимание сущности марийских народных ремесел в процессе организации занятий по технологии как особого типа художественного творчества;
- знание основных видов марийского декоративно-прикладного искусства;
- понимание роли занятий по изучению марийских народных ремесел в развитии творческих способностей школьников;
- наличие художественно-практических умений и навыков у обучаемых, основанных на принципах марийских народных ремесел;
- наличие развитых способностей школьников к художественному творчеству в области технологии и декоративно-прикладного искусства;
- умение выделять свою мотивационную направленность в творчестве;
- владение рефлексивной оценкой своего творчества.

Разнообразие методов обучения позволило активизировать у школьников любознательность, познавательную самостоятельность, творческое отношение к работе, исследовательский подход, развивать умственные силы, сформировать различные типы мышления (эмпирический, абстрактно-логический, художественный и т. д.). Для развития творческих способностей школьников очень важна их самостоятельная деятельность, поэтому большое внимание уделялось выполнению практических работ с использованием различных природных материалов в разных техниках декоративно-прикладного искусства. Выполнение данных работ развивает умения, учит сравнивать и анализировать, формирует навыки самостоятельной работы детей.

К творческой работе можно отнести выполнение творческих проектов по различным видам марийских народных ремесел. Здесь школьники оперируют приобретенными знаниями, умениями, навыками, совершенствуют поисковую деятельность и поднимаются на новый уровень познания и развития своей личности. Такие работы нравятся учащимся, они с удовольствием их выполняют, развивая при этом творческие способности, активность, самостоятельность. Это позволяет формировать нестандартное мышление ребенка, учит выбирать рациональное решение, делать выводы и обобщения, развивать познавательный интерес к миру и к себе, повышает веру в свои возможности для достижения поставленных целей [7].

Структуру творчества можно охарактеризовать как оптимальное развитие всех возможностей индивидуальности школьника и определить по трем основным направлениям: что хочет, что может и что есть в реальности. Говоря о мотивационной готовности школьников к развитию творческих способностей, следует также иметь в виду потребность в достижении успеха. Опыт показывает, что самостоятельно добываемые учениками знания усваиваются лучше. Собственное творчество детей помогает прочнее запомнить сведения, решить проблемы мотивации, делать что-то самому интересней [3].

Исходя из исследований отечественных и зарубежных авторов, а также нашего исследования творческих способностей школьников в процессе организации занятий по технологии, можно сделать вывод, что творчество, как и способность к нему, развивается, причем развивается непрерывно на всех возрастных ступенях жизни ребенка, и это развитие осуществляется вместе с развитием личности и интеллекта школьников.

Резюме. В ходе исследования мы определили показатели уровня развития творческих способностей школьников на уроках технологии, а также разработали методические рекомендации по использованию элементов марийских народных ремесел в развитии творческих способностей учащихся.

Ведущая роль в работе отводилась уроку, реализации лекционных, семинарских и практических форм проведения учебных занятий, самостоятельной работе школьников, посещению выставок и музеев. Лекционные занятия выполняли научные, воспитательные и мировоззренческие функции. Главным звеном дидактического и методического обучения в процессе организации занятий по изучению марийских народных ремесел было сочетание разнообразных форм проведения лекций с использованием мастер-классов учителей-новаторов и видеозаписей.

По итогам работы были изданы печатные работы [8], [9], [10]. Успешность проведенного исследования доказана полученными достаточно высокими показателями развития творческих способностей школьников в процессе организации занятий по технологии на основе марийских народных ремесел.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богоявленская, Д. Б. О предмете исследования творческих способностей / Д. Б. Богоявленская // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16. – № 5. – С. 49–58.
2. Вельдбрехт, Е. Е. Диагностика творческих способностей / Е. Е. Вельдбрехт. – Херсон : Издавництво ХДПУ, 2002. – 104 с.
3. Выготский, Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте. Книга для учителя / Л. С. Выготский. – 3-е изд. – М. : Просвещение, 1991. – 96 с.
4. Голубева, Э. А. Способности и индивидуальность / Э. А. Голубева. – М. : Прометей, 1993. – 33 с.
5. Дружинин, В. Н. Психология общих способностей / В. Н. Дружинин. – СПб. : Питер Ком, 1999. – 368 с.
6. Кругликов, Г. И. Методика обучения старшеклассников творческой деятельности / Г. И. Кругликов, В. Д. Симоненко. – Курск : Изд-во Курского гос. пед. ун-та, 1998. – 321 с.
7. Павлова, М. Б. Технологическое и предпринимательское образование России / М. Б. Павлова. – Н. Новгород : НГЦ, 2003. – 173 с.
8. Полевщикова, Т. И. Дизайн-проектирование : учебное пособие / Т. И. Полевщикова, М. Г. Букреева. – Йошкар-Ола : Мар. гос. ун-т, 2011. – 228 с.
9. Полевщикова, Т. И. Учебный рисунок : учебное пособие / Т. И. Полевщикова. – Йошкар-Ола : Мар. гос. ун-т, 2011. – 176 с.
10. Полевщикова, Т. И. Художественные ремесла. Сборник образовательных программ по технологии / Т. И. Полевщикова. – Йошкар-Ола : Педагогическая инициатива, 2007. – 128 с.

УДК 377

ЭВОЛЮЦИЯ СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

EVOLUTION OF SUBJECT-SUBJECT RELATIONS IN PROFESSIONAL EDUCATION

Л. М. Прошина

L. M. Proshina

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. В статье исследуется проблема формирования субъект-субъектных отношений в профессиональном образовании. Рассмотрены современные тенденции развития общества в контексте их влияния на трансформацию современной системы профессионального образования в России и за рубежом и эволюцию субъект-субъектных отношений в современных педагогических системах. Делается попытка выявить закономерность, предложить критерии анализа и проследить динамику формирования субъект-субъектных отношений в профессиональном образовании.

Abstract. The article examines the problem of formation of subject-subject relations in professional education. The modern trends of development of society in the context of their influence on the transformation of modern system of professional education in Russia and abroad and the evolution of the subject-subject relations in contemporary educational systems are considered. The attempts to identify the pattern are made, the criteria for analysis are suggested and the dynamics of the subject-subject relations in professional education is shown.

Ключевые слова: профессиональное образование, субъект-субъектные отношения, горизонтальные связи.

Keywords: professional education, subject-subject relations, horizontal communication.

Актуальность исследуемой проблемы. Основной социальной задачей профессионального образования является удовлетворение потребности общества в рабочей силе и необходимости отдельного человека в самореализации. На разных этапах развития общества характер и содержание этих потребностей были различны. Так как современное общество развивается динамично, нужна постоянная корреляция между потребностью общества в профессионалах нового типа и трансформацией системы профессионального образования для удовлетворения этой потребности. Целью данного исследования является обобщенный анализ и сравнительная характеристика классической и формирующейся моделей субъект-субъектных отношений в профессиональном образовании.

Материал и методика исследований. В процессе исследования применялся комплекс теоретических методов: анализ научной, методической и специальной литературы

по проблеме исследования, материалов по инновационным разработкам в сфере образования; изучение содержания государственных образовательных стандартов; сравнение и сопоставление различных теоретических концепций.

Результаты исследований и их обсуждение. На ранних этапах развития общества государство относилось к отдельному человеку как к объекту: это был производитель благ, источник налогов, боевая единица при защите государства. Лишь очень немногие люди с высоким социальным статусом могли полноценно развивать свою личность и оказывать влияние на развитие общества.

Анализируя состояние доиндустриального общества (до середины XIX в.), Э. Агацци говорил, что доля физического труда в экономике того периода во много раз превышала долю умственного. Теоретические и практические знания в значительной степени не были связаны между собой, также не были взаимосвязаны общее и профессиональное образование [1]. Прекрасный мастер мог быть неграмотным, а высокообразованный дворянин бесполезным как работник. Профессии четко делились на те, которыми может заниматься «приличный человек», и на профессии «для черни». Профессиональное образование было сконцентрировано вокруг знаний практического характера и направлено на освоение деятельности, считавшихся успешными на протяжении жизни нескольких поколений.

В индустриальном обществе (середина XIX – середина XX в.) доля физического труда уменьшается, возрастает роль умственной деятельности. В. Д. Симоненко и М. В. Ретивых отметили формирование в данный период более тесной корреляции между общим и профессиональным образованием [8]. Формируются также стандарты профессионального образования, все чаще люди из обеспеченных слоев общества начинают заниматься постоянной профессиональной деятельностью; благодаря более широкому профессиональному образованию растет «средний класс». Работники борются за свои права, любой труд приобретает социальную ценность и значимость. В этот период общество стало не только решать насущные проблемы выживания, но и благодаря развитию технологий озабочено проблемами прогресса и развития, в том числе, по мнению А. Маслоу, проблемой развития отдельного человека как личности, способной в рамках профессиональной деятельности существенно повлиять на состояние общества в целом [6].

В постиндустриальном обществе (середина XX – середина XXI в.) рутинная, тяжелая и трудоемкая работа все чаще доверяется машинам, причем некоторые из них могли выполнять ментальные, умственные операции (экспертные системы). Это дало существенную экономию более ценного и качественно отличного человеческого труда. Э. Агацци назвал основным двигателем развития современного общества «человеческий капитал» – «наличие людей, одаренных креативным мышлением, умственными способностями и навыками понимания, использования, манипулирования и создания абстрактных моделей и формальных процедур, которые могут затем быть переведены в программное обеспечение и прилагаться в конкретных секторах благодаря более развитым вычислительным машинам» [1]. В то же время «многие виды человеческой деятельности, в частности умственной деятельности, не вызывают никаких изменений во внешнем мире, а изменяют субъекта, усиливают его, делают его лучше или хуже, преобразуют его «внутренний мир» [1]. Этот мир – сложный, многоплановый и многоуровневый феномен, включающий в себя, например, интуицию, спонтанную реакцию, «озарение», аффекты и эмоциональную компоненту, его невозможно смоделировать в рамках автоматизированных систем.

М. Ф. Зеер указал на необходимость подготовки человека к творческому, индивидуальному и качественному умственному труду, на который не способна даже самая развитая машина [4]. Доля такого труда пока невелика, но его ценность очень высока. Есть работа, которую с одинаковым успехом могут выполнять человек и машина, а есть работа, в которой машина превосходит человека. Есть деятельность, в которой работа машин и труд людей эффективно дополняют друг друга. Получить навыки такого труда человек вполне может с помощью автоматизированных обучающих систем. Но есть деятельность, которую, согласно Б. С. Гершунскому, человек никогда не сможет передоверить машине и в которой требуются именно человеческие качества (мораль, чувство ответственности) [3]. К деятельности такого рода может подготовить только человек.

Можно назвать следующие современные тенденции в сфере профессиональной деятельности, отразившиеся на профессиональном образовании:

1) трансформация экономики: наукоемкое и высокотехнологичное производство, основанное на постоянном внедрении новых технологий; разумное распределение и потребление; высокая доля нематериальных секторов в экономике;

2) изменение социальных условий профессиональной деятельности: независимо от рода занятий и профессии гражданин обладает одинаковым набором гражданских прав и свобод, что делает его труд все более свободным; набор социальных гарантий всем работникам (минимальный размер заработной платы, гарантии и компенсации для всех); отношение ко всем видам трудовой деятельности как к нужным и полезным для общества, следовательно, заслуживающим уважения; возможность кардинальной смены трудовой деятельности для каждого;

3) трансформация содержания профессиональной деятельности: исчезновение ряда профессий и появление новых видов профессиональной деятельности; увеличение доли умственного и творческого труда в большинстве профессий; быстрое устаревание значительной части профессиональных знаний и умений; необходимость и потребность для каждого работника в повышении квалификации и освоении новых технологий в процессе трудовой деятельности; внедрение ИКТ в значительной части профессий;

4) развитие педагогики (в том числе отечественной), по мнению В. М. Розина, в рамках качественно нового гуманитарного знания [7]. Оно включает развитие новых направлений теоретических и прикладных исследований; разработку педагогической теории и практики применительно к новым, динамично развивающимся социальным, экономическим, политическим, информационным факторам развития общества; разнообразие педагогических систем; развитие качественно новых педагогических технологий.

Развитие этих тенденций приводит к изменению качественных характеристик как подготовки к труду (профессиональное образование), так и самого труда (профессиональная деятельность). Отсюда повышенное внимание к межсубъектным связям в профессиональной деятельности и к субъект-субъектным отношениям в профессиональном образовании, являющимся, по мнению И. П. Смирнова, «стартовой площадкой» для последующей самореализации человека в профессии» [9]. Субъект-субъектные отношения в профессиональном образовании – это модель и формы взаимодействия субъектов педагогической и учебной деятельности в процессе профессиональной подготовки. На современном этапе можно отметить признаки их трансформации, представленные в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительная характеристика моделей отношений субъектов в профессиональном образовании

Критерии	Классическая модель	Формирующаяся модель
Основа формирования отношений	Преподаватель работает с группой студентов, преобладание субъект-объектных отношений	Индивидуализация и дифференциация обучения, преобладание субъект-субъектных отношений
Цель и результат деятельности	Усвоение необходимого объема знаний с последующим применением их в профессиональной деятельности	Создание условий для реализации личностного потенциала. Формирование потребности в самообразовании
Степень вмешательства государства	Государственный «заказ» на формирование личности определенного типа и специалистов с определенными знаниями, умениями, навыками	Вмешательство государства минимальное, существенное влияние структур гражданского общества (профсоюзов, общественных и саморегулируемых организаций)
Система управления процессом обучения	Тип: руководство-подчинение. Четкое разделение ролей и форм деятельности на руководящие и подчиненные с отнесением первых к компетенции преподавателя, вторых – к компетенции студента, что ограничивает результативность совместной деятельности	Тип: сотрудничество. Студент вовлечен в педагогический процесс уже на этапе постановки целей и задач и планирования учебного процесса. Существенная роль самоорганизации и самоконтроля в учебной деятельности. Существенная доля общения как с педагогом, так и с остальными студентами
Способы координации деятельности	Преобладают вертикальные связи, преподаватель организует процесс и руководит им, студент принимает предлагаемые модели взаимодействия	Преобладают горизонтальные связи: педагогическое общение на основе изначально равных позиций преподавателя и студента
Регулятор деятельности	Поощрение-наказание	Взаимная координация деятельности
Структура и содержание деятельности	Педагог как субъект педагогической деятельности: преобладает организационная и управленческая деятельность. Студент как объект учебной деятельности: преобладает воспроизведение полученных от преподавателя знаний. Недостаток: знания быстро устаревают	Педагог как субъект педагогической деятельности: преобладает совершенствование профессиональных навыков и педагогическое общение. Студент как субъект учебной деятельности: преобладают разнообразные формы учебной и творческой деятельности с трансформацией в профессиональную
Структура и содержание образования	Ориентировано на усвоение знаний и их применение в течение многолетней профессиональной деятельности	Ориентировано на формирование готовности студентов к постоянному обновлению знаний и смене технологий в течение многолетней профессиональной деятельности
Система мотивов, приоритетов и ценностей	Единообразная для всех, исходит из принципа «общественное выше личного», формируется государством. Педагогическое общение во многом формализовано	Индивидуальная для каждого студента и педагога с позитивным отношением к обществу в целом и к другим людям в частности. Основа педагогического общения – эмоциональные и творческие компоненты
Технологии	Преподаватель владеет технологиями на уровне и в рамках профессиональной традиции, студент – на уровне и в рамках деятельности, предложенной и руководимой педагогом, реализует формы работы, связанные с воспроизведением и применением знаний	Формируется технологичный подход на системном уровне. Готовность к смене технологий в профессиональной деятельности. В обучении преобладают интерактивные формы взаимодействия, совместная деятельность и общение, связанные с формированием и развитием профессиональных личностных качеств

Уровень социальной ответственности каждого человека возрос настолько, что он уже не может и не должен быть только исполнителем, объектом воздействия вышестоящего должностного лица, на которое, в свою очередь, тоже воздействует кто-то вышестоящий. Отношения власти и подчинения во многих сферах жизни общества (в том числе и в профессиональной деятельности) сменяются отношениями соревнования и сотрудничества, которые, согласно Л. Ф. Благушиной и В. Н. Иванову, являются предпочтительным типом взаимодействия [2]. К такому типу отношений, связанных со свободой и ответственностью, человек должен быть подготовлен еще на этапе профессионального обучения.

Н. В. Софронова и Т. А. Ларионова отмечали, что среди прочих факторов, позволивших достигать новых целей профессионального образования, перейдя от получения профессиональных знаний и умений к овладению технологиями саморазвития в профессиональной деятельности, одним из основных можно считать применение современных информационных компьютерных технологий [10]. С этим можно согласиться, так как доля самостоятельной работы студента, включающей в первую очередь организационные и управленческие функции и развивающей творческие качества студента, при его работе с компьютером составляет в некоторых случаях до 90 %.

Студент должен быть готов не к выполнению шаблонных действий (большинство из них успешно выполняют машины), а действовать в меняющейся ситуации, самостоятельно добывать, анализировать и применять знания, развивать новые умения, принимать решения и отвечать за них. В свою очередь, педагог должен доказать, что общение с ним будет интересно и полезно для студента, что без него тот не сможет разобраться в тонкостях профессии, разделить радость от результата совместного творческого труда. Отсюда трудности в педагогическом общении со студентами, выросшими в условиях свободного, плюралистического общества. Педагогам приходится «завоевывать» свой авторитет «с нуля», в то время как в обществе с сильными вертикальными связями авторитет педагога был изначально неоспорим.

В современных условиях педагог должен постоянно повышать свою квалификацию, развиваться и совершенствоваться, чтобы быть интересным для своих студентов. Е. А. Кузина, анализируя деятельность педагогов, обучающихся профессии, отметила необходимость для них быть успешными практикующими профессионалами, чтобы не только сотрудничать со студентами в процессе обучения, но и находиться в живой профессиональной среде, быть в курсе всех профессиональных новшеств, инициировать их [5]. Поэтому в педагогической теории и практике особое внимание уделяется формированию профессиональной компетентности будущих педагогов (так как они будут учить представителей всех профессий) на основе именно новой модели субъект-субъектных отношений. Это стратегический вопрос: старая модель не должна воспроизводиться и навязываться в рамках «ценного профессионального опыта» вопреки социальным реалиям.

Резюме. На основании вышеизложенного можно утверждать, что:

- 1) модель субъект-субъектных отношений в профессиональном образовании соответствует предпочтительной модели аналогичных отношений в профессиональной и социальной сферах общества;
- 2) при сохранении общей структуры субъект-субъектных отношений в профессиональном образовании наблюдается значительное изменение характера и содержания этих отношений, являющееся следствием кардинальных изменений требований, предъявляемых к профессиональной деятельности;

3) характер и содержание субъект-субъектных отношений в профессиональном образовании современного общества отражают модель автономного по отношению к властным структурам человека, способного к различным формам творческой деятельности как в профессиональной, так и в других сферах жизни: общественной, политической, личной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агацци, Э. Идея общества, основанного на знаниях / Э. Агацци ; пер. с англ. Д. Г. Лахути // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 3–20.
2. Благушина, Л. Ф. Ценностное отношение преподавателей к развитию личностного потенциала обучающихся технического колледжа / Л. Ф. Благушина, В. Н. Иванов // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2013. – № 3 (79). – С. 30–35.
3. Гершунский, Б. С. Концепция самореализации личности в системе обоснования целей и ценностей образования / Б. С. Гершунский // Педагогика. – 2003. – № 10. – С. 3–7.
4. Зеер, Э. Ф. Психология профессионального образования : учебное пособие / Э. Ф. Зеер. – 2-е изд., перераб. – Воронеж : МОДЭК, 2003. – 479 с.
5. Кузина, Е. А. Сущность и структура специальной компетенции педагога профессионального обучения в области дизайна / Е. А. Кузина // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2010. – № 3 (67). Т. 1. – С. 92–98.
6. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу ; пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухиной. – 3-е изд. – СПб. : Питер, 2003. – 351 с.
7. Розин, В. М. Философия образования: этюды-исследования / В. М. Розин. – Воронеж : МОДЭК, 2007. – 576 с.
8. Симоненко, В. Д. Общая и профессиональная педагогика : учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Профессиональное обучение» : в 2 кн. Кн. 1 / В. Д. Симоненко, М. В. Ретивых. – Брянск : Изд-во Брянского государственного университета, 2003. – 174 с.
9. Смирнов, И. П. Проблемы развития профессионального образования в РФ / И. П. Смирнов // Стратегия профессионального образования молодежи. – М. : Б. и., 1995. – С. 12–22.
10. Софронова, Н. В. Инновационные технологии управления в системе высшего профессионального образования / Н. В. Софронова, Т. А. Ларионова. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2008. – 181 с.

УДК [373.5.016:811.11]:37.035.6

**ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ
ИНТОЛЕРАНТНЫХ УСТАНОВОК У СТАРШЕКЛАССНИКОВ
В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ**

**FORECASTING AND PREVENTING
HIGH SCHOOL ADOLESCENTS' INTOLERANCE ATTITUDES
IN A FOREIGN LANGUAGE CLASS**

Е. А. Тенякова

E. A. Tenyakova

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. Экспериментальным путем выявляются лица с трансформированным этническим самосознанием, определяются психолого-педагогические условия формирования этнокультурной толерантности, прогнозируются интолерантные установки в среде старшеклассников и предлагается комплекс мер по их предупреждению на основе авторских методик, включающий обучающие и развивающие ресурсы, дидактические разработки для учащихся, практические рекомендации для учителей иностранного языка, апробация которых показала эффективность целенаправленной педагогической деятельности по формированию у обучающихся толерантного сознания.

Abstract. In the article high school students with a transformed ethnic identity have been experimentally detected, psychological and pedagogical conditions for fostering interethnic tolerance have been revealed. Intolerance attitudes in high school environment are forecasted. A set of measures for their prevention is suggested on the basis of the author's methods encompassing training and educational resources, didactic works for students, foreign language teachers practical recommendations testing of which showed the effectiveness of educational activities focused on the formation of students' tolerance.

Ключевые слова: *этнокультурная толерантность, интолерантность, позитивная этническая идентичность, стереотипы.*

Keywords: *ethno-cultural tolerance, intolerance, positive ethnic identity, stereotypes.*

Актуальность исследуемой проблемы. Современный мир переживает сложный период обострения конфликтов на межнациональной и межэтнической почве. Вспышки ксенофобии и неонацизма, этническое насилие и экстремизм являются прямой угрозой безопасности любого демократического государства и заставляют задуматься о причинах конфликтов и путях их преодоления и предотвращения. В связи с напряженной этнополитической ситуацией в мире перед современной системой образования и воспитания ставится задача целенаправленного формирования у молодежи межэтнической толерант-

ности, что нашло отражение в Национальной доктрине образования Российской Федерации, Концепции модернизации российского образования и целом ряде других законодательных и нормативных документов [3], [10].

Целью настоящей статьи является определение состояния этнического самосознания учащихся старших классов г. Чебоксары, выявление среди них лиц с выраженными интолерантными установками, разработка психолого-педагогических условий формирования межэтнической толерантности в процессе обучения их иностранному языку.

Материал и методика исследований. В ходе исследования использовались современные теоретические и прикладные работы по этнопсихологии и этнопедагогике, в частности, методическая разработка Г. У. Солдатовой и С. В. Рыжовой «Типы этнической идентичности» [4]. В экспериментальной части использовались методика изучения направленности эмоционально-оценочного компонента этнического стереотипа и диагностический тест отношений.

Результаты исследований и их обсуждение. Проблема воспитания межэтнической толерантности затрагивается в исследованиях И. Н. Афанасьева, Н. М. Лебедевой, З. Ф. Мубиновой, Т. Н. Петровой, С. В. Рыжовой, Г. У. Солдатовой, Т. С. Таюрской и др.

Концептуально межэтническая толерантность представлена как искусство жить в гармонии с представителями разных национальностей и этносов, отсутствие негативного отношения к иной этнической культуре, а точнее – наличие позитивного образа иной культуры при сохранении позитивного восприятия своей собственной [2, 46–47]. Под этим же углом зрения раскрывается содержание понятия «этническая интолерантность», которое представляет собой «преимущественно негативное восприятие иной этнической культуры при сверхпозитивном восприятии собственной этнической культуры» [2, 47].

В экспериментальном измерении межэтнической толерантности у старшеклассников были задействованы 160 учащихся средних общеобразовательных школ г. Чебоксары Чувашской Республики. Были выделены контрольная и экспериментальная группы (количество учащихся русской и чувашской национальностей примерно одинаковое). Выявление толерантных и интолерантных лиц среди старшеклассников проводилось на основе выделения типов этнической идентичности [2]. В результате эксперимента были выделены лица со следующими типами этнической идентичности: с позитивной этнической идентичностью, этнонигилизмом (гипоидентичностью), этнической индифферентностью, этноэгоизмом (гиперидентичностью). К толерантным лицам относятся те респонденты, этническую идентичность которых можно охарактеризовать по типу нормы, в соответствии с которой естественное предпочтение собственных этнокультурных ценностей сочетается с позитивным отношением к другим этническим группам, либо по типу нормы и этнической индифферентности одновременно. Группу интолерантных лиц составляют респонденты с этническим самосознанием по типу «гиперидентичность». В эту группу также входят респонденты, у которых наряду с гиперидентичностью в общую межэтническую диспозицию попадает либо «норма», либо «этническая индифферентность», либо то и другое одновременно. У респондентов с выраженными толерантными и интолерантными установками перевес одной из тенденций позволяет провести условную границу и разделить респондентов на две категории [4, 116].

В ходе эксперимента были получены следующие результаты:

Таблица 1

Распределение учащихся по типам этнической идентичности

Типы этнической идентичности	Контрольная группа		Экспериментальная группа	
	Кол-во выборов	%	Кол-во выборов	%
Позитивная этническая идентичность	38	47,5	40	50
Этноиндифферентность	37	46,2	35	43,7
Этнонигилизм	19	23,7	21	26,2
Этноэгоизм	23	28,7	19	23,7

В контрольной группе исследуемых было выявлено 19 случаев проявления тенденций этнонигилизма (3 – среди русских, 16 – среди учащихся чувашской национальности), 37 случаев проявления тенденций этнической индифферентности (в сочетании с нормой и этнонигилизмом), 23 случая проявления тенденций этноэгоизма. В экспериментальной группе был выявлен 21 случай проявления тенденций этнонигилизма (4 – среди русских, 17 – среди чувашей), 35 случаев проявления этноиндифферентности (в сочетании как с нормой, так и с проявлениями этнонигилизма), 19 случаев проявления этноэгоизма.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что на фоне общей позитивной этнической идентичности выявлены респонденты с трансформацией этнического сознания по типу гиперидентичности и гипоидентичности, которые относятся к категории лиц с интолерантными установками.

Для изучения этнического самосознания старшеклассников был применен анализ этнических стереотипов, ибо они являются основой межэтнического и межкультурного взаимопонимания [5, 111]. Этнический стереотип внутренне диалогичен. Его основными структурными компонентами являются автостереотипы и гетеростереотипы. Различия между автостереотипом и гетеростереотипом отражают уровень взаимопонимания между народами и степень их психологической тождественности. Релевантным индикатором в структуре этнического стереотипа является эмоционально-оценочный компонент, который может иметь как негативную, так и позитивную окраску. В структуре этнического стереотипа у лиц с преобладанием интолерантных установок увеличен дисбаланс между позитивностью автостереотипа и негативностью гетеростереотипов. Целью экспериментального исследования являлось выяснение оценочного отношения старшеклассников к своему народу, к непосредственно и опосредованно контактирующим народам. В ходе эксперимента была применена методика исследования направленности эмоционально-оценочного компонента этнического стереотипа, в частности, диагностический тест отношений (ДТО) (вариант Б) [4]. Старшеклассникам предлагалось оценить качества характера у типичных представителей чувашского, русского и британского народов.

Знак и величину общей эмоциональной ориентации субъекта характеризует диагностический коэффициент стереотипа (D). Его числовое значение определяется следующим образом: из суммы оценок всех положительных качеств вычитается сумма оценок всех отрицательных качеств, получившееся число делится на общую сумму всех оценок.

В таблице 2 представлены среднегрупповые значения коэффициентов направленности авто- и гетеростереотипов, полученных с помощью ДТО, характеризующих отношение десятиклассников к представителям своей и других национальностей. Коэффициент изменяется в пределах от -1 до $+1$. Чем ближе его значение к $+1$, тем более позитивен стереотипизируемый образ, и наоборот, чем ближе значение коэффициента к -1 , тем негативнее стереотип.

Таблица 2

**Результаты исследования направленности эмоционально-оценочного компонента
этнического стереотипа старшеклассников**

Контрольная группа

Автостереотип	Гетеростереотип	Гетеростереотип
Автостереотип чувашей	Гетеростереотип русских в восприятии чувашей	Гетеростереотип британцев в восприятии чувашей
0,1	0,2	0,13
Автостереотип русских	Гетеростереотип чувашей в восприятии русских	Гетеростереотип британцев в восприятии русских
0,18	0,08	0,14

Экспериментальная группа

Автостереотип	Гетеростереотип	Гетеростереотип
Автостереотип чувашей	Гетеростереотип русских в восприятии чувашей	Гетеростереотип британцев в восприятии чувашей
0,07	0,1	0,12
Автостереотип русских	Гетеростереотип чувашей в восприятии русских	Гетеростереотип британцев в восприятии русских
0,22	0,09	0,19

Результаты исследования показывают, что самооценка старшеклассников чувашской национальности несколько ниже, чем у русских, что свидетельствует об их этнической толерантности. Автостереотип русских выше автостереотипа чувашей, следовательно, национальная самооценка русских более высокая. Более низкая оценка русскими представителей чувашской национальности может свидетельствовать о несколько предвзятом отношении русских к чувашскому народу, т. е. об интолерантной тенденции. Гетеростереотип британцев в восприятии русских несколько ниже автостереотипа, однако в целом он положителен. Это значит, что у учащихся преобладает позитивная установка к британцам.

Таким образом, как видно из приведенных таблиц, среднегрупповые значения всех коэффициентов направленности эмоционально-оценочного компонента авто- и гетеростереотипов положительны. Отрицательные среднегрупповые значения коэффициентов отсутствуют. Однако и в контрольной, и в экспериментальной группах имеются отдельные случаи получения отрицательных значений диагностического коэффициента стереотипа. Так, в контрольной группе было отмечено 6 случаев получения отрицательного коэффициента автостереотипа чувашей, 3 случая отрицательного коэффициента гетеростереотипа русских в восприятии чувашей, 4 случая отрицательного гетеростереотипа британцев в восприятии чувашей. В экспериментальной группе было от-

мечено 5 случаев отрицательного автостереотипа чувашей, 4 случая отрицательного гетеростереотипа русских в восприятии чувашей, 4 случая отрицательной оценки британцев в восприятии чувашей, 5 случаев отрицательного гетеростереотипа чувашей в восприятии русских.

Полученные с помощью ДТО результаты позволяют сделать следующие выводы:

- в исследуемых группах отношения между представителями двух контактирующих наций лишены ярко выраженной напряженности и конфликтов. Отношение к британцам стабильно положительное;

- у учащихся чувашской национальности имеет место заниженная национальная самооценка;

- случаи отрицательных значений диагностического коэффициента стереотипа свидетельствуют об интолерантных тенденциях в обеих группах, которые могут стать потенциальными источниками конфликтов при межнациональном общении.

Результаты проведенного исследования наглядно показали, что в школах необходима целенаправленная работа по формированию межэтнической и этнокультурной толерантности, повышению уровня национальной самооценки у учащихся чувашской национальности. Для достижения этой цели было решено использовать потенциальные возможности иностранного языка, призванного служить взаимодействию стран и народов в духе диалога культур, гуманизации межнациональных отношений. Специфика предмета «Иностранный язык» состоит в том, что приобретенные учащимися в процессе обучения знания, навыки и умения являются не самоцелью, а средством для достижения других целей. Поэтому представляется очевидным, что воспитание этнокультурной толерантности у старшеклассников может осуществляться средствами самого иностранного языка. В ходе овладения коммуникативной и общекультурной компетенциями происходит воспитание толерантной личности [1, 12].

Нами была разработана специальная программа по воспитанию этнокультурной толерантности у старшеклассников в процессе обучения их иностранному языку, которая ставит перед педагогами следующие задачи:

- усиление коммуникативной и социокультурной направленности уроков иностранного языка;

- внедрение в учебно-воспитательный процесс факультативного курса «Английский язык и культура межнационального общения»;

- проведение занятий в режиме диалога культур между Россией, с одной стороны, и Великобританией и Соединенными Штатами Америки – с другой;

- этнопедагогизация процесса обучения иностранному языку;

- использование языкового материала, имеющего воспитательную ценность;

- организация целенаправленной речевой деятельности, обеспечивающей активное обсуждение и эмоциональное переживание учащимися межкультурных проблем;

- использование воспитательного потенциала речевого и неречевого поведения и этикета на иностранном языке;

- обеспечение единства обучения и воспитания, учебной и внеклассной работы.

В процессе целенаправленной работы по преодолению интолерантных тенденций у старшеклассников использовался целый комплекс образовательных и воспитательных ресурсов, большая часть которых представляет авторские разработки [6], [7], [8], [9].

По истечении двух лет было проведено повторное исследование на основе использования тех же методик и выявлены следующие результаты:

Таблица 3

Распределение учащихся контрольной и экспериментальной групп по типам этнической идентичности после окончания эксперимента

Типы этноидентичности	Контрольная группа		Экспериментальная группа	
	Кол-во уч-ся	%	Кол-во уч-ся	%
Позитивная идентичность	46	57,5	66	82,5
Этноиндифферентность	32	40	11	13,7
Этнонигилизм	15	18,7	8	10
Этноэгоизм	19	23,7	6	7,5

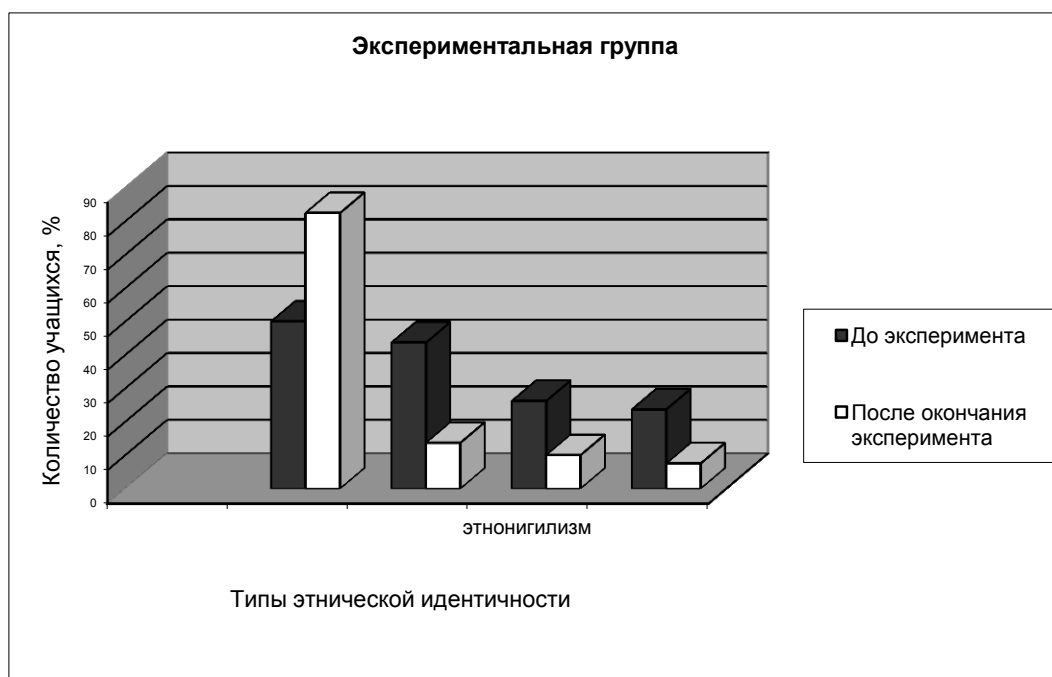
В экспериментальной группе количество учащихся с позитивной этнической идентичностью значительно возросло и одновременно существенно снизилось количество учащихся с проявлением тенденций этноиндифферентности, этноэгоизма и этнонигилизма. В контрольной группе также есть изменения в лучшую сторону, но они не столь значительны, как в экспериментальной группе.

Динамику изменений тенденций трансформации этнического самосознания учащихся контрольной и экспериментальной групп до и после эксперимента можно проследить на гистограммах 1 и 2.

Гистограмма 1

Гистограмма 2

Повторное исследование направленности эмоционально-оценочного компонента этнического стереотипа старшеклассников дало следующие результаты:

Таблица 4

Контрольная группа

Автостереотип	Гетеростереотип	Гетеростереотип
Автостереотип чувашей	Гетеростереотип русских в восприятии чувашей	Гетеростереотип британцев в восприятии чувашей
0,12	0,2	0,15
Автостереотип русских	Гетеростереотип чувашей в восприятии русских	Гетеростереотип британцев в восприятии русских
0,2	0,1	0,14

Экспериментальная группа

Автостереотип	Гетеростереотип	Гетеростереотип
Автостереотип чувашей	Гетеростереотип русских в восприятии чувашей	Гетеростереотип британцев в восприятии чувашей
0,29	0,2	0,25
Автостереотип русских	Гетеростереотип чувашей в восприятии русских	Гетеростереотип британцев в восприятии русских
0,28	0,19	0,24

Повторный анализ этнических стереотипов показал, что в контрольной группе особых изменений практически не произошло. В экспериментальной группе прослеживаются следующие тенденции: повысился автостереотип лиц чувашской национальности, равно как и гетеростереотипы русских и британцев в восприятии чувашей, что свидетельствует об уважительном отношении к данным народам. Автостереотип русских до начала эксперимента был выше автостереотипа чувашей, и по окончании эксперимента он немного повысился. Автостереотипы учащихся обеих национальностей оказались примерно на одинаковом уровне. Несколько заниженный гетеростереотип чувашей в восприятии русских повысился, что свидетельствует об их более уважительном отношении к чувашскому народу. Следует отметить, что гетеростереотип британцев в восприятии русских также несколько повысился.

Резюме. Таким образом, повторные результаты исследования наглядно продемонстрировали результативность рекомендаций по воспитанию межкультурной толерантности у старшеклассников в процессе обучения иностранному языку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варламова, Е. Ю. Лингводидактическая компетентность как составляющая профессиональной компетентности бакалавров по направлению подготовки «Лингвистика» / Е. Ю. Варламова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева – 2013. – № 1 (77). Ч. 1. – С. 8–14.
2. Лебедева, Н. М. Социальная психология этнических миграций / Н. М. Лебедева. – М. : Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, 1993. – 195 с.
3. Национальная доктрина образования в Российской Федерации // Российская газета. – 1999. – 3 декабря. – С. 6–7.
4. Солдатова, Г. У. Межкультурное общение: когнитивная структура этнического самосознания / Г. У. Солдатова // Познание и общение. – М. : Наука, 1988. – С. 111–125.
5. Солдатова, Г. У. Психология межкультурной напряженности / Г. У. Солдатова. – М. : Смысл, 1998. – 388 с.
6. Тенякова, Е. А. Fill my heart with song : методические указания по использованию песен в обучении английскому языку / Е. А. Тенякова, А. А. Пушкин. – Чебоксары : Чуваш. гос. ун-т, 2005. – 20 с.
7. Тенякова, Е. А. Английский язык и культура межнационального общения : программа и методические рекомендации факультативного курса / Е. А. Тенякова. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2005. – 26 с.
8. Тенякова, Е. А. Let's Read and Speak about Tolerance : методические указания по использованию текстового материала для формирования культуры межнационального общения в процессе обучения английскому языку / Е. А. Тенякова. – Чебоксары : Чуваш. гос. ун-т, 2005. – 54 с.
9. Тенякова, Е. А. Формирование культуры межнационального общения у старшеклассников средствами иностранного языка / Е. А. Тенякова. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2007. – 156 с.
10. Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005) : Постановление правительства РФ от 25.08.01. № 629 // Официальные документы в образовании. – 2001. – № 30. – С. 66–94.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Адаев Иван Анатольевич – аспирант кафедры педагогики и яковлеведения Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Adaev, Ivan Anatolyevich – Post-graduate Student, Department of Pedagogics and Yakovlev Studies, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Алексеева Марина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Alekseeva, Marina Gennadyevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Roman and German Philology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Басманцев Дмитрий Викторович – младший научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук, г. Чебоксары

Basmantsev, Dmitry Victorovich – Junior Researcher of History, Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary

Вакку Григорий Владиславович – кандидат филологических наук, доцент кафедры коммуникационных технологий Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Vakku, Grigory Vladislavovich – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Communication Technologies, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Варламова Елена Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Varlamova, Elena Yuryevna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of English Language, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Васильева Елена Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английской филологии и переводоведения Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Vasilyeva, Elena Nikolaevna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of English Philology and Translation Studies, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Ваткина Марина Анатольевна – инженер-конструктор 1-й категории отдела перспективных разработок Научно-производственного предприятия «ЭКРА», г. Чебоксары

Vatkina, Marina Anatolyevna – Design Engineer of the First Category, Department of Advanced Development, Scientific Industrial Enterprise «EKRA», Cheboksary

Газизов Рамис Рассыхович – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью Академии социального образования, ассистент кафедры теории и практики электронных СМИ Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань

Gazizov, Ramis Rassykhovich – Candidate of Philology, Senior Lecturer, Department of Advertising and Public Relations, Academy of Social Education, Assistant, Department of Theory and Practice of Electronic Media, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

Григорьев Анатолий Алексеевич – инженер-программист кафедры общей и теоретической физики Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Grigoryev, Anatoly Alekseevich – Engineer, Department of General and Theoretical Physics, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Громова Елена Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английской филологии и переводоведения Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Gromova, Elena Nikolaevna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of English Philology and Translation Studies, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Димитриев Дмитрий Алексеевич – доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой биологии и основ медицинских знаний Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Dimitriev, Dmitry Alekseevich – Doctor of Medicine, Professor, Head of the Department of Biology and Medical Knowledge Bases, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Ершова Алина Андреевна – преподаватель кафедры документоведения и издательского дела Казанского государственного университета культуры и искусств, г. Казань

Ershova, Alina Andreevna – Lecturer, Department of Records Management and Publishing Industry, Kazan State University of Culture and Arts, Kazan

Ефимов Лев Архипович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и региональной истории Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Efimov, Lev Arkhipovich – Doctor of History, Professor, Department of National and Regional History, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Засецкова Елена Николаевна – преподаватель кафедры английской филологии и переводоведения Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Zasetskova, Elena Nikolaevna – Lecturer, Department of English Philology and Translation Studies, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Ильин Андрей Евгеньевич – аспирант кафедры педагогики и яковлеведения Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Ilyin, Andrey Evgenyevich – Post-graduate Student, Department of Pedagogics and Yakovlev Studies, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Карпов Александр Борисович – аспирант кафедры отечественной и региональной истории Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Karpov, Aleksandr Borisovich – Post-graduate Student, Department of National and Regional History, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Кормилина Наталия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Kormilina, Natalia Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of English Language, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Корсакова Екатерина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры восточных языков Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург

Korsakova, Ekaterina Vladimirovna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, A. Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg

Курникова Наталия Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английской филологии и переводоведения Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Kurnikova, Natalia Sergeevna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of English Philology and Translation Studies, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Лыткина Елена Васильевна – соискатель кафедры педагогики Коми государственного педагогического института, г. Сыктывкар

Lytkina, Elena Vasilyevna – Applicant, Department of Pedagogics, Komi State Pedagogical Institute, Syktyvkar

Мурашковская Елена Михайловна – аспирант кафедры теории преподавания иностранных языков Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва

Murashkovskaya, Elena Mikhaylovna – Post-graduate Student, Department of Foreign Language Teaching Methods, M. Lomonosov Moscow State University, Moscow

Николаева Елена Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Nikolaeva, Elena Vitalyevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of English Language, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Нурзат Аржаана Андреевна – преподаватель кафедры всеобщей истории и археологии Тувинского государственного университета, г. Кызыл

Nurzat, Arzhaana Andreevna – Lecturer, Department of General History and Archaeology, Tuvan State University, Kyzyl

Огрина Галина Вячеславовна – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации Средне-Волжского (Саранска) филиала, г. Саранск

Ogrina, Galina Vyacheslavovna – Senior Lecturer, Department of State and Legal Disciplines, Russian Legal Academy of Ministry of Justice of the Russian Federation, Midle-Volga (Saransk) Branch, Saransk

Павлова Ираида Юрьевна – кандидат педагогических наук, докторант кафедры истории и социологии Казанского государственного университета культуры и искусств, г. Казань

Pavlova, Iraida Yuryevna – Candidate of Pedagogics, Doctoral Candidate, Department of History and Sociology, Kazan State University of Culture and Arts, Kazan

Полевищикова Татьяна Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры технологии и методики технологии и профессионального образования Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола

Polevshchikova, Tatyana Ivanovna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of Technology and Methods of Technology and Vocational Education, Mari State University, Yoshkar-Ola

Прошина Людмила Матвеевна – соискатель кафедры информатики и вычислительной техники Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Proshina, Ludmila Matveevna – Post-graduate Student, Department of Informatics and Computer Science, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Ремизова Надежда Михайловна – аспирант кафедры биологии и основ медицинских знаний Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Remizova, Nadezhda Mikhaylovna – Post-graduate Student, Department of Biology and Medical Knowledge Bases, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Тенякова Елена Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары.

Tenyakova, Elena Aleksandrovna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of Foreign Languages, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Фархуллин Рустам Шарипович – ассистент кафедры теории и методики географического и экологического образования Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань

Farkhullin, Rustam Sharipovich – Assistant, Department of Theory and Methods of Geographical and Environmental Education, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

Фролова Вера Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Frolova, Vera Aleksandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Roman and German Philology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Ховалыг Салимаа Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения и архивоведения Тувинского государственного университета, г. Кызыл

Khovalyg, Salimaa Sergeevna – Candidate of History, Associate Professor, Department of Records Management and Archival Studies, Tuva State University, Kyzyl

Чеплашкина Елена Борисовна – аспирант кафедры биологии и химии Чувашской государственной сельскохозяйственной академии, г. Чебоксары

Cheplashkina, Elena Borisovna – Post-graduate Student, Department of Biology and Chemistry, Chuvash State Agricultural Academy, Cheboksary

Шугаева Наталья Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии и переводоведения Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Shugaeva, Natalya Yuryevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of English Philology and Translation Studies, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В издании предусматривается размещение статей по актуальным проблемам естественных, технических и гуманитарных наук, содержащих новые научные результаты, ранее не опубликованных и не представленных к публикации в других изданиях. Публикуются статьи по следующим отраслям науки: 01 – физико-математические науки; 03 – биологические науки; 07 – исторические науки и археология; 10 – филологические науки; 13 – педагогические науки.

Не публикуются крупные статьи, механически разделенные на ряд отдельных сообщений; статьи с описанием результатов незаконченных исследований без определенных выводов; работы описательного характера.

Статья должна иметь:

- а) индекс универсальной десятичной классификации (УДК);
- б) название работы на русском и английском языках (жирным шрифтом строчными буквами);
- в) инициалы и фамилии авторов на русском и английском языках (жирным шрифтом строчными буквами) – количество соавторов в статье может быть не более 4;
- г) полное название учреждения и города (курсивом), где выполнена работа;
- д) четкую аннотацию на русском и английском языках (не менее 500 знаков) отдельными абзацами;
- е) ключевые слова на русском и английском языках (не более 7);
- ё) основной текст, включающий следующие подразделы:
 - актуальность исследуемой проблемы;
 - материал и методика исследований;
 - результаты исследований и их обсуждение;
 - резюме;
 - литература.

В конце статьи должны быть указаны сведения об авторах на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность; адрес с почтовым индексом, контактный телефон, e-mail; рабочий адрес и e-mail; шифр специальности, по которой выполняется работа (согласно номенклатуре специальностей научных работников). Авторы должны собственноручно поставить подпись, которая означает их согласие на передачу прав на издание и распространение содержащейся в статье информации редакции Вестника. Этим автор также гарантирует, что статья оригинальная, ни содержание, ни рисунки к ней не были ранее опубликованы в других изданиях. Поступление статьи в редакцию означает полное согласие автора с правилами Вестника.

К статье должны быть приложены следующие документы:

- а) рецензия специалиста в области исследования (доктора наук, профессора);
- б) экспертное заключение от организации, представляющей статью к публикации, о возможности опубликования материалов исследования в открытой печати, подтверждающее, что статья оригинальная, ранее нигде не опубликована и не представлена к публикации в других журналах и не содержит никакой секретной информации;
- в) отзыв научного руководителя и справка с места учебы, подтверждающая обучение в аспирантуре на бюджетной основе, с указанием сроков обучения, подписанная руководителем организации (для аспирантов).

В редакцию Вестника статьи направляются в двух форматах: в печатном и электронном (на компакт-диске) вариантах. Электронный вариант должен точно соответствовать печатному.

При оформлении статьи необходимо руководствоваться следующими правилами:

1. Статья должна быть напечатана на одной стороне листа формата А4 с полями: слева 3 см, справа, сверху и снизу 2 см.
2. Размер шрифта – 14. Абзацный отступ – 1 см (5 знаков). Интервал – полуторный. Текст статьи набирается в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.doc или *.rtf шрифтом Times New Roman с выравниванием по ширине и автоматическим переносом слов. При использовании дополнительных шрифтов они должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке.
3. Объем статьи должен быть не менее 10 и не более 16 страниц компьютерного исполнения.
4. Таблицы должны содержать экспериментальные данные и представлять собой обобщенные и статистически обработанные материалы исследований. Каждая таблица должна иметь заголовок, быть обязательно пронумерована и упомянута в тексте.
5. Количество иллюстраций не должно превышать 4, данные рисунков не должны повторять материалы таблиц. Рисунки должны быть четкими, легко воспроизводимыми, быть обязательно пронумерованы, упомянуты в тексте и иметь подрисовочные подписи и объяснение значений всех условных обозначений. Полноцветные иллюстрации не допускаются. Кегль текста в схемах – 9 пт.
6. Формулы и буквенные обозначения по тексту должны быть набраны в среде редактора формул Microsoft Equation 3.0. Шрифт для греческих букв – Symbol, для всех остальных – Times New Roman, основной размер – 11, крупный индекс – 7, мелкий – 5. В формулах следует избегать громоздких обозначений. Формулы располагаются по центру страницы, в случае необходимости нумеруются.
7. Сокращение слов, имен, названий, кроме общепринятых сокращений мер, физических и математических величин и терминов, допускается только с первоначальным указанием полного названия.
8. Цитируемая в статье литература (не менее 10 источников) приводится в виде алфавитного списка по действующему ГОСТу (ГОСТ 7.1-2003). Не допускаются ссылки на неопубликованные работы. Ссылки в тексте даются в квадратных скобках с указанием номера из списка литературы и страницы (при необходимости), откуда приводится цитата.

Материалы, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Григорьев А. А., Ваткина М. А.</i>	Анализ физических процессов износа электрических контактов коммутационных низковольтных аппаратов	3
---	---	---

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Димитриев Д. А., Ремизова Н. М.</i>	Влияние дыхания с заданной частотой на вариабельность интервалов QT электрокардиограммы	14
<i>Фархуллин Р. Ш.</i>	Изменчивость разнообразия древесно-кустарниковой растительности Лубянского участкового лесничества Республики Татарстан (1926–2007 гг.)	21
<i>Чеплашкина Е. Б.</i>	Активность α -амилазы и фосфатаз в тканях разных долей легких у крольчат	29

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Басманцев Д. В.</i>	Деятельность Канцелярии от строений и местных органов управления на территории Чувашии в первой четверти XVIII века	35
<i>Ефимов Л. А., Карпов А. Б.</i>	Ветеринария Чувашии периода гражданской войны 1918–1920 гг. (на материалах Чебоксарского уездного ветеринарного отдела)	41
<i>Нурзат А. А.</i>	Основные этапы коллективизации и перехода арапов на оседлость в Туве (1921–1944 гг.)	47
<i>Огрин Г. В.</i>	Региональная культурная политика и идеология в Мордовии в годы перестройки (1985–1991 гг.): особенности трансформаций	53

<i>Павлова И. Ю.</i>	Этническая история как фактор взаимовлияния культур тюркоязычных народов Татарстана	63
<i>Ховалыг С. С.</i>	Историография изучения чиновничества Тувы во второй половине XIX – начале XX в.	69

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Алексеева М. Г., Фролова В. А.</i>	Особенности императивных имен в современном немецком языке	74
<i>Вакку Г. В.</i>	Литературно-художественный и общественно-политический журнал «Ялав» (Знамя): особенности становления	83
<i>Газизов Р. Р.</i>	Практики участия периодических изданий Республики Татарстан в избирательных кампаниях	89
<i>Ершова А. А.</i>	Провинция и критика: споры по поводу типичности образа «захолустья» в произведениях А. П. Чехова	95
<i>Засецкова Е. Н.</i>	Обоснование риторического подхода к изучению речевой эмоции	101
<i>Кормилина Н. В., Шугаева Н. Ю.</i>	Структурно-семантическая связность стимулирующих реплик и реплик-реакций в диалогическом тексте	108
<i>Мурашкова Е. М.</i>	Дискурсивный маркер <i>like</i> в молодежном онлайн-дискурсе	116
<i>Николаева Е. В.</i>	Дискурсивные слова и особенности их функционирования в среднеанглийском диалогическом дискурсе	122

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Адаев И. А.</i>	Проектирование модели процесса формирования профессиональных компетенций у будущих учителей химии с использованием информационных технологий	129
<i>Варламова Е. Ю.</i>	Особенности профессиональной подготовки бакалавров иноязычного педагогического образования	136
<i>Васильева Е. Н., Громова Е. Н., Курникова Н. С.</i>	Формирование профессиональных компетенций у будущих переводчиков	141
<i>Ильин А. Е.</i>	Формирование у будущих менеджеров сферы управления положительной мотивации к профессионально-личностному развитию в ходе изучения иностранных языков	149
<i>Корсакова Е. В.</i>	Система непрерывного образования взрослых: социально-психологические характеристики взрослых учащихся	154

Содержание

<i>Лыткина Е. В.</i>	Региональная модель «Реализация поликультурного диалога в средней общеобразовательной школе» (на примере Республики Коми)	160
<i>Полевищикова Т. И.</i>	Развитие творческих способностей школьников на уроках технологии на основе марийских народных ремесел	165
<i>Прошина Л. М.</i>	Эволюция субъект-субъектных отношений в профессиональном образовании	171
<i>Тенякова Е. А.</i>	Прогнозирование и предупреждение интолерантных установок у старшеклассников в процессе обучения иностранному языку	177
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ		185
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ		191

CONTENT

PHYSICS AND MATHEMATICS

<i>Grigoryev A. A., Vatkina M. A.</i>	Analysis of physical processes of wear of electric contacts in low voltage switching devices	3
---	--	---

BIOLOGY

<i>Dimitriev D. A., Remizova N. M.</i>	The effect of paced breathing on the variability of QT-intervals of electrocardiogram	14
<i>Farkhullin R. Sh.</i>	Variability of tree and shrubbery vegetation in Lubyansky forestry of the Republic of Tatarstan (1926–2007)	21
<i>Cheplashkina E. B.</i>	Activity of α -amylase and phosphatases in different parts of lung tissues at rabbits	29

HISTORY

<i>Basmansev D. V.</i>	The Chancellery on buildings and local government of Chuvashia in the first quarter of the 18 th century	35
<i>Efimov L. A., Karpov A. B.</i>	Veterinary medicine of Chuvashia during the civil war of 1918–1920 (on the materials of veterinary department of Cheboksary) ...	41
<i>Nurzat A. A.</i>	Main stages of collectivization and sedentarization of the Arat people in Tuva (1921–1944)	47
<i>Ogrina G. V.</i>	Regional cultural policy and ideology in Mordovia in the years of perestroika (1985–1991): features of transformations	53
<i>Pavlova I. Y.</i>	Ethnic history as a factor of interaction of cultures of the Turkic speaking peoples of Tatarstan	63
<i>Khovalyg S. S.</i>	Historiography of officialdom of Tuva of the second half of the 19 th – early 20 th centuries	69

PHILOLOGY

<i>Alekseeva M. G., Frolova V. A.</i>	The peculiarities of imperative nouns in modern German	74
<i>Vakku G. V.</i>	Literary-art and socio-political journal «Yalav» (Banner): peculiarities of formation	83
<i>Gazizov R. R.</i>	Participation of periodicals of the Republic of Tatarstan in election campaigns	89
<i>Ershova A. A.</i>	Province and criticism: disputes on typical nature of «backwoods» in the works of A. P. Chekhov	95
<i>Zasetskova E. N.</i>	Substantiation of rhetoric approach to verbal emotion	101
<i>Kormilina N. V., Shugaeva N. Yu.</i>	Structural and semantic cohesion of stimulating turns and reaction turns in a dialogue	108
<i>Murashkovskaya E. M.</i>	Discourse marker <i>like</i> in online youth communication	116
<i>Nikolaeva E. V.</i>	Discourse markers and peculiarities of their functioning in the middle english dialogic discourse	122

PEDAGOGICS

<i>Adaev I. A.</i>	Designing the process of professional competences development for would-be chemistry teachers by means of information technologies	129
<i>Varlamova E. Yu.</i>	Peculiarities of professional training of bachelors of foreign-language pedagogical education	136
<i>Vasilyeva E. N., Gromova E. N., Kurnikova N. S.</i>	Development of professional competences of translators to be	141
<i>Ilyin A. E.</i>	Formation of would-be managers' positive motivation to professional and personal development through learning foreign languages	149
<i>Korsakova E. V.</i>	Life-long education system: social and psychological characteristics of adult students	154
<i>Lytkina E. V.</i>	Regional model «Implementation of multicultural dialogue at secondary school» (the Republic of Komi)	160
<i>Polevshchikova T. I.</i>	Development of creative abilities at pupils on basis of the Mari folk crafts at shop classes	165

<i>Proshina L. M.</i>	Evolution of subject-subject relations in professional education ...	171
<i>Tenyakova E. A.</i>	Forecasting and preventing high school adolescents' intolerance attitudes in a foreign language class	177
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS		185
INFORMATION FOR THE AUTHORS		191

**ВЕСТНИК ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. И. Я. ЯКОВЛЕВА**

2014. № 2 (82)

Редакторы Н. А. Осипова
 Л. А. Судленкова
 Е. Н. Засецкова
 Н. Н. Федорова
 К. Э. Кузьмина

Компьютерная верстка, макет А. П. Кошкиной

Подписано в печать 30.05.2014. Выход в свет 10.06.2014.
Формат 70х100/8. Бумага писчая.
Печать оперативная. Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 25,0.
Тираж 500 экз. Заказ № 1815. Цена свободная.

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева»
428000, Чебоксары, ул. К. Маркса, 38

Отпечатано в отделе полиграфии
ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева»
428000, Чебоксары, ул. К. Маркса, 38